Любить кого-то?

Грейс Слик

SHOUT
SHARE
IT

- Грейс Слик
- От автора
- От переводчика
- Часть первая
- 1. Прекрасная блондинка с Поворота Больших Денег
- 2. Я люблю Лос-Анджелес
- 3. Грейс-гейша
- 4. 1798 или 1998?
- 5. Нытик
- 6. Кончик
- 7. Толстушка
- 8. Синие яйца
- 9. Что делать с чашей для омовения рук
- 10. "Старики"
- 11. Внезапное решение
- 12. Дурацкая работа
- 13. Церковь Святой Грейс
- 14. Пользуйся!
- 15. Пейот, картошка и ЛСД
- 16. Сцена
- 17. Посвящение
- 18. Кнопочки, лампочки и шнурочки
- 19. Пена
- 20. Закоренелые преступники
- 21. Монтерей
- 22. Вудсток
- 23. Альтамонт
- 24. Леди (и джентльмены) Каньона
- 25. Бег по кругу
- 26. Клубничный трах
- 27. Большой дом
- 28. А победила...
- Часть вторая
- 29. Доза для Хитрого Дика
- 30. Мелкие аресты
- 31. Чайна
- 32. Хромированная монашка
- 33. Фанаты и фанатики
- 34. Серебряный кубок
- Часть третья
- 35. Скала над морем
- 36. Jefferson Starship
- 37. Коньячные близняшки

- 38. Пропускать везде!
- 39. Уволена по собственному желанию
- 40. В состоянии опьянения
- 41. Излишества
- 42. Соло
- 43. С ветерком
- 44. Уходы
- 45. Панда
- 46. Политпирог
- 47. Пренебрежение
- 48. Полная гамма
- 49. Снова в дорогу
- Часть четвертая
- 50. Поднимаясь вместе с солнцем
- 51. Огонь и страсть
- 52. Рок-н-ролл и старость
- 53. Отбросить тело
- 54. Несколько слов на прощание
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

main

Грейс Слик
Любить кого-то?
Рок-н-ролльные мемуары, написанные с помощью Андреа Каган

Перевод: J.Андрей Манухин

Люблю всех

Спасибо всем, кто помог мне с этой книгой:

Скипу Джонсону, моему другу навсегда
Чайне Кэнтнер, за то, что была собой
маме и папе, за то, что дали мне больше, чем существование
Крису Уингу, за детский взгляд на вещи
Полу Кэнтнеру, за юмор и безмерную помощь с моей избирательной памятью
Андреа Каган, за дружбу, открытое сердце и открытый ум
Брайану Роэну, за представление меня моему агенту
Морин Реган, моему агенту, за то, что заморочила мне голову, уговорив написать эту книгу (и за получение "длинного доллара", соответственно) - а также за безграничную энергию как в личных, так и в деловых вопросах
Рику Хоргану, моему редактору, за его предложения и разрешение "немного поразвлечься"
группам "The Great Society", "Airplane" и "Starship" и всем присоединившимся, за их талант и поддержку
сестре Пэт Монаэн, за Баки и за способность слушать
Винсенту Марино, за почти, черт возьми, безусловную любовь
Рону Нейману, за приукрашивание наружности моей головы и приведение в порядок ее внутреннего содержания
Джастину Дэвису, за уникальность и фотографии
и, естественно, всем людям, что следовали за нашей музыкой

все эти годы.

От автора

Когда мы с моей соавторшей, Андреа Каган, задумывали эту книгу, мы *поначалу* предполагали, что она будет задавать мне вопросы, а потом, вооруженная этими заметками, сядет за компьютер, чтобы построить сценарий вокруг фразы или абзаца наших разговоров. Результат получился слегка бессвязным, и мы отвергли такой подход к работе.

Второй метод, оказавшийся более удачным, заключался в том, что Андреа давала мне план каждой части, состоящий из тем, которые мы обсуждали. На основе этого я описывала все, что могла вспомнить: факты или свою интерпретацию очередного эпизода моей жизни. Затем Андреа (профессионал, все-таки) дисциплинировала мои мысли и мою ужасную пунктуацию. Я могу придумать интересную сцену или создать правдоподобный диалог, но различия между запятыми и двоеточиями всегда казались мне чем-то вроде желудочно-кишечной хирургии... Да, все это - мои слова, но они, как самолет, не могут обойтись без взлетной полосы, механиков и контрольной вышки.

От переводчика

Книга Грейс Слик "Somebody To Love?" для меня – не столько попытка передать атмосферу, окружавшую одну из сильнейших вокалисток рок-музыки, сколько попытка выразить свою точку зрения. Потому что, как пишет сама Грейс: "Мне всегда есть, что сказать". Выбирая, какие главы опубликовать, я постарался акцентировать внимание на наименее известных, но, тем не менее, крайне интересных фактах из биографии Грейс (изложенных, надо сказать, со всем свойственным ей сарказмом по отношению к себе и к окружающей действительности).

Часть первая

1. Прекрасная блондинка с Поворота Больших Денег

Чикаго, 1973 год. "Jefferson Airplane" настраиваются, а я стою на сцене, готовясь петь. Кто-то в зале встает и кричит: "Эй, Грейси, сними пояс верности!"

Я смотрю прямо на него и говорю: "Да ты что, я и трусов-то не ношу". Задираю юбку, чтобы все успели заметить, и зал взрывается смехом. Краем уха я слышу, как ребята из группы бормочут за спиной: "Господи..."

Моя реакция была, на самом деле, вежливой, по сравнению с тем, что я сделала в Германии 4 или 5 лет спустя: я была пьяна, подошла к парню, сидевшему в первом ряду, и поковырялась у него в носу. Это было в тот вечер, когда я впервые ушла из группы. Точнее, я сама себя уволила. По разным причинам, о которых я расскажу позже, выпив все содержимое минибара в своем гостиничном номере перед концертом, я запустила пальцы этому парню в ноздри просто потому, что, как мне казалось, они были заложены. К счастью, эти немцы никогда нас раньше не видели, поэтому они, наверное, решили, что мы - панк-группа, и просто не обратили внимания.

Почему Грейс Уинг, хорошо образованная, начитанная девушка, выросшая в "обычной американской семье", внезапно превратилась в такую отвязную персону?

Ну, сарказм всегда был у нас фамильной чертой, но *настоящая* причина моего неуклонного огрубения - фильм 1949 года, который я посмотрела в детстве. Недавно видела повтор, и все это снова было там, на экране: сплав юмора и фантазии, который так понравился маленькой девочке, желавшей попасть в ту цветную реальность.

Телепрограмма в мае 1997 года:

11:40 - фильм "Прекрасная блондинка с Поворота Больших Денег", комедия (1949 год), 1:35, в гл. роли Бетти Грэйбл

Классное название.

Когда мне было лет пять или девять, солдаты Второй Мировой войны хотели *поиметь* Бетти Грэйбл, но я хотела *быть* Бетти Грэйбл. Она была квинтэссенцией привлекательной женщины, у нее, как я думала, было для этого все.

Моя мама говорила мне: "У нее коронки на зубах, обесцвеченные волосы и ни грамма таланта". Будучи натуральной блондинкой с полным ртом идеально ровных зубов, она

негодовала. Но мисс Грэйбл могла быть хоть с головы до пят силиконовой, мне было все равно. Как бы то ни было, для меня это сработало. Посмотрев фильм, я поняла, что у меня есть вся информация для того, чтобы идти по жизни, подобно бронированной белокурой богине.

Первая сцена "Прекрасной блондинки" происходит в 1895 году в небольшом городке на Диком Западе. Бетти в тюрьме, все еще в великолепном наряде, надетом для ежевечернего выступления в салуне. Она лишь немного ошарашена пребыванием в тюрьме, и приятель говорит ей: "Не беспокойся, тебя выпустят минуты через две. Все равно никто не любил парня, которого ты укокошила".

После вечернего концерта для всяких пьяных ковбоев в салуне она пришивает их заводилу и на следующее утро предстает перед судом, где говорит полнейшую белиберду, а затем сбегает, всадив пулю судье в задницу.

Комедия.

Главное, что девятилетняя Грейс увидела женщину, которая выглядит как принцесса, ведет себя возмутительно и предпочитает мужские способы разрешения конфликтов, сводящие ситуацию к фарсу. Никакого феминизма, никаких серьезных монологов. Просто несколько развлекательных сюжетов, показывающих комическую природу персонажа и привычку следовать своим прихотям.

Во второй сцене персонаж Бетти, еще маленькая девочка, учится тонкостям меткой стрельбы под руководством дедушки.

- Можно мне поиграть в куклы? - спрашивает она.

- Юная леди, граница - дикое место, - говорит дед. - Никто о тебе не позаботится, если ты сама о себе не позаботишься - и *никто* не спорит с пистолетом. Если справишься с этим, у тебя не будет проблем, из которых ты не смогла бы выкарабкаться.

Маленькая Бетти разбивает десять бутылок на стене с двадцати шагов и говорит:

- А *теперь* можно мне поиграть в куклы?

- Хорошо, - говорит старик, бормоча себе под нос: - Блин, а она классно стреляет!

В следующих сценах взрослая Бетти продолжает отпускать саркастические реплики, не терпит насмешек от детей и взрослых и позволяет разнообразным ухажерам понять, что очарована их вниманием, но совсем не доступна. Первоклассный стрелок, она подбирает юбки и вскакивает в седло с легкостью Джона Уэйна. Влюбившись в Сезара Ромеро, *она* должна спасти *его* - как от гибели в перестрелке, так и от его собственных смятенных мыслей.

Примечательно, что все это она проделывает без нытья или проповедей против сексизма. Она просто решает проблемы поочередно, всегда с чувством юмора, всегда сосредоточенная, без сантиментов. В конце фильма, узнав, что у Ромеро есть другая женщина на стороне, она опускает его парой хорошо подобранных реплик и снова всаживает пулю в задницу тому же судье - на этот раз во *вторую* половинку.

"Феминистическая комедия" (понятия, практически несочетаемые) неплохо пошла через пару лет после Второй Мировой. Еще памятна была женская независимость во время войны, когда Рози-клепальщицы работали на заводах, собирая боевые машины союзников, одновременно занимаясь деньгами, домом и детьми. Эти фильмы давали маленьким девочкам в зале повод для самоуверенного поведения в стиле "цель-оправдывает-средства". Никаких проповедей, никаких полутонов, просто принимать юмор жизни таким, какой он есть, и радоваться ей, где бы ты ни была, что бы ни делала.

Все эти образы на целлулоиде создавали портрет *меня*, какой я хотела бы быть.

Несмотря на то, что пятидесятые ознаменовались возвратом к пушистому домашнему халату Дорис Дэй, я была под впечатлением от героинь, "делающих себя" самостоятельно, на которых насмотрелась в детстве. Они принимали все, не жалуясь, что им нужна помощь, чтобы справиться с горой дел. Соответственно, когда в начале 60-х женщины начинали говорить мне, что я должна "присоединиться к Движению", что мы должны вставать грудью друг за друга, устраивать марши на Вашингтон и т.д., я думала, что это, наверное, не более интересно, чем вступить в организацию "Дочерей Американской революции"[1]. Это казалось продолжением старой дурацкой вечеринки.

К тому времени, как я достаточно повзрослела, чтобы понять, как я хочу жить, я читала и слышала о Голде Меир, Индире Ганди, Бэйб Захарии, Кларе Бут Люс, Элеанор Рузвельт, Марии Кюри, Кассандре из Трои, Клеопатре, Элизабет Тейлор, Мелине Меркюри, Анне Павловой, Мойре Ширер, Айседоре Дункан, Марии Толлчиф, Марии Шотландской, Королеве Изабелле и Королеве Виктории, Мэри Шелли, Луизе Мэй Элкот, Бетси Росс, Сюзан Б. Энтони, Мэриэн Андерсон, Элле Фицджеральд, Кармен Миранде, Токийской Розе, Саре Бернар, Джорджии О'Киф, Гертруде Стайн, Энни Оакли, Амелии Эрхарт, Жанне д'Арк, Матери Терезе и Гуру Ма, Джулии Чайлд, Пэмеле Гарриман, Екатерине Великой, Эвите Перон и Белоснежке.

Вышеперечисленные женщины вместе представляли все ступени общества и профессии, поэтому я поняла, что мои

возможности очень широки. Я поняла, что женщины, которые борются на домашнем фронте - домохозяйки, домоправительницы, кто там еще - делают это *сознательно*; иначе они занимались бы чем-нибудь другим. Я не могла представить себе, чтобы кто-нибудь занимался тем, что ему *не нравится*.

Кроме клизмы и визитов к зубному, зачем делать то, что не нравится?

Финансовые обстоятельства могут потребовать некоторой неприятной деятельности, но если уж ты решишь преуспеть в искусстве домашнего хозяйства, то потому, что хочешь построить дом своей мечты, а не под давлением общества.

В то время такой ход мыслей не был самым распространенным, но, поскольку взрослые сняли кино с Бетти Грэйбл, я подумала, что *где-то есть* люди, которые знают, что возможно видеть и дальше своего носа. Они знают, что совершенно не обязательно идти на компромисс, быть, как все.

2. Я люблю Лос-Анджелес

"Если я не получала отличных оценок, мама шлепала меня по попе не меньше десяти раз деревянной ручкой расчески. Мы тогда носили столько нижних юбок под платьями, что удары не были столь сильны, как она думала. Я пыталась не смеяться, когда она расходилась так, что шпильки летели у нее из волос во все стороны, разрушая здоровенную пончикообразную прическу, которая была тогда в моде. Сидя в кресле в своем бархатном платье, работая над моей задницей и ругая меня, она выглядела так, будто это *ее* наказывают".

Это не я говорю, это мамины слова. Для бабушки общественное мнение было всем, и мама чувствовала тяжесть ее викторианского характера. В мое время необходимость соглашаться уже не навязывалась; *обычно* она только подразумевалась. Бог знает, до чего могла дойти моя *прабабушка*, добиваясь абсолютной дисциплины, бабушка никогда об этом не говорила. Истории, которые она мне рассказывала, были красивой ложью о фантастических приключениях, происходивших с ней, когда она была маленькой.

Я звала мою бабушку Леди Сью, но не как показатель некоего благородства. Это была элементарная логика: я любила прозвища, она была дамой и ее звали Сью. Леди Сью обычно сидела в большом кресле под окном в моей спальне и шила мне костюмы, потому что знала, что *мой* мир густо населяют разноцветные персонажи детских книжек: Робин Гуд, Алиса в Стране чудес, Белоснежка, Питер Пэн и некоторые герои мультиков, типа Реда Райдера, Принца Валианта или М'лыша Абнера. Я превращалась в этих людей мужчин или женщин - неважно. Накинь костюм - и двадцатый век исчезает. Переместиться в прошлое, сменить пол, акцент, возраст - нет проблем.

Я сидела возле бабушки, мы обе без труда помещались в большом кресле. Ее руки быстро орудовали иголкой с ниткой, она начинала говорить, не поднимая головы от работы, а когда история заканчивалась, появлялся и костюм для нее.

Прекрасно.

Как-то она шила мне коротенькую юбочку для катания на коньках и рассказывала: "Когда я была в твоем возрасте, я попросилась солисткой в ледовый балет. Представляешь, я могу скользить по льду так быстро, что видно только мелькающий размытый образ, пересекающий каток. Чтобы украсить мое

представление, я прикрепила на концы полозьев маленькие электрические лампочки. Зрители увидели только радугу цветов, летящую со скоростью 50 миль в час вокруг затемненной арены".

Конечно, когда она была маленькой, никаких электрических лампочек быть не могло. Моя опередившая время бабушка... Мы с ней обе знали, что она придумывает все эти истории, но вместе входили в другие миры со смешной убежденностью. Мама время от времени заходила в комнату и улыбалась, видя двух детей, заплутавших в собственных фантазиях. Она не могла к нам присоединиться - это был очень маленький клуб, и она была слишком прагматична для того, чтобы быть в него принятой.

Моя мать, Вирджиния, была женщиной двадцатого века, современной, умной и элегантной. Ее кредо было "прямо сейчас". Без возвратов к прошлому, но и без научной фантастики. При этом она не была скучной. Она по-своему "наряжалась", и умела это делать настолько хорошо, что я иногда считала ее персоной несколько возвышенной, из другой жизни.

В начале 30-х годов моя мать снималась в Голливуде, была дублершей Мэрион Дэвис (любовницы газетного магната Уильяма Рэндольфа Херста). Еще она пела в оркестре в ночных клубах, выступала в старом театре "Пантаж" на бульваре Сансет. Но когда пришло время стать женой молодого служащего инвестиционного банка, все эти первобытные развлечения прекратились. Может быть, если бы она пошла путем Бетти Грэйбл, меня бы вообще здесь не было. Она была бы уже пятый раз замужем, а я, ее несчастная дочь, писала бы о ней пошлую книжонку.

Мои родители закончили Вашингтонский университет. Вскоре после свадьбы отца перевели из Сан-Франциско в чикагский офис инвестиционной компании "Weeden & Co". 30 октября 1939 в 7:47 утра в чикагской Больнице Надежды Вирджиния Уинг родила Грейс Барнетт Уинг. Ну, не совсем. Я не знаю ни точного времени своего рождения, ни названия больницы, потому что их не было в моем свидетельстве о рождении. Тогда все эти архивисты не были столь дотошными, как сейчас, все время что-то упускали, поэтому я всегда все записываю, не полагаясь на память.

После того, как мою мать накачали огромным количеством *легальных* наркотиков, хотя роды прошли без осложнений (тогда нормальное рождение ребенка без этого не мыслили), они с моим отцом, Айвеном, привезли первенца в дом по адресу: 1731, Райс-стрит, Хайленд Парк, Иллинойс. (Вот это *есть* на моем свидетельстве о рождении.) Мы жили в старом доме, обшитом темным тесом, окруженном деревьями, цветами, сурками и птицами. Мои папа и мама были "типичными американскими

родителями", как показывают по телевизору, их трудно было заподозрить в вольнодумстве, которое вскоре поперло из их пухлой белобрысой дочери. Да-да, я была блондинкой с рождения и оставалась ей до полового созревания.

Мои воспоминания тех лет основаны только на родительских рассказах да на фотографиях из отцовских альбомов. Может, мы и *должны* помнить все эти большие лица, говорящие о нас, столпившись вокруг наших колыбелей - *я* этого не помню. Первое, что вспоминается без помощи фотографий - поездка на поезде.

Когда мне было три года, отца снова перевели, на этот раз в Лос-Анджелес. Пока родители оставались в Чикаго, чтобы проследить за сборами и упаковать наше имущество, мамина младшая сестра сопровождала меня в трехдневном путешествии в старом пульмановском спальном вагоне. Форменные синие шторы образовали маленькое гнездышко возле окна, прямо над полкой моей тетки. Это была моя постель. Самые яркие воспоминания - о постоянном ритме поезда, танце, в котором тебе не обязательно двигаться, он сам движет тобой. Гнездышко качается, деревья и здания вышагивают вдоль окна, колеса постукивают по стыкам рельсов, воняет дизель, перекрывая аромат единственного цветочка в белой вазе на белой крышке стола - вот четкие картинки и ощущения поезда, идущего на запад, оставшиеся в моей памяти. Но я не помню, как выглядела моя тетка или что она говорила. Память хранит только движение.

Все мамины родственники жили в Лос-Анджелесе: три сестры, их мужья и дети, брат и моя бабушка. Неожиданно я оказалась в огромной семье. "Я люблю Лос-Анджелес," - как поет Рэнди Ньюмен.

Я - тоже.

Наша большая семья собиралась в доме моего дяди Фреда в Малибу, где сестры, тетки, дети, разносортные друзья семьи и собаки друзей семьи слонялись по дому и участку, разговаривали, смеялись и поглощали пищу. Страна тогда воевала в Европе и Азии, но я знала об этом только из разговоров взрослых. Влияние войны на меня было минимальным: подкрасить маргарин, чтобы белый кубик выглядел желтым, как масло, задернуть шторы для затемнения и заткнуть уши, чтобы не слышать сирен ПВО. Все это выглядело игрой. Я была слишком мала, чтобы понимать, и мне повезло - я не восприняла все слишком серьезно.

Мой дядя Фред, писатель, иногда брал меня с собой в офис возле рынка, я любила его карнавальную атмосферу. Раскрашенные ларьки и навесы, украшенные мексиканскими сомбреро, куклами, гирляндами красного перца и открытками, были раскиданы между ресторанами, где сидели смеющиеся

бронзовокожие люди в больших солнечных очках. Другой дядя, Дэниэл, был киношником и работал в MGM[2]. Он представил меня Дору Шэри, тогдашнему главе студии, но мне больше понравилась не производственная часть дела, а "артисты". Я считала кино некой высшей формой искусства, включающей в себя все остальное - музыку, танцы, декорации, фотографию, дизайн костюмов, актерское мастерство и литературу. Это было *движущееся* искусство, которое нельзя спрятать во дворце, где только небольшая кучка привилегированных особ может насладиться им. Постоянно меняющееся искусство, доступное для всех.

В первый день в подготовительной школе в Лос-Анджелесе я неумышленно пометила свою территорию (как собака), чему виной была излишняя вежливость. Учительница говорила, а мне надо было в туалет, но я не хотела отвлекать внимание класса, отпрашиваясь выйти. Я думала, что смогу сдержаться, но она как раз заканчивала свою речь, когда я пулей вылетела из комнаты, оставляя за собой желтый ручеек.

Добро пожаловать на следующую ступень образования.

Так я впервые испытала вкус смущения на людях. Должно быть, мне понравилось, потому что с тех пор я ставила себя в неудобное положение постоянно. Иногда это было неумышленно, но обычно так и было задумано или, хотя бы, казалось соответствующим моменту.

3. Грейс-гейша

В 1945 году реальность укусила снова. Очередной перевод моего отца, на этот раз в главный офис, в Сан-Франциско.

Мы въехали в маленький беленый домик под номером 1017 по Портола-драйв - это узкое продолжение Маркет-стрит, одной из основных магистралей города. Прямо напротив нашего дома располагалась католическая школа Святого Брендана, и мне было жаль детей, которые вынуждены были постоянно одеваться одинаково и все время находиться под присмотром странной женщины с землистым лицом и в длинной черной рясе. Я была счастлива, что мои родители не принадлежали ни к одной из странных организаций, предписывающих такое зажатое, ритуализированное поведение. Много позже я поняла, что каждый человек все равно зажимает себя в какой-то степени, с помощью организованной религии или без нее.

Я ходила в детский сад в Мираломе, в старых армейских бараках времен Первой Мировой с раздевалками и угольными печками прямо в классах. Мы жили прямо под горой Дэвидсон, покрытой лесом и увенчанной гигантским цементным крестом, и на этих склонах я моментально стала Робин Гудом. Я отбросила двадцатый век со всеми его панельными домами и бесцветными одеждами и вернулась в прошлое, где все было сделано вручную - когда мастера долго и тщательно создавали дома, мосты, одежду и книги. Ни продукции с конвейера, ни угарного газа, ни атомной бомбы, ни ДДТ. Я следовала за своим воображением в Ренессанс, на берега Темзы, поросшие травой, на Дикий Запад на рубеже веков, ко двору Приама в Трое, на ступени Нотр-Дама, во дворец Рамзеса, в Иерусалим, Кению, Осло, Санкт-Петербург - куда угодно, только подальше. Куда-нибудь, где можно заново родиться - и родиться *иной*.

Одно из таких мест *было* здесь и сейчас - музей Де Янг в парке Золотых ворот. Расположенное рядом с эстрадой и аквариумом большое, красивое здание в стиле неоклассицизма было заполнено антиками, огромный зал, тянувшийся от японских чайных садов до тенистых аллей. Каждый раз, поднимаясь по ступеням музея, я попадала в окружение рукотворной красоты: картин, скульптур, доспехов, древних костюмов, да и внешнего вида самого здания.

Все осматривали сокровища музея тихо - и взрослые, и дети. Даже те, кто кричал и суетился снаружи, становились тихими и почтительными, входя в главный зал. Из-за громадных размеров в

зале гуляло эхо, и красивый, медленно затухающий стук каблуков по паркетному полу. Красные бархатные ленты петляли между медными столбиками, установленными в четырех футах от картин как напоминание "смотри, но не трогай". Они окружали все экспонаты. Мне же хотелось потрогать картины, почувствовать неровности мазков кисти, и я подходила как можно ближе, чтобы рассмотреть, как лежат краски...

Прямо перед музеем была эстрада, я часто смотрела на игравшие там оркестры. Мне нравилось наблюдать сорок музыкантов со всеми их стульчиками, нотами, темными костюмами или длинными платьями и, конечно, дирижера. Став взрослой, я играла на этой сцене много раз, но у нас были усилители, никаких нот, джинсы и майки - и *не было* дирижера. Кроме того, вокруг нас шлялись по сцене разнообразные дикие одиночные личности, которые занимались "дерьмоплясом" (термин, которым моя дочь описывает то, как белые дергаются под рок-музыку), курили траву, мяли флаера и всячески взаимодействовали с происходящим. Знала ли я, наблюдая чопорные представления 40-х годов, что тоже буду принимать участие в освобождении эстрады от зажатости... Сегодня там опять играют "респектабельные" оркестры, но рок-группы уже сломали традиции формальности на сцене, ассоциировавшиеся, в основном, именно с воскресными концертами в парке.

Рядом с музеем Де Янг был японский чайный садик. Он представлял собой точную копию тех садиков с обманчиво беспорядочно расположенными деревьями, камнями, ступенями, цветами, растущими, казалось, совершенно бесконтрольно, которые определили японский стиль. Даже в то время, когда мы воевали на Тихом океане, в японских садиках продолжали работать молодые симпатичные японские девушки, одетые в национальные костюмы эпохи Меиджи. Девушки подавали чай и пирожные, обслуживая непрерывный поток туристов и местных жителей, которые, хотя бы всего на полчаса, могли забыть о резне, происходившей на другой половине земного шара.

Еженедельные художественные курсы, которые я начала посещать в 1946 году, собирались именно здесь, в чайном садике. Около десятка пожилых женщин и семилетняя Грейс приносили бумагу, карандаши и за полтора часа пытались поймать и запечатлеть красоту этого места. Ни у одной из нас не было художественных способностей, но все мы хвалили друг друга, в основном, за настойчивость. Если я заканчивала рисунок раньше назначенного времени или просто не хотела больше рисовать, я мечтательно слонялась вокруг и "становилась" пятнадцатилетней гейшей, невозмутимо ожидавшей своего выхода в проработанной

древней церемонии.

В семь лет я не только представляла себя в различных ролях, но и перерыла все шкафы и швейные коробки моей матери в поисках нужного костюма и дополнительных деталей к нему. В одном из таких случаев я заставила моих родителей сбегать за фотоаппаратом и, даже если всего лишь на минуту, пересмотреть свои республиканские взгляды.

Я вырезала прямоугольник из черной бумаги и прикрепила его на верхнюю губу - Адольф Гитлер. Взяла отцовские пальто и шляпу, которые, в сочетании с усами, смягчили Гитлера до тогдашнего кандидата в президенты от республиканцев, Томаса И. Дьюи. Плюс к этому, я засунула руку в пальто между второй и третьей пуговицами для наполеоновского вида, завершив таким образом троицу консервативных уродов. Мои родители все равно проголосовали за Дьюи, не смущенные своей с младенчества либеральной дочерью, заполнявшей собой время до появления Морта Сала и Ленни Брюса[3], которые *действительно* отымели их во все места.

Поскольку моим любимым мультяшным героем был Ред Райдер, на свой восьмой день рождения я получила синий велосипед с толстой рамой, фирмы "Schwinn", ковбойскую шляпу и сапоги, два пистолета 38-го калибра с перламутровыми рукоятками в двойной кобуре, клетчатую ковбойку и "Левиса". Так я *стала* Редом Райдером месяцев на шесть. Потом, на Рождество, я тронула моих родителей до слез, "превратившись" в Деву Марию, укомплектованную белыми картонными нимбами для меня и моей куколки по имени Иисус, белой простыней, обернутой вокруг головы и спадающей к ногам, непромокаемыми подгузниками для Иисуса и тошнотворной благостной улыбочкой, застывшей на моем лице в течение всего представления. Вы можете подумать, что после всего этого я стала актрисой, но идея произносить написанные кем-то строки всегда меня смущала, вплоть до настоящего времени.

Не вкладывай *мне* в рот *свои* слова.

К моему нежеланию быть актрисой добавился страх забыть текст. Когда кто-нибудь объясняет ситуацию и дает возможность построить диалог по моему усмотрению, все просто замечательно. Но, к сожалению, производство фильмов - слишком дорогая штука, чтобы предоставлять актерам такую свободу самовыражения.

На выпускном утреннике в четвертом классе я решила умереть. Решение было подсказано "Пер Гюнтом" Эдварда Грига (одной из трех пластинок, составлявших фонотеку моих родителей), где был инструментальный фрагмент, который мне

очень нравился. Он назывался "Смерть Азы". Я сперла одну из маминых старых серых занавесок, завернулась в нее и исполнила ненамеренно смешную четырехминутную сцену умирания, катаясь по полу под аккомпанемент печальной музыки. "Это выглядело," - говорила моя мама, - "как пародия на Айседору Дункан". Но она была достаточно деликатна, чтобы держать свои замечания при себе тридцать пять лет, пока я не повзрослела достаточно, чтобы оценить юмор.

Вообще, самым впечатляющим из всех был костюм Алисы в Стране Чудес, сшитый Леди Сью для парада в День всех святых. Я была в том же возрасте (восемь лет), и, в то время, у меня были длинные светлые волосы, поэтому, за исключением излишней пухлости, я замечательно подходила для роли, которую избрала в тот день. Это был второй по степени любимости костюм на День всех святых, а лучший был результатом прихоти природы и моей собственной глупости.

Однажды утром (я училась тогда в шестом классе) я шла в школу и заметила чудесные ярко-красные и желтые опавшие листья. Я собрала огромный букет для учительницы, бежала всю дорогу до школы, чтобы прийти пораньше и удивить ее своим подарком. Надо сказать, что она-таки удивилась. Только почему-то забыла сказать "спасибо"... Как только я вошла в комнату, она сказала: "Грейс, положи листья в мусорное ведро *очень* медленно, а потом иди домой и попроси маму отвести тебя к врачу".

Это был ядовитый дуб[4], и у меня были ожоги третьей степени на руках и лице. К тому времени, как наступил День всех святых, красная бугристая кожа сменилась отвратительной коркой и струпьями, и кровоточащие ранки мешали мне играть с ребятами. Но мое разочарование было в полной мере возмещено выражением ужаса на лицах детей, которых я приветствовала во всем моем ужасающем великолепии, неся блюдо с кроваво-красной яичницей для "угощения".

Ни у кого не было лучшего костюма в тот год!

4. 1798 или 1998?

Мое детское желание наряжаться и отправляться в прошлое не было вызвано недовольством окружающими. Это не было связано с неполной семьей или брошенностью, или насилием, или добровольно-принудительным порядком, или "прядательством", или "ныркоманией", или... да. Это *было* связано с неэстетичностью того, как выглядели для меня вещи, как они звучали, как чувствовались.

Чтобы вы поняли, что я имею в виду, давайте представим в две разные ситуации - сначала в спальню 1798 года.

Восемь часов утра. Вы просыпаетесь в своей постели. Все, что вы видите в комнате, сделано вручную, включая большие деревянные балки, поддерживающие сводчатый потолок. Кровать и комод покрыты резьбой и натерты ваксой и воском. Ваша ночная рубашка, кованый подсвечник, свечи медового цвета, которые гасят медным колпачком, керамическая чашка и кувшин с водой на комоде, окна в короне лепнины, закрытые домотканными шторами - все это является результатом творческой мысли человека и желания создать окончательный шедевр.

На подстилке под окном медленно просыпается собака, потягивается, выглядывает в окно и прислушивается к тихому стуку копыт лошади, везущей повозку по мощеной улице. Она подбегает к цельной дубовой двери с кованой медной ручкой и лает: дает вам знать, что пришло время утренней прогулки по трехсотлетней дороге, вымощенной кирпичом и обрамленной деревьями, цветами и случайными оленями или кроликами, скачущими в кустарнике, где птицы песнями встречают рассвет. Дорога ведет в центр города; несколько краснощеких торговцев везут тележки, полные овощей с окрестных хуторов, чтобы расставить их вокруг городской площади.

Вы останавливаетесь под резной деревянной вывеской, свисающей на кованых железных крюках с семифутового столба. На ней написано "Хлебная лавица". Аромат горячих бисквитов кружится в воздухе, привлекая еще нескольких людей присоединиться к завтраку и послушать глашатая. Он в прямом смысле пропевает утренние новости, ему аккомпанируют два музыканта в робингудовских нарядах - один играет на лютне, другой на дудочке - надеясь заработать пару монет за свое импровизированное выступление. Когда часы старой церкви бьют девять, все принимаются за дело, создавая своими руками что-нибудь, что можно продать или обменять на рынке на что-то

необходимое.

День заканчивается поздним ужином при свечах, приятным разговором с друзьями за парой кружек глинтвейна. Греясь с собакой у большого камина, прочитываете пару страниц из эссе о свободе Томаса Джефферсона. Затем вы оба поднимаетесь по кафельным ступеням. Далекий звук дедушкиных часов в холле - одиннадцать ударов - подтверждает, что пришло время отойти ко сну. Последнее, что вы замечаете перед тем, как провалиться в дремоту - вид через окно спальни: яркие звезды сияют в чистом воздухе, не замутненные смогом или каким-нибудь искусственным светом.

ИЛИ

Год 1998.

Утро, 08:00. Вы снова лежите брюхом кверху в постели, просыпаясь. Все, что вы видите вокруг, массового производства; ни один человек не дотрагивался ни до чего в этой комнате до тех пор, пока оно не поступило в магазин или на склад мебельной компании. Потолок сделан из старых белых картонных плит, укрепленных асбестом. Комод состоит из четырех выдвижных ящиков, которые вам пришлось собирать из двадцати семи отдельных деталей, пришедших в ящике с маркировкой IKEA[5], который пахнет пенополистироловыми шариками. Вы можете включить и выключить семидесятипятиваттную лампу дневного света, нажав кнопку на пластиковой панели на металлическом изголовье, где находятся ряды других кнопок. Панели управления специально сконструированы для того, чтобы держать вас в неподвижном или коматозном состоянии после тяжелой работы в залитом флуоресцентным светом зале, заполненном велосипедными тренажерами, распечатками отчетов о вашем состоянии, инструкторами по физподготовке, прячущимися за сверхразвитыми мускулами, похожими на опухоли, людьми в блестящих синтетических костюмах, светящихся в темноте, и семидесятипятилетними пенсионерами, которым врач прописал регулярные наклоны, потому что у них проблемы с сердцем из-за пожирания гигантского количества животного жира. Здесь также работают молодые девушки с искусственными губами, сиськами, волосами и носами, разговаривающие о липосакции, и везде зеркала, чтобы напомнить о вашем несовершенстве. В углу зала дверь в комнату отдыха, полную сухого жара и инфракрасных ламп, призванных облегчить вашу боль и дать вашему измученному телу силы доползти назад домой по улицам, заполненным угарным газом.

Звук воющих сирен реанимационных машин сопровождает вас в вашу квартиру на четвертом этаже двадцатиэтажного куска цемента. Там вы установили комплект больших черных пластиковых коробок с кнопками по всей поверхности, которые могут выдавать 130 децибел музыки, написанной злобными пятнадцатилетками с образованием в три класса (которые зарабатывают больше денег за минуту, чем вы за весь год, и которым платят за то, что они орут через динамики достаточно громко, чтобы разбивались стекла). Успокаивает осознание того, что ни ноты из трехаккордной чуши по семнадцать долларов за диск не пропустите ни вы, ни глуховатая собака, которая ест из пластиковой миски с претендующими на остроумие корявыми надписями, напечатанными машиной, уже сделавшей восемь миллионов таких собачьих мисок по всему миру.

Покончив с подозрительным "Кормом для лающих собак" (из чего его только делают?), Бобик отползает к цельнометаллической двери с семью крепкими засовами, чтобы обороняться от любого, кто покусится на вашу стереосистему или жизнь, и лает. Он дает вам знать, что пора прогуляться-послоняться, то есть пооставлять кучки на улицах, кишащих другими собаками, прикрепленными поводками к другим людям с карманами, полными кредитных карточек. Вы вместе со знакомыми собачниками будете собирать дерьмо в пакетики, привязывать собак к парковочным счетчикам и заходить в магазины, чтобы купить новых аксессуаров для пластиковой жизни. Не успев даже задуматься, вы купите одну из этих штуковин, имитирующих океанские шумы, надеясь успокоить свое тренированное стрессами тело, чтобы дожить остаток дня и снова начать чудесную жизнь, проснувшись в 08:00...

Но вернемся к реальности: отбросив небольшие неточности, какая из двух ситуаций кажется вам более благоприятной для жизни маленького человека?

В детстве, за исключением нескольких ситуаций, когда мне приходилось принимать стиль пластика и кухонных комбайнов, я всегда выбирала 1798-й виток реальности. С помощью воображения, всегда готового переключить эпохи, я попросту игнорировала большую часть посредственности, царившей вокруг. У меня устойчивое неприятие всего нового, что обычно свойственно только пожилым людям - знаете, таким, которые начинают каждую фразу с "А вот в старые добрые времена..." Несмотря на это, вся моя жизнь была хорошим образцом борьбы против программы. Вы говорите: "Белое", - я говорю: "Черное". Только недавно я стала понемногу смягчаться. Я лучше

воспринимаю не подлежащую переработке тару и нейлоновое нижнее белье сейчас, будучи "старой кошелкой", чем в свои семь лет.

5. Нытик

Несмотря на мое неприятие синтетики и сборной мебели, в детстве меня было легко ублажить. Школьницей я была средней, хотя в школе мне нравилось. Любимыми предметами были английский, древняя история, рисование, геометрия, сочинение и латынь. Я пролетела через алгебру с удовлетворительной оценкой - D (единственной причиной, по которой мне не поставили худшую - F, была идеальная посещаемость). Историю Америки и все естественные науки я проспала. Экономику считала бесполезной. (Блин, вот это была ошибка: только потом я поняла, что "артисты" должны уметь играть в деловые игры и знать цифры. Нечестно: бизнесменам ведь не обязательно учиться рисовать, петь, танцевать или писать стихи.)

Я играла в "войну" с ребятами и прыгала через скакалку с девчонками, ходила в кино на вестерны с отцом и по магазинам за шмотками с мамой. Что бы кто ни делал, мне все было интересно. Я не развила в себе отношение "Подите все на фиг, что хочу, то и делаю", потому что родители меня мало контролировали. В детстве я упрямилась только тогда, когда мне велели чего-то *не* делать.

ПОЧЕМУ НЕТ?

Как-то вечером я сидела в гостиной, рассеянно возя пепельницу взад-вперед по кофейному столику. Отец, сидевший напротив, сказал:

- Не трогай пепельницу.

- Почему? В ней же ничего нет! - возразила я.

- Потому что это - не игрушка.

Я поставила указательный палец почти в самый центр пепельницы, его не было видно за приподнятыми краями, поэтому отцу пришлось встать и подойти ко мне, чтобы проверить, выполнила ли я его указание. Поскольку я и не собиралась его выполнять, отец просто посмотрел на меня с отвращением и вернулся в кресло. Но я снова начала свои игры, и, когда ему пришлось встать еще раз, он сказал: "Это совершенно не смешно". И продолжал доставать меня своими приказами. Я сидела в кресле-качалке, поэтому обмен фразами был ритмичным.

Отец говорил:

- Будешь еще?

Я:

- Ага.

Он:

- Будешь еще?

Я:

- Ага.

Каждый раз, когда говорила я, он слегка толкал меня в лоб, поэтому кресло со мной отклонялось назад, а потом, естественно, возвращалось. Так продолжалось минут пятнадцать, пока мама не разрушила серьезность игры и не рассмеялась: "Ребята, вы *такие* упорные".

И правда.

Большинство людей, пишущих автобиографии, постоянно ноют об ошибках своих родителей - но не я. Когда меня наказывали, я не удивлялась. Обычно, в наказание за плохое поведение, меня отсылали одну в комнату, но это случалось так редко, что я не помню, чтобы это портило мне жизнь. Что можно сказать? Я просто *знала*, что сделала что-то не так. Когда ты ребенок, ты знаешь, за что наказан.

Не хочешь быть наказанным - не безобразничай.

Я понимала это, но почти никогда не ныла. Я была либо слишком глупа, либо слишком счастлива (или то и другое вместе), чтобы понять, когда ныть *можно*. Однако, родители почему-то считали, что я постоянно чем-то недовольна, и иронически прозвали меня Нытик, что для них значило "девочка, которая вечно жалуется". Не знаю, что они имели в виду, но, поскольку говорили они дружелюбно, я воспринимала это нормально. Я звала отца Шляпа, потому что он всегда носил шляпы. Мой дядя звал тетку Лыжей из-за ее длинных костлявых ног. Я звала свою дочку Болванчиком, потому что в младенчестве у нее было удивительно смешное выражение лица. Так что вся семья страдает от глупых прозвищ.

Иногда, когда мои родители хотели пойти в гости или просто погулять, они нанимали молоденькую тихую школьницу, Эльву, посидеть со мной. Она приходила - косы уложены в "корзиночку", очки на носу - с полной сумкой уроков и парой романов. Я занимала себя традиционной игрой в переодевания или развлекалась, рисуя портреты Эльвы. Всегда неприятно, когда за тобой наблюдают, особенно если стесняешься (а она очень стеснялась), но, чтобы правильно передать форму и цвет, мне нужно было рассматривать ее - как можно ближе. Она тихо страдала, но, вежливая девочка, всегда хвалила законченный рисунок.

Иногда, правда, я шла *вместе* с родителями, потому что их идея "вечера в городе" заключалась в ужине в пятизвездочном ресторане. Помню, однажды, декабрьским вечером 1948 года, мы

втроем ехали на нашем старом "Бьюике" 1938 года в ресторан "Комната Тонга" в отеле "Фэйрмонт", когда отец сказал: "Мы должны тебе сказать кое-что, но только тогда, когда доедем".

Неопределенность.

Когда мы приехали, родители попросили меня сесть с ними за столик, а не слоняться вокруг или кататься на карусели, которая была в одном из залов. "У нас для тебя хорошие новости," - сказали они. - "Скоро у тебя будет маленькая сестренка или братик". Мои родители беременность не планировали, но мне показалось, что это - в порядке вещей. Теперь я понимаю, что никогда не слышала фразы "детская ревность", пока не стала слишком взрослой, чтобы быть ей задетой, поэтому моя врожденная ревность почти не проявлялась.

Мой брат, Крис, родился в сентябре 1949 года в больнице Святой Марии в Сан-Франциско. Я помню только, что мама с большим животом и маленьким чемоданчиком уехала в больницу, а через пару дней вернулась с крошечным кричащим мальчиком. Младенцы обычно очень смешно выглядят, и Крис не был исключением. Его кожа была темно-розовой, а на макушке торчал клочок ярко-рыжих волос. Я видела, что мать не отходит от него; постоянное кормление, укачивание, укрывание, закутывание, пеленание и пение колыбельных. Это выглядело абсолютно ненужным, и мне стало понятно, что профессия няни или школьной учительницы не сильно меня привлекает, как и возможность иметь много детей.

Девять лет разницы между Крисом и мной сделали совместное времяпровождение несколько проблематичным. Он обычно не хотел делать того, что хотелось мне, и наоборот. Я, конечно, иногда нянчилась с ним, но, когда ему исполнилось восемь и с ним стало можно нормально общаться, я уже уехала учиться в нью-йоркский колледж. Сейчас мы иногда видимся, но я живу в Лос-Анджелесе, а он в Пало-Альто, поэтому наши встречи довольно редки.

Кровные узы - не всегда крепкие.

Может быть, потому, что мои родители не планировали еще одного ребенка, меня воспитывали не так, как большинство девочек. Они, конечно, не дарили мне бейсбольный шлем и щитки, но круг моих возможностей был необычно широк для ребенка женского пола. Считая их манеру воспитания консервативной, я должна признать, что они терпимо относились к моему упорному нежеланию постигать искусство домохозяйки. Если мне что-то нравилось, они меня поощряли. Но это было позже.

Я видела, как готовит мама: процесс состоял из нарезания

продуктов, включения и выключения конфорок и духовки, двигания сковородок, вытирания пролитого, сервировки стола и мытья посуды. Не возбуждает. Когда я спросила ее, действительно ли ей нравится готовить, она сказала: "Это необходимо, как чистка зубов".

Балет же, наоборот, очарователен, прекрасен, изящен, и под конец все хлопают, поэтому я *настояла* на уроках балета. Растяжка, касание, поворот и поклон, запоминание позиций, плие у станка, примерка костюмов, и, наконец, день выступления. Мы исполняли "Щелкунчика", и я даже прорепетировала свою партию еще раз в гримерке. Но когда пришло время выйти на сцену, мне показалось, что есть еще кое-какие интересные движения, которые могут пригодиться в партии Феи сладостей, поэтому я сделала свою версию этого кусочка. Когда спектакль закончился, руководительница подошла к моей матери. "Может, у Грейс есть талант в других областях," - сказала она. Так что я была не только слишком маленькой или толстой для балерины; стало очевидно еще и то, что выполнять указания - не моя стихия.

6. Кончик

Мои начальные знания об искусстве секса оставляли желать лучшего. Буквально. Поскольку мои родители *никогда* не ходили по дому без одежды, я не представляла, как выглядят их тела, а тем более чьи-нибудь еще. Они обычно ложились спать на пару часов позже меня, и отец всегда выключал *весь* свет в доме.

Однажды ночью, часа в 3 ночи, я лежала в постели, не думая ни о чем конкретно, когда мой отец встал, чтобы дойти до ванной. Для этого ему надо было пройти мимо моей комнаты, дверь была открыта, а так как на нем была только пижамная рубашка, я успела краем глаза заметить его сокровища. Я не знала о конструкции с одним пенисом / двумя яйцами, и мне показалось, будто у него в промежности болтается третья рука. Подозреваю, что темнота добавила гениталиям таинственности.

На следующий день я рассказала одной из своих подружек постарше - ей было девять - о том, что видела, а она посмотрела на меня, как будто у меня мозги были величиной со спичечную головку. "А, конечно... Это кончик", - сказала она. У нее был такой снисходительный взгляд, словно она только что произнесла один из латинских медицинских терминов.

Ух, вот это по-настоящему сложно.

Итак, я начала с размытого видения мужчины с, так сказать, пальцами в промежности, а первое услышанное мной название для мужского аппарата больше подходило для кукурузных хлопьев на завтрак:

"Кончики

Завтрак озорниц"

Вторым сексуально значимым событием - если не считать благопристойного разглядывания голых статуй в музее - было знакомство с клизмой. Другая подружка, Джесси - ей, как и мне, было семь - преподала мне сомнительный урок сношения. Она действовала либо движимая природным инстинктом "это-замечательно-подходит-сюда-по-размеру", либо подсмотрев где-то и собезьянничав. Мы были в подвале ее дома, перерывая хлам, обычно валяющийся в таких местах, когда она взяла с полки клизму и наполнила ее водой. Я думала, что мы будем поливать цветы, но она спросила: "Может, поиграем в доктора?" Спустив трусы, она приказала, показав на свою промежность: "Вставь это [наконечник клизмы] сюда".

Я даже себя там никогда не исследовала, поэтому я даже не знала, что там есть *дырка*, способная этот отросток вместить.

Когда я направила клизму примерно в том направлении и, нажав, забрызгала водой ее бедра, она недовольно сказала: "Не-е-ет, не так, давай, покажу". Теперь была моя очередь быть пациентом. Клянусь, клизма нашла цель, и приятный, хотя и грязноватый поток воды вошел в меня, медленно развернулся и выплеснулся - прямо на цементный пол.

Спасибо, доктор.

Третий раз сексуальный счетчик детства щелкнул скорее из-за неумения вовремя заткнуться, нежели из-за чьей-то сексуальной активности. Мальчик по имени Франк Фанк (не шучу, его действительно так звали) поцеловал мою руку, когда мы играли с соседскими кроликами. Я была польщена и ласково произнесла: "О, Франк, это так приятно и старомодно... Ты поцеловал мою руку..."

Он был явно смущен тем, что я придаю так много значения его поступку, поэтому сказал: "А вот и нет! Я на нее плюнул!" Я посмотрела на руку, но плевка там не было, из чего я сделала вывод: не придавай слишком большого значения романтическим поступкам парней, иначе они задирают нос.

За свою жизнь - Бог знает, почему - я несколько раз встречалась с парнями, которые до того гуляли с моей подругой, Дарлин Ермакофф. Мне было тринадцать, когда я впервые попробовала "обноска" Дарлин. Его звали Нельсон Смит (надеюсь, он не сменил имя). Ты читаешь эти строки, Нелли? (Так его звали его дружки. Не только моя семья, но и все окружение, похоже, любит прозвища. Мы носим их с гордостью, как какая-нибудь рэп-группа.)

Я как-то вечером пригласила Нельсона посмотреть телевизор, который стоял в столовой, поэтому нам пришлось сидеть на стульях с жутко прямыми спинками. Я была так занята *им*, что не помню, что мы смотрели, может, даже "Спокойной ночи, малыши". Помню, что я мурыжила парня два с половиной часа, за которые он только и смог, что спустить руку с моего плеча и тихонько погладить мою грудь. Мы пару раз поцеловались, но, поскольку я еще не слышала о "стояках", я не понимала, какую боль, должно быть, причиняла ему такая продолжительная эрекция.

Сексуальные аппетиты тинэйджеров - или отсутствие таковых - могут быть настолько пугающе огромными, что, если их регулярно не удовлетворять, получишь гигантский взрыв гормональной шрапнели.

7. Толстушка

В начале пятидесятых отцу подняли зарплату, и мы переехали из маленького домика, который снимали в Сан-Франциско, в большой двухэтажный дом в пригороде. Пало-Альто, штаб-квартира Стэнфордского университета, был студенческим городком, создававшим спокойное и "правильное" окружение для детей из "благополучных" семей. Сами того не желая, мы выглядели карикатурой на традиционную семейную жизнь "настоящих белых американцев" с двумя детьми, двухэтажным домом, гаражом на две машины и грядущими благами на горизонте.

Меня расстроил не столько переезд, сколько то, что родители продали наш старый черный "Бьюик" 1938 года, моего толстого друга, жившего в гараже. Просто пошли и *продали* его - автомобиль, который честно возил меня с самого рождения! Я редко плакала (обычно либо тихо ворчала, либо громко ругалась), но тут слезы так и брызнули из глаз. Я долго оплакивала своего четырехколесного друга. В полной уверенности, что у машин есть чувства, я считала предательством замену "Бьюика" в качестве члена семьи двухтонным серым "Олдсмобилем" 1949 года.

И все-таки Пало-Альто был довольно интересным - не цирк, конечно, но для десятилетней девочки как минимум вместительный. В отличие от холмистого Сан-Франциско, здесь дороги были прямыми и ровными, поэтому можно было ездить на велосипеде весь день и ни капельки не устать. А еще здесь было спокойно. Можно пойти куда угодно, и мама не будет волноваться.

Правда, я редко бывала одна. Через пару дней после переезда я встретила девчонок, которые стали моими подругами на следующие несколько лет. Они предпочитали более подвижные игры, чем те, к которым привыкла я, но, поскольку никто не собирался идти в музей, а друзья мне были нужны, я тоже играла в "колдунчики", "прятки", "казаки-разбойники", плавала и каталась на роликах. Сама того не осознавая, я начала понимать разницу между социальными группами и разбираться в их иерархии. Там были "клевые парни" и "ботаники", и я быстро поняла, что должна перестать "ботанеть", если хочу быть в компании.

Это было время, когда начинается переход от индивидуального к стадному. Забрось художественные альбомы - достань комиксы, сними каблук - надень платформу, забудь Шопена - врубайся в Чака Берри, взрослые тормозят - да

здравствуют дети! Не слишком ли ты толстая? А прическа у тебя нормальная? Вот оно - большое тинэйджерское стадо. Основной вопрос: Я ПОДХОЖУ?

А еще были *парни*. В 1950 году, когда мне было десять лет, моим одноклассником был соседский парень, Джерри Слик. Мне этот круглолицый очкарик казался занудой, но в 1961 году я вышла за него замуж.

Такие вот рассуждения десятилетней девочки.

А вот Ред Хендрикс - с *ним* все было по другому. Он был крутым парнем, членом "Борцов за свободу Ирландии", с выбитым передним зубом, набриолиненным "коком" и здоровенными мускулами под черной кожаной курткой. Жаль, что я сама была толстой занудой, и он мной не интересовался.

Помню еще козла по имени Рики Белли, который жил на нашей улице (его отцом был Мелвин Белли, один из самых преуспевающих адвокатов Сан-Франциско). Они с моей подругой Сьюзан запирались в гараже. Интересно, они трахались? Она говорила, что нет, а он - что да. Но никто не затаскивал в гараж *меня*. Никто не обсуждал, трахалась ли *я* с кем-нибудь. Никто не бегал за *мной*, чтобы поцеловать, даже по приколу.

Что-то во мне было не так. Может, пластинка на зубах или пухлость?

Когда я первый раз пришла в новую школу, у меня была не та одежда, не та прическа, не та сумка и полное отсутствие тинэйджерских привычек. Но *я смогла* заметить блондинистую девчонку в крутом прикиде, с широкой улыбкой и большой грудью. Вот *она*, догадалась я. Этой девчонкой была Дарлин Ермакофф. Я знала, что она раньше училась в одной из начальных школ в центре, где дети были поумнее. Ее парнем был Джонни Шварц, темноволосый красавчик с голливудской улыбкой, а его отец, "Марчи" Шварц, был тренером местной футбольной[6] команды. Когда я видела проходящих мимо Дарлин и Джонни, я понимала, что вижу короля и королеву школьного бала. Поэтому я попросту скопировала ее одежду, прическу, сумку и манеру говорить. А раз я была блондинкой, то мы должны были идти ноздря в ноздрю в марафоне девочек-Барби.

Но все пошло наперекосяк. Когда мне исполнилось тринадцать, волосы резко потемнели, большая грудь так и не появилась, я похудела - и стала просто очередной тощей темноволосой саркастичной девицей из баскетбольной группы поддержки. Я тогда не понимала, что женщина без труда может мысленно исправить недостатки своего внешнего вида - и они действительно исчезнут. У нее есть огромные резервы, и она

должна понимать, что любой комплимент, *полученный* ею, является следствием ее работы над собой, а не того, что дано природой.

Но в школе это "золотое правило" ни хрена не срабатывало.

Дарлин была из тех девчонок, у которых было все: хорошая внешность, хороший юмор *и* хорошая голова. Мы стали подругами на всю жизнь. Пару месяцев назад, когда она несколько дней гостила у меня, я спросила, почему же она решила водиться с такой дурой. Мы вспоминали прошлое: годы, ошибки, парней/мужиков, наркотики, все, - и она сказала, что всегда думала, что это *я* была симпатичной, умной и так далее, а *она* - некрасивой дурой. Ох, знать бы об этом тогда! Не помню, чтобы я тогда чувствовала себя полным изгоем, но до двадцати четырех лет, пока я не попала в число "властителей дум", мне всегда казалось, что до остальных мне еще идти и идти.

Путь, который я так и не прошла.

Играя, по крайней мере, вторую скрипку в школьной компании, я высоко подняла семейный флаг иронии. Я поняла, что язык - это все, что у меня есть, и сарказм стал моим проводником к популярности. Все было нормально до тех пор, пока мне не исполнилось четырнадцать. Я была дома, празднуя день рождения в кругу семьи, когда мне позвонили подружки. Я рванулась к телефону, уверенная, что они хотят меня поздравить. Вместо этого они сообщили, что мое наплевательское отношение к чувствам других людей - вот он, мой сарказм - вынуждает их исключить меня из компании.

Совсем без друзей?

Слезы. У моей матери было бриллиантовое кольцо, которое я всегда любила. Когда она увидела, что я плачу, она отдала мне его, чтобы я прекратила. Бриллианты в обмен на друзей? Кольцо меня совершенно не утешило, я поняла, что эта симпатичная безделушка, так привлекавшая меня, - всего лишь металл и минералы.

Это меня чему-нибудь научило? Наверное, нет. Люди редко важнее металла, минералов, черного юмора и машин.

Упорная, зараза.

8. Синие яйца

Пятьдесят пятый год. Мне было пятнадцать, и я решила вступить в девчачий клуб, чтобы потусоваться. В качестве испытания они завязали мне глаза и потребовали переодеть блузку задом наперед. Ой, блин, они же увидят прокладки у меня в лифчике! Но никто ничего не сказал. Были ли они вежливыми или это лифчик был плотным, я так и не узнала.

Танцы. Ладно. Я набралась наглости и пригласила школьную футбольную "звезду". Он был старше меня и к тому же не знал, кто я такая, но согласился. Думаю, из вежливости. Я купила розовое платье в цветочек, по форме похожее на свадебный торт, и пришла с г-ном Бомбардиром на посиделки перед танцами. Хозяйкой была одна из старшеклассниц. Она открыла дверь в красном облегающем платье до полу и десятисантиметровых серьгах, заставив меня почувствовать себя взорвавшейся швейной машинкой. Вечером, когда я спросила маму, что она думает о моем эпохальном "свидании", она сказала: "По-моему, он не очень остроумен..."

Нет, но разве мозги - главное?

Я была абсолютно плоской пятнадцатилетней школьницей, пытающейся произвести впечатление, закадрив школьную "звезду". Ему мозги не сильно нужны. В пятницу, перед очередными танцами, я стащила у отца из бара бутылку бурбона, и мы с моей подружкой Джуди вылакали ее целиком. Она свалилась и заснула. Я же решила, что я Бетти Грэйбл, и поперлась на танцы с парнем из католической школы, от которого воняло рыбой (это все, что я о нем помню). Я надушилась, чтобы от меня не пахло алкоголем, но это, естественно, не сработало. Я танцевала как марионетка, считая себя чуть ли не Анной Павловой, не спала всю ночь, а с утра меня вырвало.

Может быть, *это* меня чему-нибудь научило? Наверное, нет. Я поняла только, что надо соразмерять ночное удовольствие с утренним похмельем. Мне понравилось кайфовать, за что и приходится расплачиваться.

Хочешь "Роллс-Ройс"? Придется за него заплатить.

На переменах мы садились в чью-нибудь машину и ехали в какую-нибудь забегаловку за гамбургерами, сплетнями и парнями. Я пристраивалась к Джуди Левитас. В шестнадцать лет у Джуди была своя машина, и, в отличие от нас, она ходила в частную школу для девушек "Кастилья". Она не так закоснела в тинэйджерских ритуалах, как большинство моих знакомых, и мне

нравился ее легкий взгляд на жизнь. У Джуди были понимающие родители, поэтому ребята всегда плавали у нее в бассейне или устраивали вечеринки по выходным. У нее собирались ребята из католической школы, из Пало-Альто, из Стэнфорда, даже те, кого вышибли из школы, и они работали на бензоколонках, плюс девчонки из разных семей и районов - адская смесь.

На одной из вечеринок у Джуди я встретила свою первую любовь, Алана Маккенну, парня из католической школы. Он сидел на другой стороне бассейна, вокруг него толпился народ. Слов не было слышно, но по хихиканью окружающих дам я поняла, что у него не только смазливая мордашка, но и кое-что в голове. Когда я подошла поближе, его зеленые глаза с густыми темными ресницами поразили меня в самое сердце. Он поймал меня на крючок, и мы стали постоянной парочкой.

С Аланом мы несколько раз заходили довольно далеко, обнимаясь и целуясь на заднем сидении машины моих родителей, "Олдсмобиля" 1955 года. Алан знал, как меня рассмешить, и он же впервые заставил меня почувствовать оргазм, хотя и без проникновения. В миссионерской позиции, хотя и в одежде, его торчащий член без проблем ласкал мой клитор. Несмотря на то, что мы были полностью одеты, я кончала каждый раз. Но у него "яйца синели".

"Что такое "синие яйца"?" - спрашивала я.

Он объяснял, что продолжительная эрекция, не имеющая выхода, может быть болезненной. Так как никто из "приятных" девушек не соглашался идти до конца, а мастурбация для католиков считалась грехом, вокруг бегали несчастные парни с постоянно "синими" яйцами. Сейчас это может заставить меня поддаться и позволить уговорить себя на настоящий секс - но не тогда. Наверное, с Аланом, человеком, которого я серьезно любила, было бы лучше, чем так, как вышло потом. Но я была настолько дурой, что потеряла девственность с человеком, который этого и не подозревал, причем по пьяной лавочке.

После того, как мы с Аланом расстались, я перешла в частную школу "Кастилья", потому что туда ходила Джуди Левитас. Я пошла на выпускной с блондином из Кармеля. Я предпочитала, брюнетов, умных и опасных (впрочем, предпочитаю до сих пор), а Дэвид был рослым загорелым консервативным блондином - совсем не мой тип. Но его друг встречался с моей подругой, поэтому мы устроили двойное свидание (когда две пары идут куда-нибудь вместе), пойдя на выпускной бал, проходивший в местном клубе. Под конец вечера мы сперли пару курток из клубного магазинчика для гольфистов и поехали к Дэвиду в Кармель. Его родители куда-то уехали, поэтому, изрядно

нагрузившись ликером, мы разошлись попарно по разным спальням. И так получилось, что обе девушки (я и моя подруга) трахались в ту ночь впервые.

К счастью, я никогда не сравниваю моих любовников со своим первым опытом, который, как уверяют некоторые, является лучшим, потому что напилась в тот раз до беспамятства. Пару лет назад, случайно наткнувшись на Дэвида в магазине (где он работал продавцом мебели), я его даже не узнала. Люди постоянно меня донимают: поскольку я на сцене много лет, им кажется, что они меня знают. Но я совершенно не обязательно их знаю. Поэтому, когда я слышу, как меня называют по имени, я просто вежливо улыбаюсь.

- Грейс, ты меня не узнаешь?

Нет, но я подошла поближе и посмотрела повнимательнее.

- Грейс, это же я, Дэвид...

Он произнес это, и я не смогла сдержать смеха: он выглядел таким же старым и разбитым, как я. Конечно, каждое утро смотришь в зеркало, не обращая особого внимания на свою внешность, но, когда встречаешь кого-то, кого не видел тридцать пять лет, это поражает. Как какая-нибудь компьютерная программа, автоматически подстраивающая твое лицо под возраст... Иногда, глядя на старых друзей, я чувствую призрак надвигающейся смерти...

9. Что делать с чашей для омовения рук

В 1957 году, учась в "Кастилье", я познакомилась с еще одной девушкой-картинкой, Сью Гуд. Она была на год старше и стала одной из главных причин моего решения поступать в колледж Финч в Нью-Йорке. У Сью было тело балерины, заискивающее выражение лица, светлые волосы (разве могло быть по-другому) и замечательный аттестат. Когда я выяснила, что она решила поступать в колледж "Финч", я решила, что тоже поеду туда. Я все еще таскалась за всеми этими Барби.

По правде говоря, я не хотела в колледж, а чего мне *хотелось* - так это пожить немного в Нью-Йорке. Просить у родителей двадцать тысяч долларов, чтобы поехать развлечься за три тысячи миль от дома, явно не стоило, поэтому я и предложила "Финч" в качестве официальной причины отъезда. На это они пошли.

"Финч" был высшей школой для девушек из богатых или влиятельных семей (хотя себя я таковой не считала), которые попали туда в основном потому, что им не хватило баллов для поступления в "Вассар"[7]. Там изучали основы того, как заполучить и удержать мужика из Гарварда или Йеля. Меня это не интересовало. Моя группа состояла из таких, как Сэнди Сигрэм (ага, из той самой алкогольной семьи[8]), трех или четырех оклахомских нефтяных принцесс, моей соседки по комнате, чей отец был управляющим делами в "Эсти Лаудер", Сиси Шейн, богатой девушки из Беверли Хиллз, и еще парочки девиц с тем же социальным статусом.

Первым парнем, с которым я начала встречаться в колледже, был студент Принстона Эндрю Мэтисон. Нет людей, более презрительных и недоверчивых, чем "настоящие белые американцы" с Восточного побережья. Они страшно горды своим происхождением от "первопроходцев" и отказываются понимать, что большинство первопоселенцев в Плимут Роке[9] были бунтовщиками и преступниками, уплывшими из Европы, чтобы избежать тюрьмы. Моя мать могла быть "Дочерью американской революции": кто-то из ее предков был на борту "Мэйфлауэра". Но она считала "Дочерей американской революции" сборищем претенциозных снобов, которым не хватает смелости уехать дальше Коннектикута.

Вот так.

Несмотря на все это, я продолжала встречаться с Эндрю,

который происходил из одной из этих генетически ущербных "благородных" семей с Восточного побережья. Он был образованным парнем с кривыми зубами и неплохим чувством юмора, но я ничего не знала о его "высоком происхождении" вплоть до семидесятых годов, когда женщина, писавшая мою биографию[10], рассказала, что его родственники отказались говорить с ней о наших отношениях. Его семейство, вероятно, не хотело, чтобы все знали о том, что их кривозубый отпрыск путался со шлюхой-рокершей. Сами по себе кривые зубы не так уж страшны, но почему его родители, при таких деньгах, не поставили ему в детстве "пластинку"? Я очень благодарна *своим* родителям за то, что они исправили мои зубы. Иначе я была бы хорошей иллюстрацией к собственной песне "Белый кролик".

Джимми Гэйтер, другой парень из Принстона, чьи родители занимали политические и дипломатические должности и жили в четырехэтажном доме в Истсайде, гулял со Сью, а потом стал ее мужем. Эта парочка, вместе со мной и Эндрю "Кроликом" Мэтисоном как-то устроили двойное свидание, причем сдуру загуляв на всю ночь. Никакого секса, никаких наркотиков, просто немного повозились в снегу в Центральном парке. Но "полиция нравов" в "Финче" решила, что наше ночное развлечение является грубейшим нарушением кодекса чести порядочной девушки. Они посчитали необходимым созвать заседание педсовета и родительского комитета, чтобы проголосовать за наше немедленное исключение из колледжа за нарушение правил поведения. Я до сих пор помню, как мы несколько часов с ужасом ждали их решения.

Мы отделались строгим выговором за аморальное поведение только благодаря ангельской внешности Сью. Но нам все же разрешили остаться, поэтому мы продолжили грызть гранит науки поведения. Ни капельки не шучу. Мы изучали, например, такие темы:

1. Какой вилкой пользоваться в каком случае на обеде с семью переменами блюд - стр. 101.

2. Что делать с чашей для омовения рук. Не пейте из нее - стр. 102.

3. Сидите прямо, ноги скрещены в щиколотках, никогда не кладите ногу на ногу - стр. 103.

4. Узнайте, как бы случайно, сколько наличных у вашего спутника - стр. 104. (Последнее было для всех самым важным.)

Помимо этих важных вещей нам преподавали английский, историю и сценическое мастерство в небольших объемах, чтобы мы не сорвали важный деловой обед *и* могли связать пару фраз, не наделав грамматических ошибок. Еще они хотели, чтобы мы

побольше общались, надеясь, что когда-нибудь потом мы поможем друг другу, вспоминая совместную учебу. Но сейчас я даже не представляю, живы ли мои "дорогие подруги", за исключением одной - Селесты Шейн, более известной как Сиси.

В начале учебного года, после пятичасового чая - в "Финче" были помешаны на чае - родительский комитет собрал нас в актовом зале, чтобы мы могли начать строить те теплые отношения, о которых будем вспоминать в старости. Там-то я и встретила Сиси. Знаете, некоторые люди выглядят по-бунтарски, даже если ведут себя прилично. Вот Сиси так и выглядела. Еще она выглядела, как загорелая блондинка из Южной Калифорнии с обложки моей воображаемой энциклопедии "Как себя вести". Будучи уже тогда замужем за Джином Шейковом, парикмахером, про которого снят фильм "Шампунь", Сиси стояла на одну ступеньку ближе к цели, чем мы.

Мы сдружились, потому что она разделяла мой иронический взгляд на высоколобость Восточного побережья, процветавшую в "Финче". Во время уикенда в Принстоне, проходившем в старошотландском стиле, мы с Сиси возмутили снобов импровизированными танцами и пением, которое находили весьма смешным. Они, со своей стороны, считали это совершенно "неподходящим" и попросили нас больше к ним не приходить. Собственно представление состояло из танцев Сиси (полностью одетой) прямо посередине комнаты, - еще не шокированы? - а я сидела у ее ног и исполняла бестолковщину в стиле Чосера под собственный гитарный аккомпанемент.

Песня была примерно такой:

Я люблю свою жену,
Очень-очень-очень.
И дыру ее люблю,
Ту, что травку мочит.
Сиськи я ее люблю,
Тру-лю-лю, тру-лю-лю,
Также в заднице дыру
Ту-ру-ру, ту-ру-ру.
Я бы ел ее дерьмо -
Не теряйся, крошка, -
Я бы ел ее дерьмо
Деревянной ложкой.[11]

Если бы какой-нибудь *парень* из их колледжа спел такую

песню, они бы просто сочли это глупым, но разве они попросили бы его уйти и не возвращаться?

Ну и паж-ж-алста.

Еще я знала менее хамские песни, выучив их по пластинкам черных фолк-исполнителей, таких как Стен Уилсон, Мириам Макеба или Одетта. Когда Одетта в том же году давала концерт в Гринвич Виллидж, я исполнила номер "проникни-в-гримерку-после-концерта". Я оказалась там раньше, чем она вернулась со сцены, и поиграла на одной из ее запасных гитар. В отличие от рок-звезд следующего десятилетия, у нее не было телохранителей для оттаскивания поклонников. Совсем наоборот. Она была совсем одна и сильно удивилась, что кто-то любит ее настолько, чтобы прийти к ней в гримерку.

Поскольку голос у меня довольно низкий, мне проще подстроиться под стиль Одетты, чем, скажем, под сопрано Джоан Баэз или Джони Митчелл. Она похвалила мои способности и мягко предупредила, что музыканты постоянно находятся в ситуации "пан или пропал". Но она любила петь и сказала, что это позволяет ей не умереть с голоду, когда работы совсем нет. После этого я много лет не играла на гитаре, пока не пришло время, когда музыка стала неплохим средством заработка, а не только отдушиной для дилетантов.

10. "Старики"

На весенние каникулы Сиси улетела домой в Лос-Анджелес, а я в тропики, проведя полторы недели на Багамах в компании с еще одной соседкой по комнате, Ролли Миллер. Мы с ней прилетели в Нассау, поискать парней на пляжах, накачаться фруктовыми коктейлями с ромом, немного "подерьмоплясать" под местную музыку и подзагореть. Пофлиртовали, хотя и неудачно, с двумя отпадно выглядевшими загорелыми тридцатипятилетними барменами, у обоих были золотые кольца в левом ухе. Благодаря этим импровизированным серьгам (что предвосхищало требования мужской моды восьмидесятых) они казались романтичными и возбуждающими, похожими на пару карибских пиратов.

До постели дело не дошло, но опыт был настолько впечатляющим, что на следующий курс я решила перевестись в Майамский университет во Флориде - ближайшее к Багамам место, которое я смогла найти. Как ни странно, мой выбор места обучения редко был связан собственно с получением образования. Самым значимым было то, насколько это было *весело*. Но между "Финчем" и Майамским университетом была еще летняя поездка в

ГОЛЛИВУД!!!

Когда Сиси пригласила меня провести пару месяцев в особняке ее родителей в Беверли Хиллз, я сразу же согласилась. Поскольку я провела большую часть юности в монотонности Пало-Альто и никогда не ходила на свидания со "стариками", Сиси приходилось держать меня на невидимом поводке, иначе я бы попросту очнулась в чьей-нибудь спальне. В конце концов, это была лос-анджелесская киношная тусовка; я теперь имела дело совсем не с неопытными юнцами из колледжа.

"Луау" (теперь мексиканский ресторан на бульваре Ля Синега под названием "Акапулько") был одним из любимых мест Сиси. Однажды вечером мы с ней туда зашли. Когда я проявила желание посмотреть коллекцию старых машин, принадлежавших одному "старику" (лет тридцати, наверное), сидевшему напротив, Сиси сделала резкий отрицательный жест головой. Она отчаянно делала мне знаки, а когда я встала, сообщив, что я еду с ним смотреть машины, скорчила совсем кислую рожу. Я восприняла это как ревность. Сиси меня не остановила, но дала понять, что это - парень не моего круга. Я наплевала на всю ее мимику и уехала в ночь, серьезно думая о редкой возможности посмотреть на антикварные машины.

Парни из колледжа не пытаются завалить тебя через пять минут после того, как вы останетесь наедине, но я-то имела дело с матерым хищником, почуявшим добычу. Я была настолько наивна, что купилась на старую уловку "А хочешь посмотреть мой "Бугатти"?" Правда, не прошло и трех минут, как объявилась Сиси, вся из улыбок и извинений. "Ой, извините," - сказала она г-ну Старичку-Коллекционеру Машин, - "но Грейс забыла, что нас пригласили на частную вечеринку в Белль-Эр, а мы уже на два часа опаздываем". Еще одна гримаса в мою сторону, и теперь я распознала взгляд из серии "Здравствуй, Красная Шапочка, это совсем *не* твоя бабушка". Как только мы с Сиси уехали, она объяснила мне, что, конечно, мой новый друг с удовольствием познакомил бы меня со своей частной коллекцией машин - как и с другими своими частными сокровищами.

Родители Сиси были женаты уже долгое время и поддерживали ровные отношения. Так же, как и мои. Но, в отличие от моего дома, у них каждый день можно было столкнуться с ручной обезьянкой в памперсах, прыгающей с подсвечника на голову пьяной актрисе, которая валяется на диване и, рыдая, рассказывет, как ее поколотил бывший муж. Мама Сиси могла в это время пользоваться услугами массажиста, одетая только в черные накладные ресницы. Сиси, казалось, спокойно воспринимала все это. Я ни разу не видела ее сердитой, да и на что злиться в восемнадцать лет, живя в спокойной, вежливой и преуспевающей семье? Я чувствовала себя ребенком, выигравшим путешествие в Голливуд, или тинэйджером, случайно попавшим в гримерку к любимой группе.

Обычно к нашим "прогулкам" присоединялась подруга Сиси, Джилл Сент-Джон. Она была очень образованной и офигительно красивой, а когда мы покупали шмотки в магазине "Bullock's", наглядно демонстрировала нам умение найти, выбрать, примерить и приобрести. Когда она наткнулась на подушечки-думки, которые ей понравились, то купила двенадцать штук - по одной каждого цвета. Так сорить деньгами в Пало-Альто было невозможно. В доме у нее были открытый и закрытый бассейны, аквариум с тропическими рыбками, а весь подвал занимала игрушечная железная дорога с миниатюрными поездами. Хотя Джилл была ровесницей нам с Сиси, у нее не было недостатка в деньгах. Голова у нее работала, как компьютер, она могла выдать детальную информацию по вопросам, которые большинство людей и произнести-то не смогут. Позже она стала поваром, причем специализировалась на блюдах для гурманов. М-р Роберт Вагнер (за которого она вышла замуж) - просто счастливчик.

Другой приятель Сиси, актер Ричард Андерсон, был немного

старше, чем мы (лет двадцать девять?), поэтому я считала его рухлядью. Сиси же считала разницу в возрасте даже слегка пикантной - позже она вышла замуж за режиссера Джона Хьюстона[12], который был, как минимум, лет на тридцать ее старше. Как *я* поняла через много лет, я не чувствовала себя нормально даже с людьми *моего* возраста, не говоря уже о более старших. Представляю себе реакцию друзей моей дочери; они, наверное, думают: "Бедная Грейс, никуда ее не приглашают - опять сидит дома". А мне просто нравится с ними общаться.

Еще один шанс был упущен, когда Сиси познакомила меня с очень смешным и тогда еще никому не известным Ричардом Доннером, будущим режиссером всех серий "Смертельного оружия", "Леди-ястреба", "Предзнаменования", "Маверика", "Теории заговора" и продюсером "Освободите Вилли". Он жил в небольшом уютном домике в одном из каньонов, я однажды провела у него целый день, болтая. Если бы не это мое дурацкое "он-старше-меня-на-пять-минут-поэтому-должен-умереть", я бы, наверное, его трахнула. Сейчас он счастлив в браке, замечательный режиссер, да и просто хороший человек. Его фильмы сохраняют баланс между развлекаловкой и серьезностью, не склоняясь ни в одну сторону.

Эй, Дик! Прочел это дерьмо? А хочешь сделать фильм про эксцентричную рок-богиню высшего сорта, которая любит животных и вечно хватается за пистолет? Нет? Ну и ладно. Просто подумалось.

Я появлялась с Сиси на множестве забавных сборищ, мне нравилось быть единственным "чужаком" в комнате, заполненной персонажами романов Робина Лича. Однажды мы пошли на вечеринку, где была Джули Ньюмар, выдающийся образец красоты, при виде которой челюсть отпадает до полу. Она трепалась с какими-то людьми, стоя посреди комнаты, красное платье и туфли завершали образ северной амазонки. Больше шести футов ростом, она была выше почти всех мужчин и, естественно, всех женщин. Я не могу представить, каково это - быть внутри такого шикарного тела и производить такой ошеломляющий эффект, если в тебе всего пять футов роста. Ни один костюм не даст такого эффекта.

Но кое в какие костюмы мне доводилось одеваться. Сиси записала нас в ряды "Девушек Кеннеди" в рамках сбора пожертвований в пользу кандидата от демократической партии Джона Фицджеральда Кеннеди. Мы носили красно-сине-белые платья, соломенные шляпки и шпильки. Нашей задачей было обольстить мужчин с большими деньгами, заставив их думать, что у них не просто есть деньги, но что их достаточно много для

того, чтобы с частью расстаться... наверное...

В правилах не говорилось, что мы не должны соблазнять кого-нибудь на что-то большее, но это и не запрещалось. Сиси определенно не хотелось переступать определенные рамки только ради того, чтобы найти богатого поклонника, у меня было отвращение к "старикам". В итоге мы вынуждены были вернуться домой ни с чем. Но для вашей покорной слуги встреча с Джоном Кеннеди, пусть даже в длинной, быстро движущейся веренице девушек с внешностью старлеток, была лучшей частью вечера. Это был мой лучший летний отдых. Плюс ко всему, Джонни Шварц, бывший парень Дарлин, пригласил меня на свидание, когда я остановилась в Пало-Альто перед долгим путешествием в Майами.

Незначительные события могут приобретать огромный вес, когда голова практически пуста.

11. Внезапное решение

Майамский университет. Влажность меня просто убивает (слишком много холодной норвежской крови?)[13], какие-то жуки носятся стаями по пятнадцать метров в диаметре, оставляя на ветровом стекле кровавые следы. Да еще в кампусе все поголовно занимаются спортом. Но если не можешь побить их...

Я обрезала волосы покороче, обесцветила их, купила крем для загара, надела белые шорты и теннисные туфли и научилась кое-каким запрещенным приемам. Разнообразие и эксцентричность. Заодно я прикупила королевского ужа, он жил у меня в прихожей и обеспечивал мою безопасность - кому охота связываться со змеей? Вообще, самый лучший акробатический номер, который я когда-либо видела, был исполнен одной толстой девицей, которая, завидев змею, за какие-то доли секунды запрыгнула на шкаф метра в два высотой. В обычных ситуациях она не была столь же шустрой, но вид моей змеюки заставил ее поставить чуть ли не олимпийский рекорд. Впечатленная этим, я оставила ужа, больше из-за его вида, чем из-за серьезной любви к рептилиям.

Из других развлечений в Майами были клетчатые тенниски, кубинская музыка (процентов пятьдесят посетителей ночных клубов составляли солдаты Кастро в пыльной форме), много пива и ромовых коктейлей с бумажными зонтиками, всевозможные спортивные мероприятия (по-моему, сомнительное удовольствие) и огромные игроки местной футбольной команды. Мы много раз ходили четырьмя парами - мои соседки и ребята из команды - на свидания, заключавшиеся, в основном, в походах в кино. Обычно ребята садились отдельно, потому что, сидя рядом с ними, можно было заработать клаустрофобию, настолько большими они были. Плавание, катание на лодках и принудительные выходы на формальный прием в отеле "Фонтенебло" дополняли список "обязательных" занятий. Это был спокойный, солнечный год, в течение которого я помню только два события, нарушившие скуку вялотекущей университетской жизни.

Первое случилось, когда я пошла в ближайший музыкальный магазин за диском Ричи Вэйленса "La Bamba". По счастливой случайности я заметила обложку другого диска, на которой был изображен чувак, устроивший себе пикник на кладбище. Это был Ленни Брюс. Я ничего о нем не знала, но, прослушав пластинку, поняла, что нашла брата по духу. Он употреблял английский язык как хотел, вплоть до злоупотребления, высмеивал католическую

церковь, Адольфа Гитлера, судебную систему и вообще все, нуждавшееся в обновлении. Короче, он *говорил* вещи, о которых большинство людей только *думало*. После того, как я послушала диск впервые, у меня дня два скулы болели от смеха. Вдохновленная этим, я затащила к себе друзей, чтобы послушать этого пророка. Но их это не так сильно впечатлило, а я хотела найти других людей, похожих на него - наивный энтузиазм...

Задумайся, чего ты хочешь - и у тебя все получится.

Второе "отклонение от нормы" привело к окончательному изменению моей жизни. Я получила письмо от Дарлин, в которое она вложила вырезанную из "San Francisco Chronicle" статью Херба Кана. Статья была о новой сцене - местном феномене, который включал в себя "хиппи", марихуану, рок-музыку и постбитнический стиль поведения, странный, но симпатичный. Дарлин предлагала мне приехать домой и во всем убедиться самостоятельно. Зная ее нюх на все многообещающее, я решила вернуться на Западное побережье. Это решение, возможно, определило всю мою дальнейшую жизнь, учитывая то, куда меня занесла судьба.

Люди еще не осознавали значимость этого, но уже через десять лет в стране не было ни одного уголка, который не всколыхнуло бы надвигавшейся волной.

12. Дурацкая работа

Осенью 1958 года, когда я вернулась домой, на север Калифорнии, мы с родителями переехали на Гамильтон Авеню все в том же Пало-Альто. Первым делом надо было найти работу, чтобы накопить денег и жить отдельно от родителей. Но что я умею? Знания, вынесенные из "Финча" ("научитесь не пить из чаши для омовения рук"), или умение ходить на всевозможные вечеринки, приобретенное в Майамском университете, не котировались. Я ежедневно изучала газеты объявлений о найме в поисках подходящей работы, постоянно задавая вопрос периода полового созревания:

Где бы найти себе применение?

Я решила пойти работать секретаршей на телефоне в одну нотариальную контору, где первые многоканальные телефоны только-только поднимали свои уродливые головы. Работа заключалась в том, что мне нужно было сохранять вежливость, пытаясь запомнить, сколько людей я держу на кнопке "Hold". Это мне не удалось - *до сих пор* не могу делать две вещи одновременно. После нескольких дней наблюдений за тем, как я самоотверженно сражаюсь с современной технологией, мой босс сообщил мне, что моя "манера общаться по телефону" неприемлема.

Помню еще кратковременную работу в качестве "подопытного кролика" в компании по изучению рынка сбыта товаров. Меня усадили в темной комнате перед стеклянным ящиком, в котором находились три коробочки из алюминиевой фольги, а затем на какую-то долю секунды включили свет. Потом они спросили меня, какую коробочку я заметила первой. Суть была в том, чтобы определить, какая цветовая схема лучше привлекает внимание средней домохозяйки, заставляя ее выбрать товар из ряда аналогичных. Вы когда-нибудь ловили себя на том, что, придя из магазина, удивленно размышляете, зачем вы купили моментальный разогреватель для пыли? Вот *они* это поняли.

Пока я просматривала газеты, мой взгляд упал на одно объявление, которое гласило:

Для работы на новой студии грамзаписи требуется певица. Опыт значения не имеет. Телефон: 555-1225.

Моя мать была певицей, и я подумала, что могла бы устроиться на такую работу, что бы ни имелось в виду. Я выбрала песню, которая мне нравилась, и приоделась для прослушивания. Двое в маленькой студии с эхокамерой размером с туалет в

поезде, один указал на микрофон, сделав знак, что можно начинать. К сожалению, я выбрала "Summertime". Для негритянской фирмы грамзаписи? Не самый лучший выбор, но я решила, что это лучше, чем петь то, чего не знаешь. Через двойное стекло эхокамеры я видела вежливые улыбки - никакой снисходительности - просто двое темнокожих мужчин смотрят, как маленькая белая зубрила склоняется под весом собственного нахальства.

Мне не перезвонили.

Я всегда любила искусство и считала себя неплохим иллюстратором, поэтому, когда некое рекламное агентство поместило объявление о найме художника-графика, явилась на собеседование, даже не представляя, что должен делать вышеозначенный художник-график. Но объяснила, что у меня есть идея для их нового телевизионного ролика для "Bank of America". "Как насчет мультяшного персонажа, чтобы все это немного оживить?" - предложила я.

Они ответили резко: "Нет, это не сработает. Аудитория не готова к таким вольностям, когда речь идет об институтах, которым они доверяют свои сбережения. Мы должны подчеркивать их респектабельность и надежность."

Работы я не получила, но месяца через два увидела по ящику мультяшного дирижера, указывавшего своей палочкой на чек о выплате "Bank of America" годовых дивидендов. Украли мою идею? *Они* бы сказали, что нет. В конце концов, о дирижере речи не было.

До чего же я иногда тупа!

13. Церковь Святой Грейс

Когда мне было пять лет, я сказала родителям: "Я буду венчаться вон в *той* церкви". Мой палец указывал на церковь Святой Грейс, монолит в стиле неоклассицизма, расположенный на вершине Ноб-хилла, рядом с клубом "Пасифик Юнион" (только для состоятельных людей) и отелем "Фэйрмонт". В пять лет я, конечно, не знала, какой конфессии принадлежит этот храм, кто его посещает и все такое, но он был большой, красивый... К тому же имени меня...

Неудивительно, что в 1961 году мы выбрали для венчания именно эту церковь.

Мое желание выйти замуж не было внезапным. Скорее, это стало следствием естественного хода событий. Тогда казалось, что по-другому и быть не может. Но, как и все предсказуемое, мой брак не был долговечным. Да и многое ли оставалось неизменным в то бурное время?

Мои родители, наконец-то освобожденные от общества собственной жизнелюбивой дочери, переехали в дом в псевдотюдорском стиле, заросший плющом и соседствовавший с такими же заросшими плющом домами. Мама работала (на общественных началах) санитаркой в Стэнфордской детской больнице, играла в бридж с соседками и воспитывала моего брата, тихого, но очень активного девятилетнего ребенка. Отец был председателем правления "Weeman & Co.", ведя спокойную и непритязательную жизнь. Родители Джерри Слика дружили с моими, наши семьи постоянно проводили уикенды совместно, выезжая на пляж, в загородный дом Сликов в Санта-Круз. У моего будущего мужа, Джерри, было два брата: Дарби (автор песни "Somebody To Love") и Дэнни (который полностью отрицал рок-н-ролл, считая его глупостью). Остальную часть семьи составляли: мать Джерри, Бетти, домохозяйка, которая постоянно напивалась на всех семейных праздниках, отец Джерри, Боб, работавший адвокатом, и бассет.

Мы неизбежно должны были пожениться. Точно? Не понимая до конца, что такое "полная личная свобода", я оценивала перспективы предстоящего марафона. Джерри был веселым парнем, ему, как и мне, было двадцать. У нас были общие друзья, одинаковый социальный статус, воспитание, наши родители дружили уже несколько лет, жили в одном городе, мы даже в школу вместе ходили... Звучит, как составляющие идеально крепкого брака по расчету? Ну, в любом случае, мы с Джерри на

это купились.

Была ли у нас страстная любовь? Не-а. Мы вежливо друг друга обманывали.

"Ты выйдешь за меня замуж?" Этой наивной, полной трогательной любви фразы тоже никто не произнес. Мы просто переместились в состояние женатых людей, как будто так и должно было быть.

Хотя Сиси и Джилл Сент-Джон не были знакомы с Джерри, моя свадьба была вполне достаточным поводом собраться и выпить. В ночь перед свадьбой мы устроили тихий "девишник" на троих в одном из баров "Фэйрмонт". Никакого дебоша, просто треп подвыпивших девиц. На следующий день была свадьба, из тех, что женщины любят, а мужчины ненавидят - с костюмами, родственниками, друзьями и многочисленными ритуалами. Прием проходил в Золотом зале отеля "Фэйрмонт", был огромный торт, шампанское, и, по-моему, все прошло очень естественно. Я не пыталась передумать и ни о чем не сожалела. Все закончилась на закате.

Бросить букет и прошептать: "Спокойной ночи, Грейси".

После стандартного медового месяца на Гавайях мы вернулись в Калифорнию. Потом Джерри решил, не помню, почему, уехать в университет Сан-Диего. Несмотря на красоту окружающей природы, в Сан-Диего располагалось большое количество ультраправых организаций милитаристской направленности. Джерри учился в университете, а я работала в магазине, с трудом управляясь с кассовым аппаратом, монстрообразной машиной, выплевывающей чеки. Чтобы расслабиться (хм?), мы ходили в гости к двоюродной сестре Джерри и ее мужу, которые были нам ровесниками, но, несмотря на это, состояли в "Обществе Джона Бирча"[14]. У них были настолько ультраправые взгляды, что Чарльтон Хестон[15] рядом с ними казался просто призывником, уклоняющимся от службы в армии. Хотя политика меня тогда не интересовала, мне было трудно удержаться от смеха, когда они начинали толкать пропагандистские речи из серии "вот-так-страна-должна-защищать-свою-свободу-перед-лицом-внешнего-врага".

К счастью, мы недолго прожили в Сан-Диего, потому что в конце первого семестра Джерри перевелся в университет Сан-Франциско. Но денег по-прежнему не хватало, а делать я ничего не умела. Последним моим дурацким занятием перед началом успешной двадцатипятилетней рок-н-ролльной карьеры была работа манекенщицей в модельном доме "I.Magnin". Живя с Джерри в жутчайшей дыре за девяносто баксов в месяц с крысами в подвале и разваливающейся сантехникой, я являлась в ателье

каждое утро, чтобы, меняя раз в десять минут платья за четыре тысячи долларов, таскаться по подиуму, демонстрируя богатым старухам новейшие модели сверхдорогого европейского дизайнера. Если им нравилось то, что было на мне надето, директриса, мадам Мун, упрямая жаба с претензиями на социальное превосходство, обмеряла их старые жирные тела. Потом, с помощью толпы швей и закройщиц, она подгоняла его точную копию, волшебным образом меняя размер с шестого на шестнадцатый. Зеркала не врут, но система работала - старые толстухи верили, что выглядят отпадно, и кошелек И. Маньина пополнялся.

Однажды какая-то престарелая вдовушка, закутанная в меха и звенящая бриллиантами, проковыляла ко мне и сообщила: "Дорогуша, тебе *необходимо* смазывать руки увлажняющим кремом". О чем эта шлюха говорит? Как она вообще посмела обсуждать мою сухую кожу? У самой тело сублимировалось так давно, что добавление воды может ей жизнь спасти! И *она* считает, что *мне* нужен крем? Да мне всего двадцать два года! Кожа двадцатидвухлетней девушки может выглядеть чересчур сухой только в центре пожара четвертой категории сложности! Сейчас мне пятьдесят восемь, но я все равно отказываюсь мазать руки кремом. Дурацкое упрямство.

Как ни смешно, именно в поисках "нормальной" работы я написала свою первую песню, не думая, что именно это станет основой моего будущего. Мы с Джерри участвовали в проекте нашего общего друга, Билла Пирсола, начинающего писателя, придумавшего сценарий для любительского шестнадцатимиллиметрового фильма под названием "Каждый хоть раз ударил брата". Сатира о насилии в окружающей действительности. Джерри был оператором, потому что изучал кинематографию в университете и даже получил первый приз на кинофестивале в Энн Арборе. Я написала песню, чтобы заполнить паузы между скетчами, составлявшими этот сорокапятиминутный фильм. Это был первый для меня опыт записи собственной музыки - кусочек с испанской гитарой, записанный в два приема, выглядел почти профессиональной звуковой дорожкой.

Одним из самых приятных моментов в возвращении в Сан-Франциско был старый круг друзей - с несколькими новыми дополнениями. Дарлин Ермакофф вышла замуж за человека по имени Айра Ли, обладателя гигантского IQ. Симпатичный и эксцентричный, он работал натурщиком на полставки, при этом учась в университете. Он был человеком-энциклопедией, ходячей версией "Брэйн-ринга". Именно Айра сказал мне как-то (очень аккуратно, правда), что я просто дура, и предложил мне кое-что

почитать. Я была поражена тем, что он мог с горящими глазами объяснять тонкости самого невообразимого предмета. Вспышки его энтузиазма перерастали в монологи на всю ночь. Дарлин этого не одобряла, предпочитая пойти спать, но мне нужен был наставник, а ему - аудитория.

Дарлин с Айрой и мы с Джерри ездили в Мексику в старом фургоне, загорали на девственных пляжах в Байа и, как друзья-хиппи, пускали по кругу косячок. В те дни "к югу от границы" было не просто фразой, это был путь к состоянию ума.

14. Пользуйся!

Был 1965 год, пару квартир и столь же дурацких, как и раньше, работ спустя. Как-то вечером Дарби, Джерри и я решили пойти в небольшой клуб под названием "The Matrix", чтобы послушать группу "Jefferson Airplane". Марти Бэйлин, один из двух вокалистов, обустроил этот клуб на свои деньги, с небольшой помощью других участников группы да двух странного вида врачей.

Когда я увидела "Airplane" на сцене (они были тогда слегка эклектичной группой, исполнявшей электрический фолк-рок, блюзы и довольно попсовые песенки), я поняла, что играть в группе - замечательное занятие. Получаешь деньги за концерты, пишешь песни, если хочешь, работаешь всего пару часов, да и то по вечерам, тусуешься, принимаешь наркотики, где и когда захочешь... После концерта мы вернулись домой и занялись подсчетами. Получалось, что музыканты "Airplane" за один вечер зарабатывали больше, чем я за неделю в "I.Magnin". Не прошло и пяти минут, как мы начали строить планы по созданию собственной группы.

У Джерри была старая ударная установка, пылившаяся в гараже у родителей. Дарби умел играть на гитаре. Мой голос, пусть и не поставленный, был, как минимум, достаточно громким, чтобы я могла перекричать усилитель. Наш приятель, Дэвид Майнор, тоже мог петь и немного знал аккорды, да еще и внешность у него была неплохая. Питер ван Гельдер играл на саксофоне, а Бард Дюпонт обычно мог найти подходящие ноты на басу.

Теперь нужно было название. Как насчет "Acid Fraction" ("Кислотная фракция")?

Нет.

Тогда как насчет "The Great Society" ("Великое общество")? (Заодно посмеемся над грандиозным названием, которое Линдон Джонсон придумал для населения Штатов.)

Это было прикольно.

В то время, к счастью для нас (и к несчастью для аудитории), не нужно было быть виртуозом, чтобы играть в клубах. Поэтому, как только мы сформировали группу, пошли и довольно частые концерты. Иногда мы играли для трех пьяниц, которые либо были слишком пожилыми и умными, либо слишком много выпили, чтобы смотреть на сцену. Иногда клуб был заполнен "под завязку", но публика полностью состояла из музыкантов других

местных групп, которые пришли потусоваться. Однажды пришел представитель какой-то фирмы грамзаписи и распинался передо мной, рассказывая, какие мы крутые и как он сделает нас богачами. Другой парень как-то кричал, что сделает из меня новую Эдит Пиаф.

Интересно, как? Сломав мне шею?

В прессе мнения расходились: одни считали нас бездарями, другие, наоборот, хвалили за оригинальность. Хороши или плохи - кто знает, но уж *оригинальными* мы были точно. Тексты песен тогда сильно изменились, классические романтические истории с парнем/девушкой в главной роли сменились огромным разнообразием тем. Каждый считал своим долгом принести материал для группы. Вскоре единственной "чужой" песней осталась "Sally Go 'Round The Roses". Мы отказались от аранжировки в стиле соул в пользу индийских ритмов, которые любили Дарби и Питер; получалось похоже на мантру.

Все предложения, какими бы бредовыми и незначительными они ни были, тут же принимались, давая толчок к дальнейшим изменениям, ни одна мысль не пропадала даром. Вскоре первоначальные мелодии уже прослеживались с трудом.. Мы привносили в свою музыку все, что попадалось на глаза.

Писать песни типа "Почему ты меня не любишь?" уже не хотелось. Мы говорили о более серьезных вещах: политика, социальные вопросы, психология. За короткое время мы узнали больше, чем хотели бы наши родители, о тех вещах, о которых они узнавать стеснялись. Точнее, наша форма общения была для них недоступна до тех пор, пока они не *врубались*.

У предков уходила почва из-под ног (нормальный процесс эволюции, который они отказывались понимать), поэтому они кричали:

"НЕ ДЕЛАЙТЕ ЭТОГО!"

а мы отвечали:

"А ПОЧЕМУ, СОБСТВЕННО?"

Что тебя волнует? Напиши об этом песню.

Музыка какой страны лучше подходит к твоим идеям? Английская? Испанская? Ямайская? Какая бы ни была, воспользуйся ей.

Мир без границ? И об этом тоже.

Если смешать на стекле бензин и подкрашенную воду, а потом спроецировать все это на экран, получаются красивые картинки? Отлично. Пользуйся.

Голые девицы, зашедшиеся в "дерьмоплясе" под твою музыку - отличный пример свободы самовыражения? Хорошо, пусть

танцуют.

Жить с кучей друзей приятнее, чем в доме, полном родственников? Да? Нет проблем.

Без причины пострелять в людей в какой-нибудь банановой республике не кажется тебе веселым? Так *не* делай этого, а *сделай* об этом песню.

Песня Дарби "Somebody To Love", которую он написал для "The Great Society" - хороший пример того, как изменились тексты. Раньше, когда люди писали песню о любви, они говорили о ком-то, кто удовлетворял (или не удовлетворял) их личным запросам. "Somebody To Love", ставшая мегахитом, когда ее записали "Jefferson Airplane", вывернула старую идею наизнанку. Подразумевалось, что важнее не *получать* (или *не получать*) любовь, а *отдавать* ее.

Тебе хочется кого-то любить?
Тебе нужно кого-то любить?
Ты же любишь кого-то любить,
Так найди же его и люби.

Дарби писал просто, без педантизма, серьезно считая, что следование старому пуританскому клише "лучше отдавать, чем получать" может сделать человека счастливее. Идея служения и самоотречения может показаться скучной, придуманной для монахов, но в изложении Дарби вовсе не кажется чем-то недостижимым. Он создал впечатление, что отдавать - очень приятно.

Так получалось, что, помимо практически ежедневных изменений в песнях, был еще внезапный, хотя и естественный переход от формальной одежды пятидесятых к формуле "кажется, это клевый прикид" разнообразных костюмов шестидесятых, который не давал мне покоя ни на минуту. Помните, какой вопрос был главным, когда я шла в пятый класс? Как в рассказе о мальчике, который не знал, что надеть.

ОНА ВЕРНУЛАСЬ, ЕЙ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ И У НЕЕ ПОТРЯСНЫЕ КОСТЮМЫ!

Самые невероятные - от пиратки в кожаной мини-юбке и кожаных же сапогах по колено до индийских кафтанов по щиколотку. Я никогда не носила футболки - слишком современно. Зато постоянно забегала в Сан-францисский Оперный театр или в прокат костюмов для вестернов в Лос-Анджелесе. Если же у них не было того, чего хотелось, я

мастерила сама.

(Здесь появляется призрак Леди Сью.)

Высокие кожаные сапоги на шнуровке и бижутерия из секонд-хэнда. Если все остальное не катило, у меня были еще две огромные пестрые шали. Я связывала их углы, просовывала голову и руки и закрепляла на запястьях черной резинкой сантиметров двенадцати в ширину. Долой ателье! Кстати, по каналу VH1 в программе "Ретроспектива" до сих пор показывают кадры, где я запечатлена в таком виде.

Видели? Ну, вам повезло.

Мой первый опыт жизни в коммуне, что было характерным знаком времени, был результатом желания устроиться поудобнее. Большую часть времени я проводила с ребятами из "The Great Society", поэтому, чтобы не тратить много времени на дорогу от одного дома к другому, мы решили снять большой дом в Милл-Вэлли. Это давало возможность репетировать и днем, и ночью, хотя неудобства коммуны проявились моментально. Что, если кто-то хочет спать, а остальные репетируют? Что, если ты поссорился с кем-то, а уйти некуда? А если парень хочет в душ, а там *она*? Обычное дело, если живешь вшестером-всемером. Проблемы множились, и, возможно, именно это стало причиной ухода из группы Дэвида Майнора и Барда Дюпонта. Действительно, жилищный вопрос все портит. Не обязательно наблюдать, как грызутся пять крыс в маленькой клетке, чтобы понять, что такое клаустрофобия.

15. Пейот, картошка и ЛСД

Мы проводили довольно много времени в доме Фэя Роя Бакстера. (Нет, это не тот, про которого на диске "Airplane" "After Bathing at Baxter's".) Фэй Рой был из тех людей, которые *умеют* устраивать вечеринки. Ему нравились художники и музыканты, поэтому мы в количестве человек двадцати заваливались к нему по выходным на обед и трепались, пока он метался в кухню и обратно, чтобы приготовить самые вкусные блюда, которые я когда-либо ела, при этом успевая вставить пару слов в нашу беседу. Хорошее вино, свечи, благовония, марихуана и интересные собеседники - всем этим славился дом Фэя Роя.

Сборища у него были *лучшими*.

Там я будто переносилась в прошлое, в салон Гертруды Стайн. Художники рассказывали друг другу изящную ложь и затевали горячие споры о творчестве того или иного автора, слушая музыку, льющуюся сквозь дым гашиша. Мы были молоды и думали, что мы - первые люди, достигшие нового уровня сознания, а прочих считали неудачниками, думающими лишь о куске хлеба. Высокомерно, конечно - но как весело было верить в такие вот выдумки!

Среди всех этих джазистов, художников, писателей и студентов, собиравшихся у Бакстера, был еще инженер-химик по имени Ник, служивший в большой нефтяной компании. Это был двадцатидвухлетний розовощекий англичанин с мягкой улыбкой и "Роллс-Ройсом" (подарок от богатого работодателя за то, что он изобрел какой-то клей для приклеивания пластиковых дисков - "лежачих полицейских" - к асфальту и дорожной разметке). Но Ник умел делать не только клей - после небольшой лекции о том, что это такое, он раздал нам ЛСД "домашнего" производства.

До тех пор психоделический опыт нашей группы сводился к приему пейота, "природного" наркотика - да и то всего несколько раз. Его мы тоже впервые попробовали у Бакстера. Пейот (кактус, известный еще диким племенам первобытной Америки), вываренный до состояния кашицы, стал для нас средством расширения сознания. Или, говоря мягче, средством перехода с одного уровня восприятия на другой (а потом третий, четвертый...). Действие пейота на разных людей было разным, но *свой* ранний психоделический опыт я попытаюсь описать.

Проглотив горькую кашицу и запив ее глотком воды, я уселась поудобнее и принялась вслушиваться в пробуждающиеся чувства, пытаясь уловить тончайшие вибрации. Затем я осознала,

какое огромное количество воздуха накапливается в моих легких и как, без всяких усилий с моей стороны, он высвобождается. Это напомнило мне процесс курения, поэтому я достала из кармана пачку "Мальборо". Взглянув на уродливое оформление, патетическую красно-белую вульгарность современности, я достала сигарету и прикурила, как сотни раз до этого. Но сейчас это казалось очень странным. Я вдохнула дым и ощутила сухой жар, когда он смешался с воздухом в легких. Я тут же бросила сигарету, а следующую закурила, только отойдя от действия пейота, уже часов через шестнадцать. Меня мутило (когда начинаешь принимать пейот, это обычное явление), я пошла в туалет и встала на колени перед унитазом, но тошнота постепенно исчезла.

Для людей под кайфом довольно обычными являются попытки полетать со скалы или обнять проезжающий грузовик (не ради самоубийства, просто в таком состоянии все кажется возможным). Поэтому перед тем, как принять наркотик, мы назначили одну из девушек, Дану, "трезвой". Как потом выяснилось, к счастью, поскольку на пике кайфа мы решили въехать на машине на гору рядом с домом Бакстера. Прежде чем дать нам разрешение, Дана внимательно посмотрела на каждого из нас, пытаясь понять, можем ли мы отследить назначение простейших вещей, типа дверных ручек, кюветов, светофоров и т.д.

В конце концов она отпустила нас, и мы вышли из дома (эпохальный шаг в другой мир). До площадки на вершине мы добирались минут пятнадцать. Вокруг было множество знакомых объектов, которые неожиданно изменились, приобрели новые очертания - каждый цветок, каждый бордюрный камень, казалось, стал в несколько раз длиннее. Так видят дети. И животные. Взрослые забывают, как на самом деле сложен и красив окружающий мир. Пейот напомнил нам об этом.

Лежа на спине в высокой траве на вершине, мы внезапно поняли, как разнообразны облака, воздух, деревья и животные - и как они взаимосвязаны. В отличие от пачки "Мальборо", они выглядели совершенными.

Они и я стали *этим*.

Это и те стали *нами*.

Именно на вершине горы я поняла, что "ты" и "я" разделены только нашим ограниченным мышлением. Если я долго смотрела на один и тот же объект, его цвет медленно менялся в соответствии с возможностями моего сознания. Вместо того, чтобы воспринимать людей и предметы, как детали окружающей обстановки, как фон, пейот придавал всему равно большое

значение. Я не чувствовала ни пустоты, ни избытка. Это была чистая энергия, распространяющаяся во всех направлениях.

Мы вернулись к Бакстеру, чтобы немного передохнуть и подождать, пока действие наркотика кончится, а потом поехать куда-нибудь еще. Выходя из дома, чтобы сесть в машину, я шла через кухню и заметила рядом с раковиной картофелину. Я взяла ее в руки и ощутила, что она излучает энергию. Было *видно*, что этот обыкновенный овощ скучного коричневого цвета полон некой жизненной силы. Я чувствовала тепло, как будто эту картофелину только что вынули из земли, питавшей ее своей энергией. Мне нравилось чувствовать это тепло в своей руке, и, хотя я понимала, что картошка отделена от моего тела, она *стала* частью меня, как рука или нога.

Я взяла картофелину с собой на другую вечеринку и даже, блин, чуть ли не представила ее собравшимся! Но, поскольку большинство наших друзей были столь же "хороши", как и я, никто не удивился включению картофелины в число гостей. По правде говоря, кое-кто спрашивал, нельзя ли рассмотреть ее поближе, и я видела, как они, сидя в креслах, полностью поглощены изучением. Наверное, и сами съели что-нибудь такое, что заставило их думать о возможной дружбе с картофелиной.

Когда я почувствовала, что сознание возвращается в привычные узкие рамки, мне показалось, что мое тело раздувается, как если бы внутренности перестали помещаться в оболочку. Нервная система постоянно подавала сигналы тревоги, но она была слишком утомлена происшедшим - и, чтобы привести ее в норму, я слегка расслабилась, съела немного свежего хлеба и выпила пару стаканов вина. В конце концов, эксперимент оказался довольно приятным. За весь день никто не обломался и не отравился, так что я считаю тот день у Бакстера идеальным знакомством с альтернативной реальностью.

С тех пор я узнала, что действие психоделических наркотиков (таких, как пейот или ЛСД) зависит от конкретного человека. Оно может изменяться, как мутировавший вирус. Опасность зависит только от эмоционального, физического и духовного состояния принимающего. По этой причине (или по какой-то другой) один и тот же препарат может действовать на человека по-разному в разное время. К сожалению, люди иногда принимают кислоту либо в одиночестве, либо в заведомо опасных ситуациях; в результате адские галлюцинации заставляют их прыгнуть из окна - или приводят в психушку. Короче, психоделики могу как подарить тебе замечательные ощущения, так и привести тебя к смерти.

16. Сцена

Все большие города серые - по необходимости. Серый цвет - дешево, да и глаз не раздражает; цемент - светло-серый, асфальт - темно-серый, здания тоже разных оттенков серого. (Можете представить себе ярко-красный город?) Население тоже любит приглушенные тона, даже не на работе - коричневый, темно-синий, темно-зеленый, серый или беж. Люди в городе предпочитают не разговаривать друг с другом, для них все - чужие; на лицах отражается борьба чувств, периодически на бегу проскальзывают какие-то мысли, обычно - о том, что они уже пять минут как опаздывают.

Таковы большие города сейчас. Такими же они были и в шестидесятые.

Но в 1965 году на углу двух серых улиц, Гири и Филлмор, цветовая схема, казалось, начала меняться...

Представьте себе: субботний вечер, разноцветная толпа клоунского вида молодых людей собралась перед одним из этих серых зданий, "Fillmore Auditorium". Парней от девчонок не отличишь. Ни одного пиджака. Происходит постоянное движение. Все общаются, хотя многие впервые видят друг друга. Единственное цветное пятно вне здания, помимо одежды, - плакат, нарисованный фосфоресцирующими красками. На нем крупные буквы, но смысл слов не ясен: "*Jefferson Airplane*", "*The Charlatans*", "*Moby Grape*" и "*The Great Society*".

Джерри, Дарби, другие ребята из "The Great Society" и я играли в "Филлморе" довольно часто, "разогревая" зал перед выступлением более популярных групп, таких, как "Jefferson Airplane". Перед выступлением мы загружали инструменты в фургон, подъезжали к служебному входу, а ребята, которые стояли в очереди, подходили потрепаться с нами, пока мы вносили аппаратуру. Никаких металлоискателей, никакой охраны, никаких пропусков за сцену, никаких гостевых мест. Все вокруг были "нашими".

Когда двери открываются, серость исчезает окончательно. Кончается лестница, ведущая в главный зал "Филлмора", и вы упираетесь в стену из разноцветных постеров. Их столько, что самой стены не видно. В цветных изображениях девушек с гирляндами цветов в руках, указывающих на причудливо изогнутые буквы, составляющие названия групп, чувствуется влияние арт-нуво. На одном постере можно увидеть теперь уже

многим знакомый череп "Grateful Dead", увенчанный розами; на другом - стилизованная под ретро-вестерн фотография "The Charlatans" в овале. А рядом длинноволосый юноша пускает мыльные пузыри.

Войдя в зал, вы ловите себя на мысли, что в комнате смешались семь разных эпох. Интерьер оформлен в стиле рококо, характерном для рубежа веков. Кто-то в красных трусах, раскрашенный серебрянкой, раздает индийские благовония. Девушка в костюме эпохи Возрождения кружится под музыку барокко, слышную ей одной. Компания в джинсах и индейских налобных повязках, усевшись в кружок на полу, курит траву. Рядом симпатичный мужик в мушкетерском костюме расставляет пепельницы на дешевых столиках годов пятидесятых, стоящих вдоль стен. В углу люди скидывают одежду - когда "кислота" подействует, они раскрасят друг друга флуоресцентными красками, чтобы светиться в темноте. Те же, кто еще одет, выглядят, как Клинт Иствуд в вестернах, или попросту носят футболку и джинсы - но вспыхивающие прожектора заставляют светиться даже обычную одежду.

Вокруг кустари продают самодельные цепочки, жилетки, шляпы, рисунки и феньки из кожи. Они не зазывают покупателей, предпочитая никому не мешать; приветствуется бартер. Занавес отсутствует, поэтому аппарат и инструменты подключают на виду у зрителей. Иногда музыканты спрыгивают со сцены, чтобы перекинуться парой слов с кем-нибудь в зале. Стулья когда есть, когда нет - поэтому люди сидят, где хотят, танцуют или просто валяются на полу. Здесь смешались электроника и индейцы, дискотеки и средневековые флейты, космические флуоресцентные краски и дух Боттичелли, рев усилителей и звяканье браслетов на запястьях.

Это *не* Канзас, Дороти.

Но - *это* "Питер Пэн", "Алиса в Стране Чудес", "Страна Оз", Долговязый Джон Сильвер, "Чужак в чужой стране", "Голый завтрак" и "Здесь и Сейчас". Это американская мечта (пусть на пару часов), с полным отсутствием расовых ограничений, национальных конфликтов, правил, регулирующих ношение одежды, моральных устоев, политической шумихи. Здесь только один хозяин - деятельный, улыбчивый брюнет, промоутер Билл Грэм.

Кто-то должен держать руки на штурвале этого плавучего цирка в море серости. Именно благодаря Грэму карнавал смог прорваться в обычную жизнь. Билл мечется по залу, разговаривает одновременно с пятнадцатью людьми, подсказывает и орет, смеется и хмурится, одна рука на бедре,

другая на лбу, брови сдвигаются, когда он неожиданно разворачивается и кричит в сторону балкона: "Эй, там, скажите Гарсии, чтобы на следующей неделе без этих гребаных трехчасовых сетов, иначе копы мою задницу за решетку упрячут!"

Билл орет на Гарсию, швыряет стулья, сердится на Пола Кэнтнера за пререкания (тот рычит в ответ, как лев на укротителя) - но все это ему прощается. *Кто-то* же должен следить, чтобы не было конфликтов с властями, иначе "Филлмор" закроют. *Кто-то* должен висеть на телефоне, уговаривая людей в костюмах, что это "чистое" заведение для молодежи. *Кто-то* должен объединить все разрозненные части, направить всю энергию на уничтожение СЕРОСТИ - и это Билл.

Мы экспериментируем, а он дает нам возможность для этого.

В то время, как "Филлмор" стал популярным, большинство музыкантов переехало из Сан-Франциско в Марин Каунти. Марин, расположенный рядом с перенаселенным серым городом, всего в двадцати минутах езды к северу от моста Золотых ворот, был процветающим местом, полным рыбных ресторанов, банкетных залов, яхт-клубов, ковбоев, огромных ферм, особняков с высокими заборами (для богачей) и небольших книжных магазинчиков и баров (для местных художников). У "The Grateful Dead" там было ранчо, где любили собираться представители местной музыкальной сцены. Я помню, как Пигпен открывал нам ворота, когда мы приехали на одну из самых знаменитых вечеринок, поднимая тучи пыли, и припарковались у сарая.

У Пигпена (он же Рон МакКернан), первого клавишника "The Dead", был недолгий роман с Джанис Джоплин; он-то и подсадил ее на "Southern Comfort"[16]. Не настолько открытый, как остальные члены группы, он просто молча кивнул нам. Но он вовсе не был дураком - тихий парень, который значительно лучше чувствовал себя в деревне, чем в городе.

На ранчо был большой бассейн, и в тот день Джерри Гарсия "устраивал прием" под одним из старых деревьев возле бортика. Куда бы он ни шел, люди собирались вокруг него поговорить. Даже в двадцать с небольшим он производил впечатление старого умного мошенника, какое остается от восточных гуру. Когда мы подошли поближе, мимо, крикнув: "Привет!" - пробежала шестнадцатилетняя девчонка. Это была Девчонка, прозванная так в семье, поскольку она была единственной девчонкой среди восьми детей.

Никакой одежды, никакого макияжа, никаких проблем.

Дети и взрослые плавали в бассейне. Длинные столы, накрытые для пикника, ломились от арбузов, чипсов и стаканов,

от мангалов поднимались тонкие струйки дыма. Собаки, лошади, гитарные переборы, пшенично-золотые холмы и синее небо - край фермеров. Это место выглядело северным аналогом отеля "Калифорния", мифического места из еще не написанной песни "Eagles".

Мне стало интересно, чем заняты люди возле сарая. В центре круга вертелся, рычал и смеялся какой-то парень, его тело постоянно находилось в движении. Я подошла поближе, чтобы расслышать слова, но смысла не уловила. Фил Леш, басист "The Dead", стоял рядом, скрестив руки на груди и с улыбкой наблюдая этот выплеск чистой энергии. Я посмотрела на Фила, видимо, в моем взгляде читался вопрос, потому что он подошел ко мне, сказав: "Это Нил Кэсседи, если постоишь тут еще немного, начнешь врубаться во все семь разговоров, которые он ведет сам с собой".

Нил, прототип главного героя книги Джека Керуака "На дороге", был одним из "Веселых прикольщиков", которые базировались в Санта-Круз, путешествуя по стране в поисках чего попало на раскрашенном автобусе под девизом "Furthur"[17]. Вместе с Кеном Кизи (автором книги "Над кукушкиным гнездом", написанной под впечатлением от работы "подопытным кроликом" на испытаниях ЛСД для ЦРУ за двадцать долларов в день) Нил, Джерри Гарсия с женой и еще несколько счастливых эксцентриков устраивали лучшие в мире музыкальные сборища.

Все приходят, все получается, и музыка движет всем.

Когда с 1997 году автобус "Furthur" был установлен в Зале славы рок-н-ролла, кое-кто говорил: "Ларри, Кизи и Гарсия - не герои, они преступники. Это не автобус, а катафалк нации!" Следует, правда, заметить, что всегда будут люди, боящиеся жить и боящиеся умирать. Но еще больше людей рисковых, которые привносят новое во все, с чем соприкасаются, с помощью наркотиков или без нее. Известный журналист Хантер С. Томпсон[18] однажды заметил: "Жить в Сан-Франциско в шестидесятых годах было все равно, что в Париже в двадцатых". Кизи добавил: "Шестидесятые не кончились, пока толстые пенсионерки ловят свой кайф".

"Прикольщики" были вдохновителями серии концертов под названием "Trips Festivals", которые не могли быть устроены "нормальными" промоутерами - они были слишком неуправляемы и беспорядочны, чтобы попасть в категорию "вечеринок" или "концертов". Мы знали место и время, но никогда не знали, *что* будет происходить. Этот движущийся хаос был насквозь пронизан шутками Вэйви Грэйви. Вэйви Грэйви, он же "святой клоун", который тоже был одним из "Прикольщиков", действительно

одевался в клоунское облачение с большим красным носом, париком, накрашенными губами и огромными ушами. Вэйви был неотъемлемой частью всех наших концертов, да и всех других событий тоже, единственный клоун из всех, виденных мной, который всегда точно знал, что происходит. У него была уникальная способность заставлять людей смеяться над всем и, самое главное, над собой. Милый, смешной и всегда готовый прийти на помощь, он всегда был рядом, в палатке или трейлере, предоставляя людям место, куда можно просто зайти и забыть о серьезности. Вэйви Грэйви напоминал, что взрослым быть не обязательно; пять минут с ним - и все проблемы исчезают, и вот вы уже заливаетесь самым прекрасным и обезоруживающим смехом.

Большинство ранних сборищ (обычно называвшихся хэппенингами) были спонтанными и беспорядочными. Там царила атмосфера вседозволенности - до тех пор, пока разнообразные дельцы не поняли, что деньги сами потекут в карман, стоит лишь открыть больше концертных залов и показать денежной публике более управляемые версии рок-н-ролльных вечеринок. Тогда же "Авалон", "Карусель" и даже кое-какие из "нормальных" залов начали устраивать сборные концерты на четыре-пять групп, приглашая, в том числе, молодые электрические команды. Я выступала во всех этих залах, будучи участницей "The Great Society", а затем и "Jefferson Airplane", но и "Society", и "Airplane", и другие, типа "The Dead" все еще имели лишь локальную известность, пока звукозаписывающие компании не прослышали о "новом взрыве" и "Власти Цветов" в Сан-Франциско. Журналы типа "Life" и "Time" заполнили статьи, хотя во многих из них все перевиралось. Мы подсыпали молоденьким журналистам кислоту в кока-колу, и им казалось, что на Западном побережье неожиданно открылся целый новый мир.

А может, так оно и было.

17. Посвящение

Вскоре после того, как "The Great Society" начали выступать, мы познакомились с двумя лос-анджелесскими дельцами от музыки, искавшими таланты в среде хиппи. Джек Ницше, как будто сошедший с портретов работы голландских мастеров, пробурчал что-то невнятное. А Ховард Вольф сказал: "Контракт с фирмой "Columbia" на пять тысяч долларов". *Это* мы поняли и подписали с ним эксклюзивный контракт, в результате Ховард получил половину прав на публикацию "White Rabbit", которую потом продал "Irving Music". Я не знаю всей этой "кухни", однако, когда "The Great Society" распались, Ховард Вольф также продал *меня* Биллу Грэму за 750 долларов. Билл стал моим новым менеджером за гроши, учитывая то, что новый альбом "Airplane" "Surrealistic Pillow" стоил восемь *тысяч* долларов, а принес восемь *миллионов*.

Когда "The Great Society" распались, мы играли вместе уже около года. Дарби Слик и Питер ван Гельдер были настолько поражены звуками таблы и ситара, что решили поехать в Индию, чтобы быть ближе к корням этой музыки и учиться у мастеров. В то же время Сигне Андерсон родила ребенка и решила уехать в Орегон - подальше от сумасшествия рок-тусовки.

Где-то в середине 1966 года я сидела на балконе "Авалона" и смотрела, как выходят зрители после концерта "Airplane", когда ко мне подошел потрепаться их басист, Джек Кэсэди. Рок-н-ролльная тусовка была небольшой, все друг друга знали, вместе шлялись по клубам и ходили друг к другу на концерты, поэтому я часто проводила время с ребятами из "Airplane". Но в тот вечер Джек вдруг сказал: "Как насчет попеть с нами?"

Моя реакция на слова Джека была довольно спокойной (играем в крутую девчонку): "А что, неплохая мысль".

О чем я думала на самом деле? ТЫ ЧТО, ШУТИШЬ? НАКОНЕЦ-ТО Я БУДУ ИГРАТЬ В ОДНОЙ ИЗ ЭТИХ КРУТЕЙШИХ КОМАНД!

Я, конечно, не сказала этого вслух, но для меня это было посвящением, приглашением занять место, которое, как я всегда думала, зарезервировано для супермоделей и киноактрис, привлекательных до отвращения. Похоже, что плоской кудрявой ехидной сучке удалось-таки сломать стену, закрывавшую путь в Страну Барби.

Грейс, выходи кланяться.

Моя мать была первой в ряду блондинок, утвердивших мое

мнение, что все лучшее всегда достается именно блондинкам, а все остальные, кроме, может быть, Элизабет Тэйлор (и та, кстати, *была* блондинкой в первом фильме с ней, который я видела, "Маленькая женщина"), могут встать в очередь за остатками. Поскольку в детстве я была блондинкой, я поняла, что у меня не будет проблем, когда я вырасту, и до тринадцати лет моя вера в успех была непоколебимой. В конце концов, я же родилась с *правильным* цветом волос. Если бы все известные женщины были бы рыжими, меня терзали бы видения боттичеллиевской Венеры.

Но несчастливое число "тринадцать" ознаменовало половое созревание; прыщей не было, зато вылезли наружу отцовские гены. Толстая маленькая круглолицая блондинка, которой я была, подросла со 155 до 168 сантиметров, вес резко уменьшился, а волосы из мягких светлых кудряшек превратились длинные куски темной пакли. И все это за каких-то два года.

Ну, сбросить вес, в принципе, было совсем не плохо, но от остальных изменений хотелось взвыть.

Кстати, я несколько раз проверяла теорию "джентльмены предпочитают блондинок". В конце семидесятых я как-то зашла в бар в Милл-Вэлли, Калифорния. Обычный цвет моих волос, лицо без макияжа, простая одежда и кроссовки. Я просидела там полчаса, а на меня никто не обратил внимания, кроме бармена. Ну, я пошла домой, накрасилась, надела длинное черное платье, каблуки и светлый парик. И вернулась в тот же бар.

Моментальная популярность.

Размышляя об этом, я решила, что мне на роду было написано стать темноволосой. Под "кайфом" я несколько раз замечала, что мне жутко нравится все испанское. Кроме того, мне проще сымпровизировать в традиции фламенко, нежели в западных стандартах. Не знаю, почему, но музыка, танцы, архитектура и культура средневековой Испании запечатлены в моей памяти, как будто я там жила. Хотя во мне нет никакой испанской крови, и все мои испанские связи - в названиях улиц и городов Калифорнии, я чувствую все особенности этой страны, как свои.

Любовью к "испанщине" объясняется и появление песни "White Rabbit" ("Белый кролик"). Музыка взята из испанского *болеро*, а текст написан под влиянием кэрролловской "Алисы в Стране Чудес". В тексте прослеживается намек на лицемерие старшего поколения, дающего нам возможность познакомиться с "тяжелым" наркотиком (алкоголь), но ничего не говорящего о психоделиках.

А если залезть *к ним* в аптечку?

Дедушке трудно двигаться? Пусть примет транквилизаторы.

Мать волнуется за ребенка? Как насчет амфетаминов?

Ужин пригорел? Есть фенобарбитал.

Заснуть не можешь? Прими барбитурат.

Ты спортсмен, хочешь прыгать выше и бегать быстрее? Принимай стероиды.

Как насчет чего-нибудь, чтобы забыть о неприятностях? О, героин!

Алкоголь, чтобы повеселиться. Валиум для нервов. Тагамет от язвы.

Вопреки распространенному мнению, именно взрослые проводили эксперименты, выясняя сильные и слабые стороны продукции "легальных" производителей наркотиков - "Роша", "Джонсон и Джонсон", "Мерк", "Рорер", "Эли Лилли", "Юбан", "Смирнофф", "Американской табачной компании"... Алкоголь и сигареты - кайф. Смертельный кайф. Как и все в жизни.

Посмотрите, мы всего хотим - копченого, жирного, сахара, выпивки... А еще таких магических пилюль, чтобы поставить нас на ноги после всего вышеперечисленного. *Безопасность* означает заботу о собственном здоровье.

Забудьте об этом, нам же нужен "Биг Мак".

Но -

One pill makes you larger
And one pill makes you small
And the ones that Mother gives you
Don't do anything at all

(От этой таблетки ты станешь огромным,
От этой - уменьшишься враз,
А та, что сует тебе мать,
Вообще ничего не даст.)

Прослушав "Sketches Of Spain" Майлса Дэвиса и Гила Эванса раз сорок подряд без остановки - маниакальная навязчивость - я села за свое старое красное пианино (клавиш десяти не хватает), втиснула стихи, написанные под влиянием "Алисы в Стране чудес", в ритм марша-болеро и назвала все это "Белый кролик". Честно говоря, мне кажется, что в этих стихах я не достигла цели. Я хотела напомнить родителям (потягивающим коктейли,

рассказывая нам о вреде наркотиков), что именно *они* читали нам вслух "наркоманские" детские книжки.

And if you go chasing rabbits
And you know you're going to fall
Tell 'em a hookah smoking caterpillar
Has given you the call.

(А если побежишь за кроликом
И вдруг окажешься в норе,
Скажи, мол, Гусеница с кальяном
Звала тебя к себе.)

Питер Пэн посыпает всех белым порошком, - и вот они уже умеют летать - кокаин.

Дороти и ее команда неудачников (рок-н-ролльная?) по дороге к волшебнику засыпают на маковом поле - опиум.

И вдруг видят фантастический Изумрудный город - психоделическую Страну чудес.

А крутейшая из них - Алиса - вообще постоянно употребляет различные наркотики, делающие ее большой или маленькой - "Съешь меня", "Выпей меня"... Она откусывает кусочек от волшебного гриба (псилоцибин) и затягивается дымом кальяна Синей Гусеницы (гашиш). Девица под кайфом на протяжении всей книги! А родители еще интересуются, почему это мы все "страньше и страньше"!

When logic and proportion
Have fallen sloppy dead
And the White Knight is talking backwards
And the Red Queen's "Off with her head!"
Remember what the dormouse said,
"Feed your head. Feed your head."

(Когда логика и пропорция

Становятся не нужны,
У Белого Рыцаря все наоборот,
А с Королевой не сносить головы,
Помни, что Соня шептала во сне:
"Не хотите ли дозу и вы?")

Эта песня стала символом эпохи, что я считаю своим большим успехом - неважно, достигла ли я цели. Так что я принесла в и без того популярный "Airplane" еще два хита - "Somebody To Love" и "White Rabbit".

18. Кнопочки, лампочки и шнурочки

Когда мы начали репетировать на квартире у Джека Кэсэди и Марти Бэйлина в Хейт-Эшбери, Сигне Андерсон как раз заканчивала выступать с "Airplane". Поскольку группа хорошо знала материал, им не нужно было практиковаться.

Но мне-то было нужно!

Когда мы собирались на репетиции, большая часть времени уходила на треп и прослушивание чужих записей, поэтому мне трудно было познакомиться с музыкой. "Airplane" были первой группой из Сан-Франциско, подписавшей контракт с большой фирмой, "RCA". Поскольку один альбом, "Jefferson Airplane Takes Off", они уже записали, я могла петь под эту запись. Но на диске было далеко не все, что группа исполняла на концертах. Чтобы выучить программу, пришлось ходить по клубам и слушать их вживую.

Сигне все еще была вокалисткой и честно отрабатывала концерты. Но однажды в "Филлморе" к нам в гримерку зашел жутко нервничавший Билл Грэм. С порога он заорал:

- Где Сигне? Вам выходить через пять минут! - Продолжения я боялась больше всего. - Грейс, скажи, ты готова петь *сейчас*?

- А... может, еще пару минут подождем? Может, в пробке застряла...

Сигне так и не приехала.

Когда я вышла на сцену "Филлмора" с "Jefferson Airplane" первый раз, у меня тряслись поджилки. "Airplane" тогда уже были сверхпопулярны, а "The Great Society" еще только пытались взобраться по лестнице успеха. Меня, собственно, ужасало не отсутствие у меня таланта или знания материала. Я знала все эти песни, я слышала их много раз. Публика в "Филлморе" тоже меня знала по "The Great Society", поэтому я не боялась, что они посмеются надо мной или текстами моих песен.

Проблемой было то, что я не привыкла играть без репетиций, без скрупулезных приготовлений. Я до сих пор такая - мне нужно практиковаться, пока все не будет звучать идеально. Я думала, что перед моим первым концертом в составе "Airplane" мы будем долго репетировать, чтобы замена Сигне прошла безболезненно. И вот на тебе - стою на сцене, без малейших приготовлений и абсолютно в себе не уверенная!

Но, выйдя на сцену, я приосанилась, собралась, постаралась двигаться плавно, расслабить руки - и никакого щелканья пальцами! Я улыбнулась и посмотрела в зал, надеясь, что во

взгляде читается: "Вы знаете, что я тут впервые. А я знаю, что вы ждали Сигне. Но теперь здесь я, а кому не нравится - может идти к черту!" Мне хотелось показать, что все нормально, что я контролирую ситуацию. Но нервы были на пределе.

Я не представляла, насколько громче, чем "The Great Society", играют "Airplane". Через плохие мониторы не было слышно ничего, кроме воя электрогитар - я даже не знала, попадаю ли я в ноты. Очень трудно петь, когда себя не слышишь. На гитаре есть лады: они всегда на месте, поэтому можно играть, не слыша себя: берешь аккорд - и можешь быть в нем уверен. То же самое и с клавишами. Но у певца-то инструмент невидимый, поэтому, не слыша себя, трудно знать наверняка, что именно поешь.

В тот вечер я надеялась, что примерно попадаю в то, что играла группа. Я знала, что пела ужасно, но когда все закончилось, и менеджер Билл Томпсон, и ребята наперебой меня хвалили. Кто-то сказал: "У нас запись есть, хочешь послушать?"

Я быстро ответила, не желая снова слушать эту гадость: "Нет уж! Чего я хочу, так это немного порепетировать! И с подключенными инструментами - а не это дурацкое акустическое треньканье, по которому ничего не поймешь!"

Когда музыканты *понимают* друг друга, группа играет хорошо и настроение отличное. Лучше этого ничего нет. Это биологический и духовный феномен: *и* аудитория, *и* исполнитель чувствуют *силу* музыки. Со мной такое случается постоянно, когда я еду в машине или сижу дома, слушая музыку с громкостью децибел 130 - ощущение, что теряешь вес, как будто плаваешь с аквалангом, баллоны которого заполнены веселящим газом.

Когда я впервые попала в Студию А на бульваре Сансет, принадлежащую "RCA", я чувствовала себя, как ребенок, любящий лошадей, которому купили абонемент на скачки на два месяца. Там стояли четыре гигантские колонки "Altec", чтобы *слышать* запись, можно было сделать звук более объемным или более плоским, а инженеры могли сделать *все* - если сможешь им объяснить, чего хочешь. Вокруг были бессчетные кнопочки, лампочки и шнурочки, придававшие процессу записи дополнительную таинственность. Помимо стационарного оборудования мы экспериментировали и с новейшими гитарными "примочками", которые появлялись тогда чуть ли не ежедневно. Рик Джаррард, наш продюсер, был ставленником "RCA", но конечный "продукт", как результат компромисса между его и нашими желаниями, устроил всех. Во время записи "Surrealistic Pillow" я проводила в студии все время, даже тогда, когда необходимости в этом не было, пытаясь понять, как все эти

машины превращают простейшие шумы в мощное сбалансированное звучание. Это был второй альбом для "Airplane" (после "Jefferson Airplane Takes Off"), но для меня-то он был первым, поэтому я не желала пропускать ни секунды процесса.

Может, вам интересно, что означает "Surrealicic Pillow" ("Сюрреалистическая подушка")? Честно говоря, сама не знаю. Это одно из тех названий, которые каждый трактует по-своему. Когда Марти Бэйлин спросил у Джерри Гарсии, что он думает об этой записи, Джерри ответил: "Звучит как сюрреалистическая подушка". Как спать на подушке? Проснуться? Мечтать? Видеть сны? Заниматься любовью? Определение "сюрреалистическая" оставляет вопрос открытым.

То, что происходило за стенами студии, действительно напоминало сюрреализм. Мы жили в "Тропикане", дешевом мотеле на бульваре Санта-Моника. Газовая плита в комнате, постоянный (зато абсолютно бесплатный) чад. В один из наших первых вечеров в Лос-Анджелесе, возвращаясь из студии, мы услышали собачий вой. На балконе на четвереньках стоял абсолютно голый Джим Моррисон и выл на луну. Он не обращал внимания на контраст между своей "натурой" и урбанистическим пейзажем Лос-Анджелеса и продолжал свое занятие, даже когда Полу Кэнтнеру пришлось перешагнуть через него, чтобы добраться до своей комнаты.

Я спросила Пола, что он сказал Моррисону. Он ответил: "А что можно сказать парню, который стал собакой? Ничего..." Джим всегда хотел забраться за границы человеческого разума. Его "представление" было захватывающим и пугающим одновременно. Мне трудно представить, насколько сильна должна быть страсть к экстремальным развлечениям, чтобы не бояться, что возврата не будет. Да и *куда* возвращаться? Кто знает, какая из реальностей лучше?

Когда я вижу парня, танцующего на улице, поющего или разговаривающего с самим собой, первой мыслью обычно бывает: "Блин, как ему плохо-то..." Но что я в этом понимаю? Может быть, они счастливее, чем я когда-либо буду, ведь мое суждение основано на так называемой "норме поведения". Я постоянно себе напоминаю, что без "придурков" - без братьев Райт, Моцарта, Джима Кэри или Ганди - действительность была бы значительно скучней.

Пока мы жили в "Тропикане", я начала не только учиться музыкальному бизнесу, но и "знакомиться" с ребятами из "Airplane". Хотя, как утверждали законы штата Калифорния, мы с Джерри Сликом все еще были женаты, я видела его всего пару раз за несколько лет. Он занимался своим делом (кино), я - своим

(музыкой), разве что столкнулись пару раз в аэропорту...

К счастью или к несчастью, я всегда была во власти своих страстей - мне нравились живопись, архитектура, музыка... Думаю, это эгоизм, но я так живу. Поэтому рок-н-ролльная сцена Сан-Франциско, с ее страстностью и свободой самовыражения, была просто создана для меня. Мой брак с Джерри, напротив, отбрасывал меня назад, в пятидесятые, и это сильно повлияло на наши отношения. Страсти там не было никогда. Начав активно выступать и писать песни, я нашла наиболее подходящий мне стиль жизни. Именно об этом я мечтала в детстве. Хотя мы с Джерри не разводились до 1971 года, уже в 1967 я чувствовала себя незамужней женщиной.

Я легко восприняла популярную в шестидесятых идею сексуальной революции, хоть и была воспитана совсем в другом ключе. Для меня новый стиль жизни означал всего лишь еще один костюм - а разве переодеваться сложно? Кому приятно носить одно и то же каждый день? Даже если вы *очень* любите бананы, вы ведь не будете есть их на завтрак, обед и ужин? Мы хотим разнообразия во всех областях - так почему же не в постели? В то время все так думали, и я не была исключением. Поэтому неудивительно, что именно среди музыкантов, с их талантом, юмором и душевным сходством, я нашла большинство своих любовников. Когда играешь в группе, чаще видишь ребят, чем родственников; вот я и начала посматривать на парней, с которыми я пела каждый вечер. В "The Great Society", "Airplane" и "Starship" я была замужем сразу за семерыми одновременно.

Мне всегда было наплевать на правило "Никогда не проси мужчину тебя проводить, жди, пока он сам предложит". Не просить меня *проводить*? А как насчет спросить, не хочет ли он меня ТРАХНУТЬ? "Тропикана" не располагала к романтическим чувствам, но, если не обращать внимание на обстановку, сразу становилась приятнее. Вот, например, я знала, что Джек Кэсэди будет в своей комнате с утра; было слишком рано, чтобы куда-то идти, и слишком поздно, чтобы спать. Я позвонила ему под предлогом того, что у меня нет штопора, и попросила помочь. Вино в 9 утра? Гм. Но Джек был очень вежливым и всегда был готов прийти на помощь, поэтому он *лично* принес штопор ко мне в комнату.

Мы с Джеком считали себя людьми опытными. Разговор, однако, состоял только из улыбок, шуток и намеков, хотя оба мы понимали, что через пять минут займемся любовью. Мы были слишком смущены и возбуждены, чтобы понимать, что говорим. Мы делали все очень мягко, боясь нарушить очарование - прикосновение, сближение, тишина, смех и, наконец, поцелуй,

который перевел тела в горизонтальное положение.

Джек был очень хорош в постели. Надеюсь, что его жена, Диана, которую я очень люблю, простит мне такое дурацкое описание, тем более, что тогда они еще не были знакомы. Но у меня также были хорошие отношения с девушкой Мирандой, которая *была* знакома с Джеком в то время. Миранда также была "знакома" еще кое с кем из техников группы, с Полом Кэнтнером, еще с кем-то... У нас в группе были очень хорошие отношения, мы много времени проводили вместе, поэтому многие из нас хорошо "знали" друг друга. Когда мы вернулись в Сан-Франциско и я рассказала Миранде о происшедшем между Джеком и мной, она только рассмеялась: "Ты поимела его в Лос-Анджелесе, а я поимею в Сан-Франциско, вот и все!"

Ну и ладно.

Не чувствовал ли Джек себя куском мяса, который перекидывают друг другу две сучки-сексистки? Не думаю. Мы тогда не заботились о политкорректности в социальных или моральных вопросах, которая проявилась в Эру СПИДа. Мы все были друзьями, а лучшее, чем можно заняться с другом - секс. Заодно и от венерических болезней лечились вместе...

Много позже Пол Кэнтнер сказал об этом: "Забудьте про "Лето Любви" - его нужно назвать "Золотым веком траха".

19. Пена

Следующим в списке моих любовников стал Спенсер Драйден - хотя я такие вещи не планирую. Мне не свойственно тащить человека в постель сразу после (или даже *до)* знакомства; мне надо, чтобы все развивалось постепенно. У меня была подруга, которая, увидев человека, который ей нравился, тут же сбрасывала одежду и заваливала его на пол. Я всегда завидовала этой легкости, потому что ценю в мужчине не только внешность. Я хорошо *чувствую* красоту, но секвойи красивы, а трахаться с ними почему-то не хочется. Вот если у мужика все в порядке с внешностью, мозгами и юмором, *тогда* гормоны начинают движение. Медленно. Это не какие-нибудь моральные ограничения; просто я, как какой-нибудь восемнадцатиколесный грузовик, трудно разгоняюсь. (Зато потом...)

У Спенсера было хорошее чувство ритма, стучал он неплохо, но супербарабанщиком не был. Он играл так же, как думал, всегда следил за происходящим вокруг, готовый подстроиться под обстановку. (До "Airplane" он играл в ночных стрип-клубах Лос-Анджелеса, где мог часами отстукивать монотонный ритм.) Но лучше всего он чувствовал себя в длинных импровизационных кусках, там было, где развернуться. Хрупкий и изящный, он был не только самым маленьким из ребят (всего 170 сантиметров), но и самым деликатным. Легко ранимый и замкнутый, он мог часами создавать причудливые орнаменты странных песен, которые группа так никогда и не сыграла. В свои двадцать девять он был самым старшим из нас, но казался совсем ребенком. Его большие карие глаза всегда смотрели с легким укором. Вечный аутсайдер. Остальные, казалось, с трудом его переносили, не желая принимать его лос-анджелесскую уязвимость (которую считали лос-анджелесским отсутствием тактичности).

Мне же он казался очень красивым и очень одиноким. Несмотря на печальные глаза, он часто смеялся. Казалось, он смеялся, чтобы не плакать. И у него не было проблем с женщинами, которые хотели одновременно трахаться и нянчиться с ним. Если бы я была такой, мы бы, наверное, продержались вместе подольше.

У нас со Спенсером была общая способность легко забывать о реальности и погружаться в собственные фантазии. Благодаря ей мы и сблизились. Первый вечер "вместе" мы провели в автобусе по дороге в гостиницу. Лил дождь, вокруг был Манхеттен, ребята сзади смеялись и шутили... А мы сидели рядом, склонившись

друг к другу, и тихонько шептались, как дети, которые не хотят, чтобы их услышали. Мы становились все меньше и меньше, а сидения автобуса - все больше и больше, а мы прятались за ними от взрослых и разговаривали на собственном языке.

Я пришла к нему в комнату, как только мы разместились в гостинице. Остаток ночи мы провели в темноте, только мягкий отсвет городских огней пробивался через плотные шторы. Так хотел *он* - ему нужно было убежище, куда никто и ничто не сможет проникнуть. Мягкий и впечатлительный, он занимался любовью так же, как думал и играл. Я написала песню "Lather" ("Пена") про Спенсера и про наше восприятие тридцатилетнего человека с глазами вечного ребенка:

Lather was thirty years old today,
And Lather came foam from his tongue.
He looked at me eyes wide and plainly said,
"Is it true that I'm no longer young?"
And the children call him famous,
What the old men call insane,
And sometimes he's so nameless,
That he hardly knows which game to play

(Пене исполнилось тридцать лет
Он пришел ко мне со слезами в глазах,
Посмотрел на меня и тихо спросил:
"Я уже не ребенок, ведь так?"
Дети зовут его клевым,
А взрослые - дураком
И тогда он настолько теряется,
Что не знает сам, кто он такой.)

Мы со Спенсером переехали в квартиру этажом ниже той, где жили Йорма Кауконен, соло-гитарист "Airplane", и его жена Маргарет. У меня есть интересная фотография 18х25, где мы все стоим перед большим зданием на Вашингтон-стрит в Сан-Франциско. На первый взгляд, стандартный групповой снимок. Я готовилась позировать рядом со Спенсером, но в последний момент Пол Кэнтнер, движимый, наверное, каким-то пророческим чувством, попросту закинул меня к себе на плечо.

Эту фотографию сделал Джим Маршалл, один из немногих рок-фотографов в Сан-Франциско, снявший буквально все местные группы. Он был очень хорошим фотографом, но лучшие его снимки получались случайно. Мы все время пытались сделать утомительное позирование менее формальным, поэтому постоянно прикалывались над Джимом. Обычно *ему* было не смешно, и получалось только лучше. Мы ухохатывались, издеваясь часа по два над его прической, так что на фотографиях получались *настоящие* улыбки.

Как-то Джим устроил фотосессию для меня и Джанис Джоплин. Джанис приехала ко мне, когда Джима еще не было, и мы решили разыграть его и оставаться серьезными, что бы Джим ни делал. Джим несколько часов уговаривал нас: "Ну, давайте, девчонки, улыбнитесь..." Он пытался шутить и валять дурака, но мы с Джанис были невозмутимы, надеясь, что он сдастся и уйдет. Он, естественно, этого не сделал, мы тоже не улыбнулись, поэтому на календарях, книгах и постерах по всему миру красуется фотография *суровых* Грейс и Джанис. Каким бы ни был Джим Маршалл, фотографии у него *получались*.

На этом снимке мы с Джанис вместе, но даже здесь видно, какими мы были разными. Джанис была моложе, но казалась значительно более усталой - как будто во всем разочаровавшейся. Несмотря на то, что в день сессии было жарко, она надела платье, вышитую бисером накидку, фунта четыре драгоценностей и меховую шапку - полный костюм "знойной женщины". Я, пока еще не столь грустная (*столько* я испытаю еще не скоро), надела форму герлскаута, прикалываясь над мещанской организацией, в которую никогда не вступала. На моем лице читалось: "Только тронь, сосунок!" Я была сосредоточена на роли, которую играла.

Джанис больше знала о том, "как бывает", но была недостаточно толстокожей для постоянных склок, обычных для рок-мира. Она была очень открытой и непоследовательной, поэтому разбивала себе сердце с регулярностью, которую я пыталась понять лет тридцать. Если мы шли куда-то вместе, она как будто сдерживалась, чтобы не сказать чего-то, что может мне не понравиться. (Так старики глядят на любимых детей, уверенно заявляющих: "Со мной-то этого *точно* не случится!" Они понимают, что не могут объяснить, *как* это бывает, дети должны узнать это *сами*.) Джанис была для меня мудрой бабушкой, к которой я любила ходить в гости. Находясь рядом с ней, я чувствовала себя ее дальней родственницей, маленькой внучкой, слишком самонадеянной, чтобы слушать. Дарили ли мы друг другу подарки? Да, конечно. Но недостаточно часто.

Полной противоположностью Спенсеру, худощавому человеку

в черном, был Дэвид Кросби, деятельный круглолицый здоровяк из Южной Калифорнии. Он весь светился, как спелый сочный фрукт. Дом Дэвида в Лорел Каньоне, с паркетными полами, самодельными лодочками и фигурками китов, с валяющимися повсюду замечательными акустическими гитарами, был идеальным местом для человека, предпочитающего открытые пространства.

Открытые двери, окна и холодильник. Свободные мысли, манеры и мораль.

Мы с Полом приехали туда через неделю после записи "Pillow". Дэвид сидел на полу, пел свои новые песни и играл на гитаре, почти такой же красивой, как две плавно двигавшиеся златовласые нимфы с блюдами, полными еды, встретившие нас на пороге. Он любил их. Они любили его. Для Дэвида тогда любить двух женщин было в самый раз. Через год я спела песню "Triad" ("Троица"), которую он написал (его группа, "The Byrds", отвергла эту песню, потому что в ней говорилось о сексуальной жизни втроем):

"What can we do now that we both love you",
I love you too - I don't really see
Why can't we go on as three
You are afraid - embarrassed too
No one has ever said such a thing to you.

("Что же нам делать, мы оба любим тебя",
И я вас тоже люблю - так почему
Нам не жить втроем?
Испуганы - и смущены до слез
Не верите, что я это всерьез...)

Я не понимаю, почему "The Byrds" отвергли эту песню. Если всем это нравится, какая разница? Это же просто песня, и разве не задача автора - поднимать вопросы, о которых все думают, но боятся открыто высказаться?

Вот некоторые из вопросов, которые мы подняли в своем творчестве:

Возможность космических полетов: "Blows Against The

Empire" - Пол Кэнтнер

Секс втроем: "Triad" - Дэвид Кросби

Телемания: "Plastic Fantastic Lover" - Марти Бэйлин

Пророки-комедианты: "Father Bruce" - Грейс Слик

Стычки с полицией: "For What It's Worth" - Стивен Стиллз

Наркотики: "Heroin" - "The Velvet Underground"

Становление личности: "Break on Through" - "The Doors"

Гомосексуализм: "Lola" - "The Kinks"

Нищета: "We Gotta Get out of This Place" - Эрик Бердон

20. Закоренелые преступники

Мы полностью погрузились в двадцатичетырехчасовой марафон, который либо убивает тебя, либо делает настоящим рок-музыкантом. Некоторое время нашим менеджером был Билл Грэм, но после того, как он заявил нас в трех разных городах в один день, мы решили, что его силовые методы управления не сочетаются с интересами группы и с ним пора расставаться. Грэм, в принципе, не возражал. Должности менеджера, няньки, доверенного лица, психотерапевта и просто друга занял Билл Томпсон, который был раньше нашим тур-администратором.

Возможно, это спасло нам всем жизнь - ведь *все* члены группы до сих пор живы, что для рок-групп шестидесятых является большой редкостью. Спорный вопрос, могли ли мы заработать больше денег, если бы наняли какого-нибудь профессионала из Лос-Анджелеса или Нью-Йорка. Но Билл Томпсон был и остается нашим другом, за тридцать лет прошедшим вместе с нами через все. Он до сих пор заключает от нашего имени сделки, касающиеся наследства "Airplane" / "Starship".

В то время, в отличие от сегодняшней ситуации, в ходе тура мы не играли больших концертов в "обязательных" залах. Некоторые из наших выступлений проходили в очень странных местах. Кое-где люди вообще не знали, кто мы и *что* мы. Где-нибудь на Среднем Западе мы могли, например, разогревать зал в каком-нибудь деревенском клубе перед выступлением "девушки с бородой". Публика, состоявшая из богатых свинозаводчиков, стояла, открыв рот. Они, видимо, считали, что мы вот-вот взорвемся или вывернемся наизнанку - или поразим их *тайным* магическим искусством. Нужно, правда, учесть, что разница между "странными" и "придурками" тогда была очень велика. В некоторых южных штатах нас и за людей-то не считали.

В Новом Орлеане, который, в сравнении с остальным Югом, казался очень свободным, нас вообще арестовали. В городе царило безудержное пьянство, коррупция (что, впрочем, неоригинально), поэтому сюда стекались музыканты и "чудики" со всей страны. Мы заселились в гостиницу, а потом все, кроме меня, собрались в номере Чика Кэсэди (Чик, брат Джека, отвечал у нас за аппаратуру). Я же хотела сначала принять душ после дороги, а потом присоединиться к веселью.

Но веселья не получилось. Выйдя из душа, я оделась и постучала в дверь их номера. Я думала, ребята как раз расслабляются, ловят кайф, комментируют новости по

телевизору, разговаривают про усилители, собираясь прошвырнуться по местным клубам - как всегда в новом городе. На мой стук никто не ответил. Тут мимо прошел коридорный, сообщивший мне, что всех арестовали и отвезли в тюрьму. Оказывается, несмотря на заткнутую полотенцем щель под дверью - нормальный ход, - запах травы как-то просочился в коридор и донесся до охраны. Всех, кто был в комнате, арестовали за употребление наркотиков и препроводили в участок. Я единственная избежала облавы - меня спасла чистоплотность.

На следующий день, после того, как Билл Томпсон вызволил ребят, пятнадцать тысяч студентов окрестных колледжей в классических выпускных костюмах пришли послушать "закоренелых преступников" из Сан-Франциско, играющих "кислотный рок".

Они знали, что это такое?

Нет.

Они знали, что можно встать и танцевать?

Нет.

Они сидели на своих местах, одетые в строгие смокинги и корсажи, но горячо хлопали после каждой песни. Они не умели по другому; где им было научиться?

Тупые взрослые - другое дело. Богатые меценаты респектабельных картинных галерей получают приглашения на концерты, проводимые "Обществом друзей культуры" (или чем-то подобным), где смотрят на этих *двинутых* радикалов, не покидая ложи для особо важных персон. Например, музей Уитни был заполнен дамами в мехах и бриллиантах. Их спутники терпеливо ожидали появления модной психоделической штучки из Сан-Франциско, да еще и замешанной в скандале с наркотиками: группы "Jefferson Airplane". Я училась в колледже "Финч" и неплохо изучила подобную публику.

Тогда радиомикрофоны только-только появились, и в музее Уитни я впервые опробовала это устройство, значительно облегчившее мне жизнь впоследствии. Кто-то вложил его мне в руку и сообщил, что я могу пользоваться им в любой точке зала. Меня это впечатлило и вдохновило, поэтому еще в лифте, по пути на первый этаж, я решила немного поговорить. Музыка еще не началась, меня они тоже не видели. Я сказала в микрофон: "Привет, вы, придурочные суки! У вас, небось, Рембрандты в столовых и "Роллс-Ройсы" в гаражах? Только вот ваши старые пердуны у вас клитора не найдут, даже если у вас смелости хватит наконец-то им свою дыру показать!"

Я сделала еще несколько подобных замечаний. Кажется, им

не понравилось. Замечу, что остальные члены группы не были склонны разогревать публику таким же образом. Они были *музыкантами*, а я играла роль клоуна.

Вы думаете, я была в это время под кайфом? Угадали. Если наркотики принимать в правильных дозах, они способны разрушить все запреты (*и* основные функции тела заодно). Мне уже шестьдесят, теперь я могу безнаказанно нести такую же чушь, как в музее Уитни. Но стоит ли рекомендовать подрастающему поколению такие же "саморазрушающие" привычки? Конечно! Ведь страна страдает от перенаселения!

Пока можно было без проблем достать ЛСД, приходилось опасаться "дозеров". Кислота безвкусна, бесцветна и эффективна даже в самых маленьких дозах, ее легко подсыпать кому-нибудь так, чтобы он об этом не узнал. Я такими вещами не занималась, но ребята из других групп иногда подсыпали немного кислоты в бутылки "7Up", стоявшие в гримерке. Утолишь жажду, и вдруг замечаешь, что стены зеленеют и оплывают, чувствуешь себя Наполеоном - а тут как раз пора на сцену. Поскольку я не люблю газировку (особенно в легкодоступных для "дозеров" открытых бутылках), меня все это миновало. Но в Фарго (Северная Дакота) мы все-таки попали.

Мы сидели в полутьме за сценой, ожидая начала концерта. Подошел Билл Лаундер, наш тур-менеджер. Он, как обычно, принес пластиковую тарелочку, поделенную на секции, чтобы содержимое не смешивалось. В одной секции были витамины, в другой - порошок от насморка, далее - метедрин в гранулах, кокаин, ЛСД и что-то от головы. Мы все сделали несколько понюшек того, что казалось кокаином, но было темно, мы перепутали секции и в результате приняли столько кислоты, чтобы отъехать на всю ночь.

Минут через пятнадцать после начала концерта я взглянула на Марти и увидела, что его лицо похоже на мозаику. Кислота начала действовать, мы глупо улыбались друг другу и говорили: "Гм, кажется, это был не кокаин..." Играли мы в "Фаргодоме", стадионе в форме чаши - зрители сверху, музыканты внизу, - что только добавляло ситуации странности. Полное ощущение, что лежишь на операционном столе, а вокруг тебя бригада хирургов.

Мне всегда нравилось, как Джек играет на басу, поэтому, как только он начал соло, где я должна была аккомпанировать ему на фортепиано, я прекратила играть и повернулась к колонкам. Мне даже в голову не пришло, что это может разрушить песню! Уверена, каждый рок-музыкант шестидесятых знает истории о глупостях под кайфом на сцене. К счастью, обычно зрители накачивались еще круче, чем мы, и принимали все как должное.

Старые добрые дни...

> Ах, да, детки! Это было до того, как все "стали слабыми, а жизнь - управляемой сверху.
>
> До того, как "все вместе" стало "соподчинением".
>
> До того, как черные стали убивать друг друга, выясняя, чья музыка лучше.
>
> До того, как белые изобрели политкорректность.
>
> До того, как шлепок по заднице стал "сексуальной агрессией".
>
> До того, как ваша жизнь стала зависеть от того, сможете ли вы починить компьютер." - *Журнал "Newsweek", 2 июня 1997 года.*

Конечно, "свободные психоделические шестидесятые" состояли не только из веселья. Подумайте:

Молодежь убивает друг друга в дерьмовой Вьетнамской войне.

В Кентском университете расстреливают студентов.

Полиция использует против мирных демонстраций дымовые шашки и слезоточивый газ.

Бирмингем пытается заткнуть черных собаками и водометами.

А президент, министр юстиции и борец за гражданские права застрелены наемными убийцами.

Шестидесятые были временем, когда люди с электрогитарами наивно, но твердо думали, что могут победить агрессию в людях, написав пару хороших песен и врубив усилитель на полную мощность.

Вот и все про кислоту. Может, она и была под запретом, но на *мое* здоровье никак не повлияла. Моим наркотиком был алкоголь, именно в пьяном виде я выдавала все мои конгениальные ремарки, вроде той, в музее Уитни. Это - *легально*, хотя и заставляет мужей и жен убивать друг друга, заполняет тюрьмы, увеличивает число автокатастроф, травм и больничных листов. Если бы не мое пристрастие к алкоголю, Марти Бэйлин не сказал бы как-то в интервью: "Грейс? Спал ли я с ней? Да я бы к ней близко не подошел!" Интересно, на что это он так реагировал? Что-то я не помню (наверное, пьяная была). Если бы не мое пристрастие к алкоголю, я была бы богаче на два миллиона долларов, которые заплатила адвокатам. Такие дела.

Я не притрагивалась к героину, но не из моральных или иных соображений; просто это не казалось особенно веселым. Первым героинщиком которого я видела, был один замечательный гитарист, зашедший как-то к нам в студию послушать новую

запись. Я приехала записываться и не ожидала его встретить. Он сидел на стуле в холле, уронив голову на бок и пуская слюни. (Я знаю, вам интересно, кто это был, но поверьте, вы узнаете об этом *не* от меня.)

- Что это с ним? - спросила я ребят.

- Героин. Только что вмазался, сейчас оклемается.

- Если он хочет спать, почему в постель не идет?

В ответ только улыбки.

Мне нравились наркотики, помогающие радоваться *активному* существованию. Я просто не понимаю, зачем наживать себе геморрой - доставать деньги, находить торговца, вкалывать дозу, блевать и впадать в кому - а потом страдать от невозможности бросить.

21. Монтерей

Пока я не услышала альбом "The Beatles" "Revolver", их музыка мне не нравилась. Когда "шваброголовые" участвовали в "Шоу Эда Салливана", позвонил один приятель: "Обязательно посмотри! Они великолепны!" А *я* увидела четырех парней в прилизанных костюмах, с прилизанными прическами, поющих прилизанную песенку "I Wanna Hold Your Hand". Лет в двенадцать, я бы, может, еще повелась...

Моей идее рок-группы больше соответствовали "The Rolling Stones" - крутые интеллектуалы, играющие драйвовый рок с нахальными текстами, и каждый из них сам решал, что надевать и как выглядеть. Мне нравилось, как Джаггер *приглашает* зрителей принять участие в развлечении. Женщины в это время исполняли либо фолк, либо блюз - но мне это не подходило. Хулиганский образ Джаггера был понятнее. Я не копировала его стиль пения или манеры, но, слушая его музыку и наблюдая его концерты, понимала, как сделать все по-своему - и наплевать на цензуру. Джаггер и "Stones" были единственным, чего мне не хватало на Монтерейском фестивале.

Остальное было идеально.

Сейчас концерты на открытом воздухе - обычное дело, но до Монтерея я ничего подобного не видела. Фестиваль организовали Лу Адлер и "The Mamas and the Papas", и он оказался единственным на моей памяти, прошедшим без эксцессов.

Стоял июнь 1967 года. Было выбрано красивое местечко на побережье около Кармеля, места было много, зеленая лужайка была окружена кипарисами и соснами. В отличие от большинства летних концертов, где солнце палило немилосердно, здесь солнечные лучи лишь кое-где пробивались сквозь густые ветви, превращая все в подобие диснеевского Шервудского леса. За деревьями, по периметру сидячих мест, располагалось штук тридцать маленьких палаток, украшенных цветными лентами и самодельными плакатами, где продавались всевозможные предметы - от самодельных ботинок и пряжек до картин художников-любителей. Даже ларьки, торговавшие едой и концертной атрибутикой, были затейливо раскрашены. Нигде не было видно логотипов больших компаний.

Большинство выступавших музыкантов я уже знала по записям, от Отиса Реддинга до Рави Шанкара, но никогда не видела их "живьем". Программа представляла все направления "новой" музыки: черная, белая, западная, восточная, рок, блюз,

инструментальная музыка, поп, фолк - три дня фестиваля из сплошных звезд (кое-кого из них можно увидеть в фильме про Монтерей по VH1 или MTV). Кусочек с "Jefferson Airplane", правда, не сильно удался: камера на мне, я проговариваю слова "Today". Но это - песня Марти, и *его* голос на записи. Я, естественно, знала текст, и пропевала его тихонечко, играя свою фортепианную партию, а инженеры, зная о такой моей привычке, микрофон выключали. Но в фильме движения моих губ идеально "ложатся" на вокал Марти, и похоже, что это *я* пою. Двадцать пять лет назад Марти, наверное, не был сильно доволен, что никто не заметил этой ошибки, и мое "пение" осталось в окончательной версии фильма. Уверена, сейчас он находит все это смешным.

"Такого еще никто никогда не видел". Так описал Джон Филлипс[19] выступление на фестивале Джими Хендрикса. Он играл на гитаре зубами, водил по ней микрофоном, как слайдом, подносил ее к колонкам для фидбэка, а под конец облил бензином и сжег. Но все эти театральные эффекты не могут затмить его великолепную игру. А какой внешний вид! Идеальный костюм шестидесятых: испанская шляпа, монгольский жилет, боа из страусовых перьев, вышитая рубашка, килограммы самодельной бижутерии и ковбойские сапоги. Если кто-то из музыкантов и мог представлять эпоху, это был Джими Хендрикс.

На Монтерейском фестивале за какие-то семьдесят два часа вы могли увидеть "The Who", "Buffalo Springfield", "The Dead", "The Mamas and the Papas", "Country Joe and the Fish", "Big Brother" с Джанис Джоплин, Джими Хендрикса, Лору Ниро, Рави Шанкара, "Quicksilver Messenger Service", Саймона и Гарфанкела, Пола Баттерфилда, Отиса Реддинга, "Jefferson Airplane" и группу, написавшую песню о самом фестивале ("Monterey"), "The Animals".

Все старались создать спокойную и необычную атмосферу (даже у полицейских машин были орхидеи на антеннах). Я счастлива, что присутствовала на одном из самых великих праздников в истории человечества.

22. Вудсток

15 августа 1969 года, через два года после Монтерея, произошло центральное событие как истории, так и в моей жизни - Вудсток. Он нем писали, его анализировали, воспевали - даже сделали попытку воссоздать через двадцать пять лет. Все были покорены им.

"Солнце восходит с нового востока - мы нация Вудстока". Все говорили об этом, так или иначе - со сцены, из толпы зрителей, из собственного сердца.

"Мы - нация Вудстока," - Эбби Хоффман.

"Выскочки, вот и все!" - Грейс Слик.

Выскочками и были. Концерт должен был проходить в небольшом местечке в штате Нью-Йорк, между городами Либерти и Вудсток. Когда мы приехали туда, первым ощущением было - "вот он, дом!" Но потом стало заметно, что подготовка еще далеко не завершена, сцена не готова, места для размещения полумиллиона людей, приехавших на четыре дня, и питания для них не хватает...

Все были охвачены манией строительства. Тридцать шатров, пятнадцатиметровые осветительные вышки - и переполненные гостиницы, размокшие дороги. То, что должно было стать сценой, валялось на траве в ожидании сборки. Леса, листы фанеры, огромные сваи - все это в течение нескольких часов превратилось в помост, способный выдержать одновременно десять групп - девять ждут, одна играет. Концерт должен был быть непрерывным от начала до конца. Никаких антрактов. Никаких перерывов на сон, туалет и что угодно еще.

Ребята в касках кричали что-то неразборчивое в свои "уоки-токи". Чип Монк, молодой парень, отвечавший за свет, говорил одновременно с пятью людьми. "Пожалуйста, не влезайте на металлические вышки," - предупреждал он со сцены. - "Если они упадут, пять сотен человек будут раздавлены пятнадцатью метрами металла". Огромные рулоны прозрачной пленки прикрывали аппаратуру от проливного дождя, внезапно смешавшего все планы - на протяжении всех четырех дней небо постоянно затягивалось тучами.

Неужели этот огромная мечта воплотится в жизнь?

Я пребывала в счастливом неведении относительно финансовых махинаций на Монтерейском фестивале, но, по-моему, "Airplane", "Big Brother" и еще паре групп пришлось нанять юристов, чтобы выяснить, куда делись деньги. Адвокаты организаторов утверждали, что вырученные средства пошли на "благотворительные цели". А как насчет прав на телетрансляцию? Никто из музыкантов денег не получил, ни о какой благотворительности тоже ничего не сообщалось (если она вообще была).

Мы не хотели, чтобы это повторилось, поэтому наш менеджер, наученный горьким опытом, решил, что теперь все будет по-другому. Когда начались переговоры о нашем участии в Вудстоке, Билл Томпсон сразу заявил, что его группа получает деньги *авансом*. Организаторы отнекивались, говоря что-то о "мире и любви". Билл пояснил, что его братская любовь будет значительно сильнее *после* того, как он получит чек. Нам повезло, что мы настояли на этом - мы слышали, что кого-то после концерта "кинули" на шесть тысяч долларов.

Итак, Вудсток затевался не ради денег, многие вообще ничего не получили за выступление. Так зачем же он был организован?

Человеку непосвященному он мог показаться нервозным хаосом или веселым беспорядком, в зависимости от выносливости и количества принятых наркотиков. Последних было множество - Оусли[20], великий химик-кислотник, раздавал свою продукцию бесплатно, а запах марихуаны можно было учуять за много километров от места фестиваля. В перерывах между выступлениями из динамиков доносился голос Вэйви Грэйви, устроившего в своей палатке приемный пункт для почувствовавших себя плохо после приема наркотиков. Он советовал: "Не ешьте коричневые таблетки", или "Если вы запутались, приходите к нам в палатку, и мы поможем вам найти смешное в этом хаосе".

Можно было закутаться до ушей или раздеться совсем - ходи, как хочется. А можешь попробовать и так, и так. Нарядись фокусником, вываляйся в грязи, вымойся под дождем, а потом сними одежду и танцуй!

Раздумывая, какой цвет предпочесть, я выбрала белый. Белые брюки и белое кожаное платье с бахромой, которая развевалась при движении. Отличный наряд для первого "собрания племен", нашего первого заявления, что мы - не просто кучка одиноких неудачников.

Раньше, приезжая в гостиницу в любом городе обоих континентов, мы были горсткой "чудиков" - гордых, но

отщепенцев. Но в "Holiday Inn" в городе Либерти штата Нью-Йорк, недалеко от фермы Ясгура, где проходил Вудсток, рок-н-ролльный мир заполонил все. Везде были длинноволосые, смеющиеся и вопящие "чудики" - уже не в меньшинстве. Мы были знаком перемен, происшедших за эти годы в сознании людей.

Весь день перед нашим выступлением я провела в своем номере, размышляя. Остальные играли в бильярд и развлекались, но я, как обычно, замкнулась в себе, мысленно составляя список вопросов. Где мы собираемся выступать? Как долго будем играть? Что бы еще такое прицепить к платью? Если я сяду, не сломаются ли ракушки, не помнутся ли перья? Как себя подать, чтобы вписаться в действо? Попробовать это? Или это? Или оставить все, как есть? Я знала только одно: хочу выглядеть достойной дочерью Западного побережья, сильной и гибкой, поэтому нельзя "набираться" перед выступлением, чтобы не расклеиться.

Добраться до сцены на машине уже не представлялось возможным, дождь размыл все дороги, поэтому нас забрал вертолет. Мы снизились над морем грязных, но счастливых лиц. Было почти девять вечера, время, когда мы должны были выступать. Я чувствовала волшебство этой сине-черной ночи. Но из-за дождя и проблем с транспортом мы вышли на сцену только на рассвете.

Девять часов мы просидели в темноте, разрываемой только лучами прожекторов - музыканты еще не открытой земли. Без душа и туалета - мое тело, обычно очень требовательное, молчало, и я ни в чем не чувствовала необходимости. Без стульев - мы сидели все вместе под навесом прямо на огромной сцене, а еда, казалось, появлялась из ниоткуда. Мы обменивались друг с другом фруктами, сыром, вином, марихуаной, кокаином, "кислотой", водой и разговорами.

Заклинали ли мы, музыканты, духов? Богов? Были ли мы язычниками? Какая разница... Я чувствовала себя принцессой - но без трона и короны. Я видела "королей" повсюду. Зрители были те же "мы". И музыканты тоже были "мы".

Мы прожили это день друг для друга: кто-то, наверное, спал за мое утомленное тело, кто-то танцевал, а я смотрела, я говорила, а кто-то слушал... Я все время переводила взгляд со сцены на публику, а иногда мой взгляд уходил куда-то еще или воспринимал все разом - это невозможно описать. Вудсток дал нам возможность просто прийти и посмотреть на то, что, как мы знали, уже родилось. Это нечто появилось из энергии невидимого коллективного разума. Здесь были тени Хаксли, Лири, сюрреалистов, Гертруды Стайн, Кафки - бесконечный список тех, кто, открыл нам новый взгляд на мир. Теперь был *наш* черед. Мы

были готовы дышать, готовы праздновать перемены...

Вудсток был особенным концертом для группы "Кросби, Стиллз и Нэш" - они играли до этого всего дважды. Это было их первым большим выступлением как группы, и оно удалось. Они были *настолько* хороши, что я даже немного ревновала. Они отработали трехголосье до совершенства и продемонстрировали очень высокую степень профессионализма, которого, я надеялась, достигнет и "Airplane".

А еще был Джими Хендрикс, и его обработка "The Star-Spangled Banner"[21]. Он превратил его в один бесконечный плач гитары, без слов. Он сыграл национальный гимн так, как никто до него, подчеркнув все нюансы, но не высказав гнева, раздражения или сочувствия. Его трактовка не была традиционной "это моя страна, хорошая или плохая, но моя"; воющими, визжащими нотами он рассказал нам правду о нашей прекрасной, но обманутой нации. Это невозможно забыть.

Странные и в то же время обычные сюжеты тех дней запечатлелись в моей памяти: Джеки Кауконен, невестка Йормы, играет в покер с Джанис Джоплин и Китом Муном[22]; "The Band", одетые в черное и похожие на "крестных отцов" мафии, строем расходятся по комнатам; "The Grateful Dead", Джоан Баэз и Рави Шанкар терпеливо ждут, когда портье выдаст им ключи; Дэйл Франклин, помощник Билла Грэма в "Fillmore East", стоит в холле с блокнотом, заведуя размещением...

Я верила, что весь мир будет выглядеть так лет через шестнадцать - разные цвета кожи сплетаются в единый узор "расы мира", все говорят на одном языке, между людьми нет вражды, а над всем этим единая власть: рок-н-ролл. Афро-американская, индейская, шотландская, индийская, ирландская, испанская, классическая музыка, слитые воедино и обработанные с помощью немецко-японской технологии, чтобы создать искусство, доступное всем, бесконечные гимны, воспевающие различия и сходство в единой семье...

В 6 утра я, наконец, подошла к микрофону. "Привет, друзья! Вы послушали "тяжелые" группы... А теперь вам предстоит маниакальная утренняя музыка! Это новый рассвет! Доброе утро, люди!"

Мы начали с "Volunteers". На какое-то мгновение дождь прекратился, и мы увидели рассвет нового дня - и нового, удивительного этапа истории. Я смотрела на полумиллионную толпу детей, покрытых грязью - кто-то радостно кричал, кто-то спал, кто-то занимался любовью, не стесняясь людей вокруг... Поверх одежды - полиэтиленовая пленка, на головах бумажные пакеты - чтобы не мокнуть... Кто-то танцует, потрясая грязными

длинными волосами... Но кто бы что ни делал, мы были едины.

Я плохо помню, как пела; уверена, это было не лучшее мое выступление. Я не спала всю ночь, глаза слипались, но все это было не так важно, потому что различия между хорошим и плохим на эти четыре дня исчезли. Зрители были признательны нам за наше выступление, взрывались аплодисментами после каждой песни, тепло принимая каждую группу. Никакого соревнования - мы просто были там, счастливые, что являемся частью этого: красоты, грусти, изнеможения, опьянения, грязи на лицах и величия рассвета...

Воплотился ли в жизнь этот огромный сон? Не только воплотился, но и стал символом эпохи. С точки зрения техники, все выступления были, конечно, далеки от совершенства, но огромное воодушевление с лихвой перекрывало все огрехи исполнения.

Сегодня привыкли к большим концертам на открытом воздухе; они стали частью нашей культуры. Но в 1969 году все было не так. Вудсток был одним из первых, четко обозначив пропасть между пятидесятыми и шестидесятыми. Сейчас при слове "Вудсток" в памяти сразу всплывают образы того времени, где социальные теории проверялись на практике, где остались те четыре дня праздника, где все мы, такие разные, были едины.

23. Альтамонт

Монтерей, потом Вудсток... А сейчас, леди и джентльмены, "жемчужина" фестивалей - Альтамонт!

Пышные празднества, особенно поднимающие боевой дух, часто становятся ритуалом: они повторяются снова и снова. Это стало одной из главных проблем Альтамонта - организаторы пытались повторить Вудсток. Слишком многие аспекты Вудстокской "церемонии" были случайными - поэтому повторить их невозможно.

Когда мы выступали на фестивале в Альтамонте, я забыла надеть контактные линзы - может быть, подсознательно, не хотела всего этого видеть. Идея была такой: огромный концерт "Grateful Dead"/"Airplane"/"Rolling Stones" провести в парке, в стиле Сан-Франциско. Но на практике постоянно происходили изменения к худшему. Все вело к катастрофе. С самого начала - и до гибели одного из зрителей - мероприятие было обречено.

Мы с Полом Кэнтнером приехали к Мику Джаггеру в Лондон, чтобы обсудить предстоящий концерт. Я никогда раньше не встречалась с Миком, но много о нем слышала, репутация опережала его. Я знала, что он и его группа были по-настоящему неуправляемыми, гораздо хуже, чем, скажем, мы. Поэтому, когда мы с Полом ехали в такси из аэропорта, я заметно нервничала.

- В чем дело, Грейс? - спрашивал Пол.

- Мало ли, все-таки Мик... А вдруг там все героином колются или долбятся головами об стенку, или еще что-нибудь в этом роде, а мне надо будет сидеть спокойно и изображать крутую?

Я боялась, что нас отведут в комнату, полную пижонского вида наркоманов, занимающихся извращенным сексом с элегантно одетыми стройными "группиз", накачанными наркотиками, о которых я и слыхом не слыхивала. Пол думал о чем-то своем и не особенно интересовался моим состоянием, поэтому, когда мы позвонили в дверь, я была уже практически в обмороке. Но дома старина Мик представлял собой совершенно другое зрелище: он открыл дверь в дорогом деловом костюме. Я вошла в дом и вздохнула свободнее. Внутри было безукоризненно чисто: дубовый паркет, замечательные восточные ковры, мебель в стиле Людовика XIV и живопись с аукциона "Сотби" на стенах. Мик выглядел ребенком, надевшим вещи отца-богача. Он не предлагал нам наркотиков, только чай. И "группиз" тоже не было. И извращенного секса. И дуракаваляния. Только бизнес.

Мы потягивали чай и обсуждали идею концерта около часа,

встреча была сухой и профессиональной, что меня поразило. Казалось, Мик закончил деловой колледж. Кстати, он сразу сказал, что *все*, о чем мы будем говорить - бизнес. Он был одним из немногих рок-звезд - еще Фрэнк Заппа и Джин Симмонс из "Kiss", - которых ни разу не обманули с деньгами, потому что они всегда пристально следили, чтобы в контракте указывались обязанности менеджеров и фирм звукозаписи.

Типичный разумный бизнесмен.

Те музыканты, которые вовремя *не* позаботились об этом и *не* научились играть в игры "людей в костюмах", теперь нанимают юристов-профессионалов, чтобы попытаться вернуть свои деньги и авторские права, а жулики уже забрали деньги и смотались. Честно говоря, если бы не Скип Джонсон - светорежиссер "Starship", мой муж в течение восемнадцати лет и хороший друг по жизни, - я бы пополнила эту компанию неудачников, удивленных, куда это деньги делись. Скип очень внимательно следил за тем, что делают менеджеры, юристы, бухгалтеры и фирмы звукозаписи, и он говорил мне о том, что я упустила, пока "развлекалась". У него была замечательная способность: он мог пить всю ночь, а на следующее утро уже быть на деловой встрече в офисе. Именно поэтому, как и Мик, он до сих пор не имеет недостатка в деньгах.

После того, как Мик рассказал нам о своих мыслях по поводу организации концерта, мы с Полом заверили его, что "наши" люди будут тесно сотрудничать с "его" людьми, и распрощались. Было ощущение, что мы встречались с молодым директором художественного салона, а не с наследным принцем британского гедонизма. Мы думали: "Да, Мик действительно крут, так что все будет отлично".

Ошибались.

Нам хотелось устроить концерт в парке Золотых ворот, но за два дня мэрия Сан-Франциско запретила проводить его там. Следующим вариантом стал гоночный трек Сирз-пойнт, но владельцы запросили сто тысяч долларов залога. Естественно, Джаггер отказался. Наконец мы нашли Альтамонт. Это был ничем не примечательный уродливый, плоский и грязный участок земли - отнюдь не пасторальное местечко. Ехать до него было минут сорок. Несмотря на это, мы с трудом получили разрешение. Позже Пол говорил, что мы выбрали Альтамонт от безысходности.

День концерта выдался пыльным и серым. Было странно играть посреди этого Богом забытого места. Солнце так и не появилось. Согласна, на Вудстоке почти все время шел дождь, но унылость Альтамонта была хуже. Я была во всем синем - очень

консервативно, ничего шокирующего, никакого выпендрежа. Мне не хотелось выделяться. Ожидание нового великого события было испорчено постоянными накладками.

Мы прилетели из Флориды, где играли предыдущий концерт, не спали всю ночь, поэтому старались беречь силы для выступления, а не растрачивать их на приведение в порядок своего внешнего вида. За сценой стояла пара вагончиков, служивших гримерками. В них было тесно от участников концерта, техников, менеджеров и "Ангелов Ада", игравших роль охраны. Толпы людей носились туда-сюда, пытаясь создать какое-то подобие порядка; все это больше напоминало шоссе в час пик, чем рок-концерт.

Позже я сказала в интервью: "На Вудстоке, конечно, был беспорядок. Но Альтамонт был просто хаосом!" "Ангелы Ада" перепились еще до начала концерта. "Jefferson Airplane" должны были выступать вторыми, сразу за "Flying Burrito Brothers". Где-то в середине первой песни я увидела, что там, где обычно стоял Марти, происходит что-то странное, но рассмотреть без контактных линз не могла. Я подошла к ударной установке, чтобы спросить у Спенсера, что происходит. Но он только мрачно глянул на меня и молча продолжал играть. Тогда я пошла к Марти, но его там не было. Оказывается, он заметил, как "Ангелы Ада" избивают кого-то из зрителей, и кинулся помочь ему. Только не стоило, наверное, кричать одному из байкеров: "Fuck you!"

- Никто не может безнаказанно говорить "Fuck you!" "Ангелу Ада"! - заорал в ответ пьяный в дым байкер.

- Все равно - fuck you!- повторил Марти.

Наши техники собрались вокруг Марти, и "Ангел" отступил (а потом и извинился). Но проблемы на этом не кончились. Мик Джаггер в черном плаще как раз начал петь "Sympathy for the Devil", когда возникла еще одна драка. "Rolling Stones" еще играли, когда мы сели в вертолет, чтобы лететь в Сан-Франциско. Моим последним воспоминанием об Альтамонте была фраза Пола, выглянувшего из окна, чтобы еще раз взглянуть на толпу зрителей: "Кажется, там кого-то забили до смерти..." К сожалению, это оказалось правдой - парень умер в больнице от многочисленных ранений.

Ральф Глизон, журналист "San Francisco Chronicle", писал: "На двадцать четыре часа мы собрали все проблемы общества в одном месте: перенаселение, насилие и бесчеловечность. А причина этому - деньги, власть и самомнение".

24. Леди (и джентльмены) Каньона

В 1967 году, когда был застрелен Че Гевара и все с упоением слушали "Sergeant Pepper's Lonely Hearts Club Band", наш альбом "Surrealistic Pillow" добрался до третьего места в хит-параде "Billboard". Нас начали приглашать в разнообразные телешоу, но хилые динамики телевизоров еще не могли воспроизвести наш мощный звук. Соответственно, музыка казалась хаотичной и скрежещущей. Нам же хотелось, чтобы люди слышали *настоящий* звук, полный спектр частот рока, а не бульканье и трещание слабеньких динамиков.

Но раскрутка на телевидении и радио помогает продавать записи - "поэтому мы пойдем туда и хорошенько себя отрекламируем!".

Я нигде не видела столько косметики, как в гримерке "The Smothers Brothers Comedy Hour" - любой тон, от черного до белого. Я и так была бледновата, поэтому добавлять *еще* белого не стала. Зато черный... Вот он, правильный цвет для "White Rabbit". Хотя, кажется, мне не хотелось выглядеть смешной, наоборот, как можно реальнее. Проблема была в том, что я довольно угловатая и некрасивая, поэтому никто даже не заметил, что у меня какой-то особенный грим, никто не писал гневных писем типа: "Что у вас там такое происходит?" Наверное, они решили, что это у меня загар такой или что у них что-то с телевизором. Иногда этих тыквоголовых трудно удивить...

Пока мы жили в Лос-Анджелесе, участвуя в телепрограммах, играя концерты и записываясь, мы почти все свободное время проводили в Лорел Каньоне. Пасторальные пейзажи Каньона привлекали многих музыкантов, уставших от плоского Голливуда. Там жили Грэм Нэш, Джони Митчелл, Фрэнк Заппа, Стивен Стиллз - и сотни других. Ребята из многих групп вечером садились в свои спортивные машины и, обычно заправившись кокаином, неслись по Малхолланд-драйв на какую-нибудь вечеринку.

Дом Фрэнка Заппы, куда я иногда заезжала, был похож на королевство троллей. Там гуляли растрепанные женщины в античных нарядах, а голые дети бегали туда-сюда, мешая Фрэнку, сидевшему возле нагромождений электроники, рассказывать о своих последних мыслях в области сатирической рок-музыки "для хиппи с оркестром". Фрэнк не принимал наркотиков и всегда высмеивал ту самую контркультуру, которую сам же помогал создавать. Художники в Сан-Франциско рисовали плакаты с

цветами, девушками и индийскими мудрецами в нирване, а ему нравилось другое. На первом им нарисованном постере был изображен он сам на унитазе со спущенными штанами. Вот это *по-моему*, это смачно.

Жалко, я до этого не додумалась.

В те дни я, конечно, красилась, брила ноги и подмышки, носила платья и юбки... Но слова, которые я произносила своим низким голосом, резко контрастировали с видом "девушки из общества". Как сказала моя мама, я выражалась "как извозчик!"

Мои родители, успешно пережившие Великую депрессию, сформулировали для себя вполне конкретный образ "приемлемого" поведения. Отец мой достиг финансовых высот тяжелым трудом; мама посвятила жизнь семье; образ жизни еврейских или итальянских семей был для них неприемлем. Они жили по принципу "не слетать с катушек - никогда!" Поэтому, когда я начала становиться рок-звездой и вести себя "неприлично", мы сильно ссорились. Отец прямо говорил, что мое поведение "неслыханно"; мама же как-то поведала, что ей нравятся некоторые "мягкие" песни, потому что *ей* самой нравилось так петь. Естественно, ни одна из "мягких" песен моей не была, поэтому реакция родителей на мой так называемый успех была, прямо скажем, неоднозначной: им нравилось, что я зарабатываю большие деньги, но они ненавидели мой образ жизни, считая, что "леди так себя не ведут".

А вот Джони Митчелл *была* такой, как нравилось моим родителям - скромной и стыдливой, хотя и обладала огромным талантом и самоуверенностью. Как-то Дэвид Кросби взял меня с собой в студию, где она записывалась. В паузе между дублями Джони села на стул и спела тихую песню для всех, кто хотел послушать. Когда она закончила, Дэвид нас представил. Джони казалась настолько хрупкой, что, казалось, сейчас рассыплется по полу розовыми лепестками. Первое впечатление было ошибочным - она очень сильная женщина. Но сначала она показалась мне самым нежным и чувствительным существом на всей земле, и рядом с ней я просто не могла играть в свою традиционную ироническую роль "извозчика", не могла разрушить это очарование. Периодически я видела ее в каком-нибудь ресторане, но, будучи дилетанткой, не могла заставить себя заговорить с женщиной, которая записывалась с самим Чарли Мингусом.

Джони некоторое время жила в Каньоне с Грэмом Нэшем. Собственно, известная песня Грэма "Our House" как раз посвящена их отношениям. Но, как мы знаем, что-то изменилось, и "два кота во дворе" стали одним котом в городе и одним - в Вайоминге. Спенсер Драйден сказал в каком-то интервью, что у меня была

интрижка с Грэмом, когда я была в Лос-Анджелесе. Блин, если бы... Я не знаю, почему Спенсер так сказал; может быть, он просто угадал мои желания. Но Грэм предпочитал девушек поблондинистее и потише.

Минус мне.

Как-то вечером я приехала на одну вечеринку в Лорел Каньоне (не помню, в чьем доме она проходила, внутри я так и не побывала). Еще не выйдя из машины, я увидела Стивена Стиллза, стоявшего перед домом в одиночестве. Я помахала ему, он подошел и забрался ко мне в машину потрепаться. Три часа этот смешной, но очень талантливый человек рассказывал мне печальную историю своего разрыва с Джуди Коллинз. Он говорил, что Голубоглазая Джуди[23] была любовью всей его жизни. Поскольку мужчины в моем присутствии редко рассказывали о том, что они *чувствуют*, я почти гордилась тем, что он доверил свои тайны именно мне. Я говорю "почти", потому что через некоторое время я начала чувствовать себя костлявой заместительницей "классной пухлой девчонки", пишущей слезливые дамские романы. По опыту я знаю, что мужчине обычно проще рассказать *любой* женщине о том, как ему больно, нежели показать свою грусть перед другим мужчиной. Они просто боятся показаться слабаками.

Наверное, на PBS (один из каналов телевидения) были правы, назвав шестидесятые "тревожным временем". У всех нас были поводы нервничать. Хотя вокруг прибавилось понимания, родители все еще не могли понять иронии, когда стадвадцатикилограммовая Кейт Смит громко и плаксиво спела "Храни, Господь, Америку". Это было идеальным концом *их* времени, говорившим: "Ну, вот и все. Толстая леди *спела*".

Нации нужно худеть. Нации нужно вернуться к корням.

Юмор стал проявляться в разных областях искусства, доходя до абсурда, когда на художественных выставках появлялись полотна, на которые кто-то попросту пролил суп (не будем показывать пальцами, но это был Энди Уорхол). В Лорел Каньоне были собственные художники, группа девушек, известных под названием "Отливщицы", работавших с гипсом в оригинальной манере. Они держали в руках больше рокерских членов, чем даже известная "группи" Памела де Барре (или я, или любая другая женщина в мире). Называя слепки пенисов рок-звезд произведениями искусства, девицы соблазнили на эту процедуру не одного добровольца. Неудивительно, конечно - какая эгоистичная звезда *не захочет* увековечить свой член в гипсе?

Хотя я не присутствовала при создании таких "скульптур", я представляю эту процедуру примерно так:

Девушки (ничего о них не знаю) приводят член в надлежащее состояние. Методы различны, каждому предлагается выбор: "Вы сами или вас обслужить?" Потом восставший орган обмазывают глиной, а когда затвердеет (глина, а не член), аккуратно раскалывают пополам (опять же, глину, а не член). Пока рок-звезда расслабляется после тяжелого испытания, девицы склеивают половинки, заливают в полученную форму гипс и ждут. Потом остается только расколоть глину снова - и вот он, бессмертный образец пластического искусства, со всеми венами и прочими делами.

Я ни разу ни одного такого не видела - а вы? Ни тебе копий, ни ограниченного тиража - и уж, конечно, никаких оригиналов. История об этих "художницах" легендарна, все ее слышали и повторяли, но:

ГДЕ ЖЕ ЧЛЕНЫ?

Если вы знаете что-нибудь об их местонахождении, пожалуйста, присылайте их или любую информацию моему редактору, Рику Хоргану, "Warner Books", Нью-Йорк.

Интересно, стали ли гипсовые члены рок-звезд настоящими артефактами "тревожного времени"? Или их постигла участь многих других вещей, типа колясок для домашних животных или стереоочков: пять минут славы - и забвение.

Эй, а *вы* случайно не знаете, куда они подевались?

25. Бег по кругу

Мы приехали в Лос-Анджелес, воодушевленные успехом "Surrealistic Pillow". Пресса в один голос твердила, что "Jefferson Airplane" являются "авангардом новой музыки". Поскольку запись нашего следующего альбома, "After Bathing At Baxter's", обещала быть долгой, мы сняли особняк, в котором останавливались "The Beatles", будучи в Голливуде - большой дом с бассейном и боулингом в подвале, каких много в Южной Калифорнии. Мы поселились там на все шесть месяцев, что длилась запись. В отличие от прошлого раза, теперь мы не чувствовали недостатка в деньгах, машинах, вечеринках с местными группами и фанах в студии и в спальнях.

Рейтинг продаж нашего альбома ясно показывал: очень многие люди понимают, что мы говорим и о чем думаем. А это равнозначно успеху. Художественному успеху? При чем тут вообще *искусство*? Все разговоры свелись к материальному - деньги, хит-парады, позиции...

В 1968 году наше студийное время оплачивала фирма "RCA" (хорошая политика, правда?), поэтому мы могли расслабиться и почудить. Каждый участник группы придумывал свой кусочек общей картины - мы поставили себе задачу *не* повториться. Естественно, мы ударились в эксцентричность. Кстати, в названии "After Bathing At Baxter's" мы ничего конкретно в виду не имели. Оно пришло неожиданно, а произнес его Гэри Блэкман, поэт и друг Марти. Гэри часто тусовался с нами и как-то он предложил: "А почему бы вам не назвать альбом "After Bathing At Baxter's"?"

Отлично!

Поскольку теперь мы могли позволить себе любые излишества, мы не обращали особого внимания на деловые вопросы, и редко советовались со специалистами. Все - кроме Пола. Именно он разговаривал с менеджерами, продюсерами, пресс-агентами и представителями компании. Пол всегда приходил в студию раньше всех, весьма импозантный в развевающемся длинном плаще, и его приход всегда менял расслабленную атмосферу на деловую. Персонал студии тут же начинал суетиться, имитируя бурную деятельность - как же, начальство пожаловало...

Пол являл собой таинственный парадокс - помесь прямолинейного военного и задумчивого хиппи с косячком. Мне он казался очень сильной личностью. Он обсуждал каждый шаг продюсеров и компании, и, даже если не всегда был прав, по

крайней мере, *кто-то* за всем присматривал. Поймите меня правильно, он мог быть жуткой занозой в заднице, но, если он был на нашей стороне, противники оказывались в крайне невыгодном положении. Наш роман тогда еще не начался, но мы все равно держались вместе - ребята заметили это раньше нас.

Правда, времени на то, чтобы присмотреться друг к другу, у нас было не слишком много. Как только был закончен "After Bathing At Baxter's", "Airplane" отправился в турне по Европе, на волне популярности "Surrealistic Pillow" предложения сыпались, словно из рога изобилия - но из-за американских концертов и долгой работы над "Baxter's" поездку пришлось отложить. Освободившись, мы тут же побежали прибарахлиться (что нас задержало еще на неделю) и вместе с "The Doors" полетели "делать" континент.

Где-то в Скандинавии "Airplane" пригласили покататься на яхте по озеру - замечательное занятие, учитывая, что мы приняли по триста микрограммов кислоты.. Пристав к небольшому островку, все отправились гулять и плавать. Я же осталась в лодке с Полом, который сидел в одиночестве на корме и смотрел вдаль. Но это была не расслабленная умиротворенность. Надо сказать, что *я* в этих случаях нервничаю из-за того, что предметы расплываются перед глазами. У *него* же, мне кажется, была та разновидность кайфа, когда вещи преисполняются особого значения. Чтобы почувствовать себя увереннее, я подошла к нему и обняла за талию - но нахлынувшее сексуальное возбуждение стало для меня неожиданностью. Кислота прояснила такие грани нашей дружбы, о которых я раньше и не задумывалась. Потом мы обменялись мнениями о действии кислоты, красоте воды и так далее, нереальность происходящего исчезла и мы разошлись в разные стороны.

***

Другая страна. Другой день.

"Мы хотим пойти в квартал "красных фонарей", пойдешь с нами?" Во Франкфурте есть специальный район для проституток - правда, он больше похож на декорации к фильму "Американец в Париже", нежели на место, где можно снять пару девочек. Это мощеная булыжником площадь, окруженная двух- или трехэтажными домами. Мужчины и женщины сидят на подоконниках или прогуливаются, демонстрируя себя и поджидая клиентов. Когда мы вышли на площадь, на меня с воплем бросилась с ножом какая-то девица. Пол, наверное, вообразив себя Эрролом Флинном[24], скинул синий кожаный плащ и завертел его перед ее лицом, как тореадор. Вероятно, она решила, что я вторглась на ее территорию. Мы решили, что мое

присутствие только все испортит, и ретировались, чтобы поискать более спокойное место.

Пол стал лидером группы не только в административном, но и в личном плане. Для меня же он выглядел просто мифическим героем, хотя отношения наши все еще оставались платоническими.

26. Клубничный трах

Самые живые воспоминания от нашего тура по Европе (где мы играли вместе с "The Doors", один вечер они начинали концерт, другой вечер - мы) связаны у меня с Полом, но в памяти остался и Джим Моррисон.

В Лондоне концерты проходили в старом здании под названием "Roundhouse", бывшем депо. Вентиляционные решетки располагались на полу, а посреди зала был огромный поворотный круг для локомотивов. Все это напоминало огромный цельнометаллический проигрыватель, и, несмотря на ужасный звук, атмосфера была очень приятной.

Выступления "The Doors" я до сих пор помню очень живо. Все в черном, никаких других цветов. Единственный луч прожектора на лице Джима. Он держит микрофон двумя руками, глаза закрыты - и молчит. Он ждет какого-то одному ему известного момента. Он слышит музыку, которую все прочие могут только *чувствовать*. Потом он вдруг делает шаг назад, вскидывает руки и издает протяжный крик. Зал взрывается. Они видят его впервые, но он может передать им свое настроение, не открывая глаз и не говоря ни слова.

Меня всегда удивляло, как он может резко переходить из одного состояния в другое, минуя полутона. Это было в его стихах: "Break on through to the other side!" Красиво? Он выглядел, как бешеный Джонни Депп, идеально сложенный и очень умный. За кулисами я без труда разговаривала с участниками обеих групп, но, обращаясь к Джиму, я получала в ответ только красноречивое молчание.

"Джим", - спрашивала я, - "ты видел сломанный стул возле колонки?"

С вежливой улыбкой и смущенным видом второгодника он отвечал что-нибудь, вроде: "Леди в табачной лавке, никто его не ломал, сломанный стул, сломанный стул..."

Он как будто находился в двух местах одновременно. Хотя я и знала, что происходившее в его голове имело определенное отношение к моим словам, я не могла уловить связи. Уверена, люди, знавшие его лучше, не раз слышали от него нормальные реплики, типа "А во сколько самолет садится?" Но я не услышала от него ничего связного, пока не застала его в одиночестве, вдали от сумасшедшей энергии концертных залов.

Мы играли вместе во Франкфурте, Копенгагене, Лондоне и Амстердаме, и я не помню точно, в какой стране это случилось.

Но я *помню* отдельные разрозненные детали, например, цвет ковровых дорожек в коридоре гостиницы (розовый и бордовый). Помню и то, как волновалась, когда стояла перед дверью в номер Джима.

Сейчас утро, он, наверное, еще спит. Если спит, то не ответит на мой стук, я вернусь в номер и перестану нервничать. Ой, а вдруг это *не тот* номер? Ладно, черт с ним.

Я постучала "секретным" стуком. Джим, правда, его все равно не знал, это был опознавательный стук "Airplane", так начиналась одна из наших песен; мы стучали так, чтобы дать понять, что за дверью "свои". Джим даже не стал спрашивать: "Кто там?". Он просто повернул ручку, широко распахнул дверь, так, что мне было видно всю комнату, и, улыбнувшись, спросил: "Что случилось?"

Не помню, что я ответила. Поскольку я и не думала, что кому-то понадобятся *такие* вещи через тридцать лет, я никогда не вела дневников. Вообще, если бы я знала, какое влияние окажет Моррисон на будущие поколения, я бы взяла с собой диктофон. И еще мне хотелось бы рассказать, что это *он* пришел в *мой* номер, чтобы соблазнить *меня*. К сожалению, это было не так. Это *я* была насильницей.

Войдя, я заметила на кофейном столике тарелку с клубникой - то ли ее прислало руководство отеля, то ли Джим сам заказал. Я подошла посмотреть, чтобы хоть что-то делать, пока я не придумаю, о чем говорить дальше. Взяла тарелку в руки и присела на край кровати, а потом, по какой-то непонятной причине, надела одну из ягод себе на палец. Внутри она была очень холодная и твердая. Замороженная клубника. Замечательно. *Спасибо тебе, Господи, за тему для дальнейшего разговора с г-ном Молчуном.*

- Можно, я положу их на обогреватель? - спросила я. Европа, блин, 1968 год. Никакого центрального отопления.

- Пожалуйста... Только он не работает. - Это была одна из самых связных реплик, которые я слышала от Джима. Я поставила тарелку на обогреватель, а он заполз на середину кровати, уселся поудобнее, схватил одну ягоду и начал мять ее в руках, пока сок не потек по пальцам. Он засмеялся, схватил еще одну и повторил тот же номер с ней. Словами это трудно объяснить, но смех создает совершенно особую атмосферу. "Эта игра мне нравится," - подумала я и расслабилась.

Мы не использовали клубнику как возбуждающее средство, вроде Ким Бэсинджер и Микки Рурка в "Девяти с половиной неделях". Больше это напоминало детсадовскую игру - возню глупых грязнуль в луже. Размять, размазать вокруг (не по соседу)

- каждый пытался создать больший беспорядок, чем другой. Он победил, размазав клубнику по простыням. Но вдруг что-то заставило его вскочить. Он подошел к шкафу, открыл его, снова закрыл, а потом подошел ко мне, все еще игравшей в клубничную грязнулю, стоя на коленях на кровати. Я не стала спрашивать, что означала эта возня со шкафом; я боялась, что он очнется от своего идиллического состояния.

Это было для меня ново - как заниматься любовью с ожившей статуей. Меня еще никто так пристально не изучал. Казалось, он рассматривал расстояние между нами, как невидимый покров, и стягивал его каждым своим движением. Наши бедра прижимались друг к другу, его тело двигалось; и у меня было ощущение, что каждый раз он оглядывал пространство между нашими телами, чтобы понять, как много ему придется преодолеть, чтобы прижаться ко мне. Джим был хорошо сложен, его член был несколько больше обычного, и он был еще достаточно молод, чтобы постоянный прием наркотиков не отражался на эрекции.

В то же время, он был удивительно нежным. Я как будто участвовала в каком-то сумасшедшем лежачем ритуале. Это так странно: маниакальный на сцене, он был очень возвышенным в постели. Наверное, всем иногда надо переставать дурачиться. Джим поразил меня своей бессловесной страстью; его бедра продолжали настойчивые круговые движения, как в танце. Когда он смотрел мне *прямо* в глаза, он, казалось, пытался найти во мне страсть, способную разрушить его одиночество.

Я не знаю, сколько я пробыла у него. После секса мы не лежали, расслабленно покуривая сигарету и мечтательно поглядывая друг на друга. Я знала, что нужно уйти, пока нас не застали вместе - у нас обоих были постоянные партнеры. Я быстро, не глядя, оделась. Джим даже не посмотрел на меня; он просто неподвижно лежал на кровати. Лежа голым на кровати, с закрытыми глазами и без каких-либо эмоций, он спросил: "Почему бы тебе не зайти еще как-нибудь?" Я не знала, что он хотел услышать, поэтому ответила в лучшем стиле колледжа "Финч": "Только если попросишь". Он улыбнулся - но так никогда и не попросил.

Поскольку я разделяю точку зрения Робина Уильямса - "Если ты помнишь шестидесятые, ты в них не жил" - я, естественно, забыла, в какой стране произошел "клубничный трах". Поэтому я позвонила Дэнни Шугермэну[25], который, наверное, знает о "The Doors" больше, чем они сами о себе знают.

"Слушай, в каких странах мы играли вместе с "The Doors"?" - спросила я его.

Он назвал мне Франкфурт, Копенгаген, Лондон и Амстердам.

"А где, как ты думаешь, я могла трахнуть Джима?"

Дэнни надолго замолчал, а потом сказал: "Знаешь, Грейс, я рад, что именно *ты* всем рассказываешь, что трахнула Джима. Ты не представляешь, сколько уродок на это претендуют".

Странный комплимент.

Поскольку Дэнни было всего тринадцать, когда все это происходило, он мог только задавать наводящие вопросы. "Это не мог быть Амстердам," - сказал он. Я согласилась, потому что в первый наш день в Голландии мы отправились погулять в город. Мы были наслышаны, что там есть многое из того, что в Штатах недоступно, и решили это проверить. Молодежь в Амстердаме узнавала нас, ребята подходили к нам на улице или в магазине, разговаривали и дарили всяческие наркотики, как благодарность за нашу музыку. Мы, как правило, говорили "спасибо" и складывали все в карман. А Джим, наоборот, останавливался, присаживался на тротуар и тут же употреблял подарки по назначению, вне зависимости от того, что это было - марихуана, гашиш, кокаин... Мне кажется, ближе к вечеру у него должна была получиться офигительная комбинация!

Не знаю, как насчет "The Doors", но для "Airplane" это был первый раз, когда мы попробовали "колеса" (амилонитраты). Поскольку в Амстердаме наркотики легализованы, все, естественно, перебрали с дозой. Хреново было всем, но Джиму - особенно. Круглосуточный прием всевозможных наркотиков сделал свое дело. "Airplane" играли в тот вечер первыми, он выскочил на сцену во время нашего выступления и свалился на пол. Его отвезли в больницу, он был на грани смерти. Рэю Манзареку, клавишнику "The Doors", пришлось петь самому. На следующий день Джим оклемался и вечером снова был на сцене; как при таком образе жизни он умудрился столько прожить, для меня остается загадкой. Но лет в двадцать-двадцать пять мы все считали себя бессмертными, и постоянные передозняки воспринимались как легкое недоразумение. Так было, пока смерть не начала регулярно выхватывать кого-нибудь из нас, и мы не осознали, что не вечны. Вряд ли Джим сознавал, что именно он может стать следующей жертвой наркотиков: "Нет, не я. Я не умру. Я же не такой, как они, я знаю, что делаю". *Все* мы так думали.

Как в сказочке про цыпленочка - небо *никогда* не упадет. Кое-кто все-таки правильно воспринял происходящее, но большинство не обратило внимания, надеясь, что *их* это не коснется.

27. Большой дом

После возвращения из Европы мы купили большой викторианский особняк. Мы назвали его "Большим домом" - таким он для нас и был. На четырех этажах располагались офис, кухня, шесть спален, гостиная, столовая, холл, плюс плотник, он же эксперт в области боевых искусств, он же поставщик кокаина. Его "контора" была в подвале, там же хранились инструменты, стояли кровать, стол и пара здоровенных баков с веселящим газом. Периодически вся группа спускалась туда и усаживалась на полу вокруг своего большого синего металлического идола, а наш тур-администратор, Джон Шир, прикручивал на крышку бака самодельное приспособление с шестью кранами, чтобы все могли кайфовать одновременно. Мы "накачивались" веселящим газом и "отъезжали", потому и сидели на полу - не так больно падать.

Йорма, правда, предпочитал стоять, хотя и разбил дважды голову (до крови) об острые края бака. Мы никак не могли этого понять. Это была одна из немногих глупостей, которые он когда-либо делал. Очень разумный и прагматичный, Йорма обычно вел себя значительно спокойнее остальных. Он, конечно, участвовал в общих развлечениях, но при этом оставался самым тихим и сосредоточенным членом группы.

Первый этаж Большого дома поражал барочными излишествами: обитые бархатом стены, розовые занавески, деревянные двери ручной работы и ангелочки на потолке. В столовой стоял бильярдный стол, мебель же была разносортной: от дешевых диванчиков в стиле Людовика XIV до самодельного деревянного пыточного стола (он же - обеденный) и неподключенного электрического стула. По стенам висели еще кое-какие жутковатого вида вещи, потому что меня прикалывало сочетание "семейного" обеда и орудий убийства. Мы как-то положили Дэвида Кросби на стол, приковав ему руки и ноги, а затем включили машину, которая растягивала конечности в разные стороны. Мы быстро осознали, что, несмотря на преклонный возраст, устройство все еще работает - смех Дэвида мгновенно сменился криками боли.

Вот такие мир и любовь.

На втором этаже мы устроили офис, а в большой спальне (также на втором этаже) четыре месяца жила я. Я все еще была со Спенсером, хотя наши отношения и близились к концу, но и в турне, и дома я предпочитала иметь отдельную от партнера комнату. Так каждый может спать, слушать музыку, есть, сидеть в

тишине, смотреть телевизор или приглашать друзей, не боясь побеспокоить другого.

Я обычно поднималась около 4:30 утра - такая у меня привычка. Часами лежать в темноте, ожидая, пока мужик проснется - это всегда сводило меня с ума. Потом, всегда гораздо интереснее заниматься любовью в чужой комнате, прийти на территорию мужчины. Отдельные квартиры также спасают от постоянных криков, типа "Это ты не закрыла зубную пасту?" и "Да когда же ты выключишь этот чертов телевизор?" В общем, это облегчает ситуацию, дает возможность поругаться по более важным вопросам (а не выяснять,, кто бросил полотенце на пол в ванной). Если бы не раздельное проживание, все мои связи длились бы, наверное, не больше недели.

Последний этаж выглядел, как салон старого публичного дома. Множество маленьких комнаток (чтобы уединяться?) вокруг большого зала (какую из девочек предпочитаете?), и одна большая спальня (для мадам?), которую занял Пол. Большой дом многое повидал, от Энрико Карузо (который останавливался здесь) до большого сан-францисского землетрясения 1906 года.

Изначально дом был белым, но мы перекрасили его в черный цвет - не в честь песни "The Stones" "Paint It Black", а для придания окрестностям некоторой мрачности. Черный цвет дома отлично дополняли четыре колонны из черного мрамора, создавая ощущение особняка семейки Адамс[26].

В Большом доме случались странные вещи. Именно здесь, в одной из спаленок наверху, я как-то вечером познакомилась с девчонкой по имени Салли, с которой потом подружилась. Она ожидала там Спенсера. Салли была "группи" (не все "группи" - безмозглые идиотки), а сейчас стала юристом, живет в Техасе и - сюрприз! - замужем за музыкантом. Мы пару часов протрепались, и мне понравилось ее чувство юмора и остроумие.

Я понимала, что мои отношения со Спенсером закончены, и следующая ночь это подтвердила. Я шла погулять, и, проходя через гостиную, застала там Спенсера и Салли за просмотром видеокассеты (снятой Спенсером за пару часов до того), на которой Салли танцевала обнаженной. Опять меня обошла блондинка с большими сиськами! Но, принимая во внимание мой растущий интерес к Полу и дружбу с Салли и Спенсером, плюс тот факт, что я все еще была замужем за Джерри, просмотр домашнего пип-шоу был, скорее, развлечением, нежели чем-то обидным.

Салли со Спенсером устроились жить в Большом доме. Наш менеджер, Билл Томпсон, получил лицензию священника[27] и по-быстрому обвенчал моего бывшего парня и мою новую подругу.

Потом была грандиозная вечеринка с участием массы рок-н-ролльных персонажей и всех торчков Сан-Франциско. Мне никогда не нравились такие мероприятия, поэтому я ушла довольно рано. Когда я приехала домой в Сосалито, на автоответчике была запись "Возвращайся на свадьбу. Пол перебрал с ЛСД".

Пол перебрал? О, Господи, я не знала, что думать, что делать, но поехала посмотреть, чем я могу помочь. Когда я поднялась в спальню Пола, он сидел на кровати по-турецки и скручивал косячок. Не слишком похоже на "перебор"...

- Что происходит? - спросила я. - Мне кто-то позвонил и сказал, что тебе плохо.

- Все как-то странно... - ответил он.

Все стало ясно - типичный случай: "не пошло". Ничего страшного. Конечно, я *читала* о *действительно* перебравших людях, вроде дочери Арта Линклеттера, выпрыгнувшей из окна, находясь под воздействием кислоты. Через несколько лет, когда у г-на Линклеттера брали интервью, он обвинил в ее смерти Тимоти Лири и меня. Ни я, ни Тим никогда с ней не встречались, но наша репутация пропагандистов ЛСД заставила г-на Линклеттера сделать далеко идущие выводы. Когда я услышала эти обвинения, я попыталась дозвониться до телеканала. Интересно, скольких знаменитостей, которым *платят* за рекламу алкоголя, обвиняют в миллионах пьяных аварий на дорогах каждый год? Наверное, никого. Мне хотелось поговорить с этим человеком, напомнить ему о ситуации с алкоголем и о лицемерии общества в этом вопросе, но линии были забиты звонками других зрителей, желавших высказать свое мнение. Кроме того, мне кажется, что снобизм г-на Линклеттера все равно не дал бы ему меня *выслушать*.

Позже Лири распространил заявление:

> *Я уже рассказывал о сумасшедшей кислорододышашей рыбе, с которой началась эволюция. Но давайте будем честны друг с другом - не все рыбы могу дышать кислородом. Большинство из них знает, кто они. Как уже было сказано, ЛСД может порождать ужас в людях, никогда его не пробовавших. Мне жаль, что я не ограничил свои призывы и не дал больше информации об этом. Мы убедили в возможности дышать кислородом слишком многих рыб, которые к этому еще не готовы.* - Тимоти Лири (и Грейс Слик, за компанию).

В другой раз в Большом доме я чуть не *убила* кого-то. Я пришла поздно, открыла дверь и увидела, что мебель валяется по всему холлу, как раскиданные игрушки. Было похоже, что здесь бесились дети, но было тихо. Никаких сумасшедших вечеринок тоже не было - я бы об этом знала, - поэтому я решила, что в дом проник какой-нибудь псих.

Ужас.

Я вспомнила, что у Пола есть пистолет, он лежит в тумбочке, но до него идти еще три этажа. Где тот, кто был виновником этого беспорядка? Вооружен ли он (или она)? Как можно тише я поднялась в комнату Пола. Вдруг я услышала шаги за спиной. Я схватила пистолет и развернулась к двери, готовая стрелять.

- Хорошая девочка... - сказал знакомый голос, в нем чувствовалась похвала за мою способность постоять за себя. В комнату вошел Дэвид Кросби.

- Хорошая девочка, мать твою! - заорала я. - Я тебе чуть голову не снесла!

Дэвид вошел в дом *до* меня, но *после* того, как кто-то перевернул все вокруг. Подозревая, что придурок прячется где-то в здании, мы внимательно обшарили весь дом в поисках неизвестного декоратора. Позже мы узнали, что весь этот бардак устроил один долбанутый фанат, который был зол на нас, потому что мы не взяли его в группу.

Я не выстрелила, и Кросби жив до сих пор. И уши мои не пострадали, не то что во время стрельбы, устроенной как-то раз в лесу "The Dead", "Airplane" и другими местными музыкантами. Мы не охотились - просто всаживали пули в деревянные мишени, привязанные к деревьям. Надо было, конечно, надеть наушники. Типа тех, что выдают в тире - а то уши болели недели две.

Конечно, нам, музыкантам-самоучкам, по фигу потеря слуха...

28. А победила…

В 1968 году, во время записи "Crown of Creation", мы все еще мучились оттого, что каждый хотел *сам* контролировать свою ручку на пульте.

Для тех, кто не знает тонкостей работы в студии, скажу, что "пульт" - это такая большая панель с кучей кнопок, ручек, проводов, индикаторов и прочих электронных штук, предназначенная для записи и сведения музыки. "Сведение" происходит, когда песня полностью записана, при этом громкость каждого инструмента устанавливается так, чтобы она сочеталась с громкостью остальных инструментов и композиции в целом.

Обычно "хозяином" пульта является продюсер, но, естественно, каждый из нас хотел быть громче остальных. Это означает, что шестеро эгоистов постоянно загоняли индикаторы в красную зону (туда, где написано "ПЕРЕГРУЗКА"). Добавьте немного кокаина, и вы получите постоянные дорогостоящие переделки, если не полнейший хаос. Помимо того, что кокаин нынче дорог, он еще имеет тенденцию заставлять музыкантов попробовать семьдесят пять различных вариантов сведения, прежде чем они придут к общему мнению, что пятый вариант был вполне приемлемым. Это, конечно, отличное развлечение, если у вас есть 250 долларов в час, которые можно выкинуть за простой студии, или пара тысяч долларов на кокаин на всех.

Насколько я помню, *я* доводила инженеров, проигрывая песню во всевозможных вариациях до тех пор, пока пришедшие уборщицы не наставляли на меня пылесосы. Храни, Господь, терпеливых звукоинженеров! Продюсеры и музыканты спорят, хлопают дверьми, но инженеры остаются на месте, что бы не случилось.

Во время одного из "эгоистичных" сведений наши с Полом руки постоянно соприкасались, потому что *его* ручка на пульте была расположена рядом с *моей*. Через сорок пять минут моя рука все еще лежала на ручке, внося "улучшения", которые ничего не могли изменить. Мне просто хотелось выяснить, когда касания рук перейдут во что-то большее. Все это, конечно, сделало Пола *дружелюбнее*: его замечания оставались достаточно едкими, но я заметила, что он слегка поворачивался ко мне, когда объяснял свою точку зрения, и держал руку на кнопке, даже когда перематывалась лента. Медленное укрепление отношений. Еще не время.

Зато реально укреплялась популярность группы; неожиданно

стали появляться какие-то киношники, которые хотели объединиться с нами и делать деньги на нашем имени. Одним из них был режиссер Отто Премингер[28]. Он считал себя крутым хиппи, потому что как-то на чьей-то вечеринке принимал психоделики вместе с Леонардом Бернстайном[29]. Ему хотелось снять комедию про контркультуру, он даже уговаривал меня сниматься в своем фильме "Skidoo" про пожилого мужика, принимающего кислоту (его сыграл Джеки Глизон). К сожалению (а, может быть, к *счастью* для зрителей, которым пришлось бы увидеть мою игру), Премингер такого понарассказал о роли, что я отказалась.

Я также не согласилась сниматься в фильме "Little Fauss and Big Halsy" в роли, доставшейся в результате Лорин Хаттон - Голливуд все еще снимал массовые цветные поделки про девушек ангельской чистоты. Совершенно не мой стиль.

Но в 1969 году "Airplane" все-таки согласились сотрудничать с Жан-Люком Годаром, совместив две разных области искусства "новой волны".

Вот что надо сделать, если у вас есть группа и вы хотите бесплатной рекламы: надо всего лишь сыграть концерт *очень громко* (децибел 150, не меньше) где-нибудь на ступеньках одного из небоскребов Манхеттена. Мы так и сделали, посчитав, что выйти из тюрьмы под залог будет дешевле, чем нанять человека, способного поднять шумиху такого же масштаба. Вообще-то надо было сделать это еще и в голом виде... Об этом мы как-то не подумали, поэтому Годар, ведший съемку из дома напротив, где располагался офис студии Лекока-Пеннебейкера, запечатлел нас на ступеньках отеля "Шуйлер" полностью одетыми.

Когда мы были готовы, Марти схватил микрофон и заорал: "Проснись, Нью-Йорк, пора вставать!" К нам присоединились подъехавшие актеры Рип Торн (в ярко-красном шарфе) и Пола Мэттер (закутанная в простыню). К несчастью, они были не единственными. После исполнения двух песен, "Somebody To Love" и "We Can Be Together" появился полицейский и приказал нам прекратить играть, поскольку мы "нарушаем покой мирных жителей". Мы решили, что фильм будет еще лучше, если мы продолжим. Сказано - сделано. Машины, завидев нас, притормаживали, обыватели замирали, а служащие различных компаний приветливо махали из окон своих контор. Появились еще человек пять полицейских, они стали пытаться прогнать Рипа и Полу. Когда те отказались уходить, их арестовали и увезли в Восемнадцатый участок.

"А оркестр играл..."[30]

Фильм, названный "Простой американский фильм"[31], был

показан в Доме художника в Беркли 17 декабря 1969 года. Вот что написал об этом Ральф Глизон:

> *Впечатляюще! Фильм пока представляет из себя всего лишь концертный кусочек и несколько интервью, плюс съемки Рипа Торна, которые сами по себе стоят целого фильма - он играет персонажа, являющего собой четкое отражение сегодняшней политической сцены...*
>
> *Это подборка незаконченных реплик, которые быстро надоедают. Если бы не наличие рок-группы и тот факт, что все это интересно не столько смотреть, сколько слушать, фильм был бы крайне сложен для восприятия.*

Эх, Ральф, забыл ты старую сентенцию "Вас бы туда!" Многие шутки были вырваны из контекста, поэтому повисли в воздухе. Кроме того, мы считали, что фильм будет комедией ошибок. Может быть, спас бы более жесткий монтаж или кадры полицейских с фонариками на лбу... Но все эти нестыковки в сочетании со скандалом сделали свое дело - еще не готовый фильм получил всемирную известность, что и требовалось. Был и еще один плюс: обыватели *обязаны* были его возненавидеть.

Кстати, двумя десятилетиями позже "U2" проделали то же самое в Лос-Анджелесе, снимая собственный клип. Арестов не было.

Еще один мой голливудский облом: "Рэгтайм" Милоша Формана. Мне предложили роль коммунистического агитатора - то есть "вживаться в образ" было не обязательно. К сожалению, мы как раз уезжали в турне, и пришлось отказаться. Так что моя карьера в кино была короткой, небогатой событиями и закончилась единственным плохо освещенным в прессе андеграундным провалом.

"Оскара" Грейс не дадут...

Как, впрочем, и "Грэмми". Как-то мы играли во Флориде, и прошел слух, что мне ДОЛЖНЫ ВРУЧИТЬ "ГРЭММИ". Говорили, что это уже решенное дело. *Настолько* решенное, что в тот вечер, когда должно было происходить награждение, на сцене даже были установлены телекамеры, стоял монитор, показывавший прямую трансляцию из Лос-Анджелеса. Теоретически, мы должны были прервать концерт, когда объявят победителя - меня, - чтобы я могла покраснеть, скромно потупить глазки и сказать спасибо моей тете Фриде, дяде Троту и т.д. Но, когда подошло время, я услышала: "А "Грэмми" получает... Линда Ронстадт!"

Операторы выглядели смущенными, зал разразился дружным

"бууууууу!", а я была сильно разочарована. Я помню, что думала примерно так: *"Что же это была за "секретная" информация, что все были так уверены в моей победе настолько, чтобы наживать себе геморрой, прерывать концерт, утихомиривать зал и затаскивать на сцену все эти камеры? Поделились бы, что ли..."*

В общем, произошел облом, а я так и осталась стоять с лучом прожектора прямо в лицо. Я знала, что все люди в зале ждали, как я отреагирую, поэтому я немедленно сделала невозмутимое лицо, типа, ничего страшного, ну, накололи, и мы смогли закончить концерт так, чтобы никому не было меня жалко. Правда, мне все-таки было обидно. Но потом я подумала, что обижаться на этот всемирный цирк не стоит. В конце концов, если сравнивать показатели, глотка у Ронстадт действительно получше.

Моя вторая номинация на "Грэмми" была в категории "Лучший женский сольный альбом", а может, "Рокерша с лучшими зубами" или "Лучшая рокерша что-то там кого-то куда-то" (тогда еще не придумали категорию "Лучшая рок-певица"). В начале восьмидесятых рок подразделялся на множество разнообразных мелких подкатегорий, и моя была настолько мала, что ее даже по телевизору не показывали, я даже название не запомнила. Насколько помню, церемония проходила в зале Радио-сити в Нью-Йорке, и *там* я появилась- как оказалось, только для того, чтобы проиграть еще раз, теперь Пэт Бенатар. Так мне и не удалось подержать в руках эту статуэтку, но я счастлива, что комиссия хотя бы номинировала меня - могли бы и отвергнуть, учитывая мою лень и равнодушие к хит-парадам.

Мимо хит-парадов я пролетела так же, как мимо "Грэмми". Если это и случалось, песня была написана *не* мной (а Дарби Сликом, Дайон Уоррен или Берни Топином), единственной удачей был "White Rabbit". Моя неспособность написать что-нибудь *массовое* меня не сильно беспокоит, но, если бы я *достигла* массового успеха, это стало бы интересным испытанием для моей извращенной гордости.

Моя речь по поводу вручения мне награды "Лучший массовый артист года" выглядела бы примерно так: "Спасибо вам за удивительную безвкусицу в выборе идолов".

Я, правда, получила штуки четыре "Бэмми" (музыкальная награда Сан-Франциско), но тут, конечно, подтасовка... Все, что нужно - найти побольше людей, способных заполнить карточки для голосования раз по семнадцать. Я не знала о таких "процедурах", пока Джеки Кауконен, "ответственный секретарь" группы (она была тогда замужем за братом Йормы, Питером) не начала как-то прикалываться в офисе над тем, что люди агитировали голосовать за меня всяческих продавцов овощных

магазинов, забытых родственников и даже заключенных!

Прочесать всю страну в поисках возможных избирателей! Пробивные ребята из Сан-Франциско в действии!

Еще я *честно* выиграла трех деревянных медвежат в тире магазина игрушек в Тибуроне пару лет назад. Просто повезло...

При таком количестве концертов плюс привычка выкрикивать текст как можно громче, мой голос стал садиться. Я, правда, склонна больше винить в этом плохие мониторы (а зачастую и полное отсутствие таковых) - это сильно сказывается на горле. Когда мониторов еще не существовало, мне приходилось каждый вечер надрывать глотку, чтобы сквозь рев электрогитар расслышать, что же я пою. Слыша хрип динамиков, я с трудом удерживалась, чтобы не двинуть по ним изо всех сил. Видимо, у Роджера Долтри причин сдерживаться не было -"The Who", "Airplane" и Би Би Кинг выступали тогда на фестивале в Тэнглвуде. Когда я увидела, как Долтри поднял монитор и с размаху долбанул его об сцену так, что тот разлетелся на куски, я захлопала в ладоши. Я принимаю очень близко к сердцу качество звука на сцене - ведь вокалисты должны слышать себя на концерте. Мониторы чрезвычайно важны - *если*, конечно, певец заботится о звучании собственного голоса.

Из-за всех этих криков у меня на связках образовывались узлы, и в промежутках между концертами, репетициями, гастролями и записями мне приходилось навещать доктора Рипштейна[32] (идеальная фамилия для хирурга), чтобы избавиться от очередных. За три года я перенесла три операции, и после каждой месяца полтора не могла ни говорить, ни курить. Чтобы не ложиться в больницу в четвертый раз, я спросила у своего педагога по вокалу, что можно сделать, чтобы не бросать петь и при этом не причинять вреда своему горлу. Она спросила, не курю ли я сигареты с *ментолом*.

- Да, - ответила я.

- Пожалуйста, кури, сколько хочешь, но *без* ментола.

- Хорошо.

Я не знаю, что повлияло, переход на нормальные сигареты или новые технологии в производстве мониторов, но с 1970 года проблем с голосом у меня не было.

Когда мы играли на Гавайях, в Международном центре Гонолулу, я как раз поправлялась после второй операции. Мы сняли большой особняк в испанском стиле, стоявший прямо на пляже, и наслаждались тропическими цветами, кокосами и жарким солнцем - короче, все как в туристических брошюрах.

Как-то в середине дня мы с Йормой, Маргаретой и Полом поехали на джипе вглубь острова. Я впервые увидела Пола в

нерабочей обстановке и не на вечеринке. В тот день он не ушел в себя, как обычно, а, наоборот, был очень весел, расслаблялся и совсем не думал о девушке, оставшейся в доме на пляже. Я все еще цеплялась за умирающие отношения со Спенсером (он тоже остался в доме, запершись в комнате с опущенными шторами и мучаясь вчерашним похмельем), и остатки верности снова удержали меня от необдуманных поступков.

Правда, вскоре после этого я плюнула и предложила Полу поужинать у него в номере. Он принес шампанское, я приготовила мясо с картошкой, мы трепались весь вечер... Как вспоминает Билл Томпсон: "Когда они спустились вниз на следующее утро, у нее было самое невинное выражение лица, а он выглядел удовлетворенным. И тогда я подумал: "О, нет. Опять!"

Часть вторая

29. Доза для Хитрого Дика

Когда мы с Полом стали жить вместе, политическая ситуация в стране была крайне неблагоприятна для контркультуры, и мы старались показать это. "Airplane" выступали в "Fillmore East" в Нью-Йорке. На мне был костюм Гитлера, а Рип Торн вышел на сцену в образе моего приятеля (и по совместительству - тогдашнего президента) Ричарда Никсона. Нам настолько понравилось, что мы с Полом поехали в гости к Рипу и его жене, Джеральдине Пейдж, чтобы обсудить совместную постановку "Ричарда III", где всю музыку исполняла бы группа. Рип должен был играть Ричарда Никсона, играющего шекспировского короля. Правда, мы забросили идею, когда составили список реквизита - чтобы все это купить, требовалась помощь, по меньшей мере, султана Брунея... Но обсуждать возможность такой постановки было почти так же приятно, как участвовать в ней.

Другой грандиозной идеей под лозунгом "Насолить Никсону!" была шутка "Подкиньте Дику дозу". Она, правда, тоже не удалась, возможно, и к счастью, поскольку последствия для шутников могли быть самыми плачевными. Но план был хорош!

У Хитрого Дика Никсона, как его называли в народе, была дочь, Триша, которая училась в колледже "Финч" лет через десять после меня. Что и привело к приглашению вашей покорной слуги, в числе других выпускниц, на чай в Белый дом.

Другая выпускница "Финча", г-жа Дэвид Басби, которая была моей соседкой по комнате, составляла список приглашаемых выпускниц. Кажется, всевозможные "разумные" дамочки, слышавшие обо мне, предупреждали ее, что *не стоит* приглашать меня, так как я стала одной из этих "леваков", сумасшедшей антиобщественной хиппи-наркоманкой из Сан-Франциско. Но бедная тихая г-жа Басби помнила совсем другую Грейс. Несмотря на советы других выпускниц, она все-таки послала мне приглашение. Когда она спросила, кто будет меня сопровождать, я быстро ответила: "Г-н Леонард Хауфман".

Г-жа Басби вспоминала: "Имя этого господина произвело на меня впечатление, я и подумать не могла, что она говорит об Эбби Хоффмане! Я записала его среди других и отослала в Госдепартамент для проверки".

На следующее утро г-же Б. Позвонили из Белого дома. "В чем проблема?" - спросила она.

"Проблема, г-жа Басби," - ответил охранник, - "заключается в Грейс Слик".

В то время мы с Эбби были большими друзьями. Он со своей женой Анитой и мы с Полом регулярно выбирались куда-нибудь поболтать о политике. Например, как-то раз мы поехали в Геттисбург, послушать аудиогида. Нажимаешь кнопку - и получаешь замечательную интерпретацию Гражданской войны, что сразу превращает это кладбище в популярный аттракцион для туристов...

Эбби, политический активист, позже разыскивался ФБР, ЦРУ, "AT&T"[33], "BLT"[34] и разными другими агентствами, поэтому ему нужно было на некоторое время "уйти на дно". Он скрывался в нашем с Полом доме в Сан-Франциско, где занимался побочной террористической практикой, типа развлечения детей на дне рождения Чайны. Ему нравилась *идея* этой страны (теория и практика обычно диаметрально расходятся), но бесило то, *как* военные и представители крупных корпораций трактуют изначальные документы о свободе и независимости. Я думаю, его убило именно это "за державу обидно". Если бы мы все думали *так же*, "политические просчеты" перестали бы нас волновать.

Итак, выбирая сопровождающего для визита в Белый дом, я остановилась на Эбби, потому что не знала никого, кто был бы более счастлив посетить это средоточие американской мощи. В день приема я попыталась слегка пригладить волосы Эбби - у него была огромная прическа в стиле "афро", а мы не хотели выглядеть парочкой отъявленных хиппи. В костюме и галстуке он стал похож на мафиозо. Вид был очень страшный, значительно более "подрывной", чем в майке из американского флага[35].

Выпускницы "Финча", все в пальто из верблюжьей шерсти, в одинаковых золотых серьгах, туфлях на "рюмочке", чулках, юбках до щиколоток из верблюжьей шерсти и бежевых шелковых блузках, выстроились в очередь перед входом в Белый дом. Я стояла в очереди рядом с Эбби. На мне был сетчатый топ с накладными карманами, едва прикрывавшими соски, короткая черная мини-юбка с широким поясом и высокие кожаные сапоги до бедер. Похожие на сутенера и проститутку, мы, тем не менее, абсолютно не волновались - ведь у нас, в отличие от остальных, было персональное приглашение.

В карманах у нас было столько кислоты, что хватило бы на целую толпу, но нам не нужна была кайфующая толпа. Нашей целью был Ричард Милхауз Никсон. Обученная формальному этикету приемов в "Финче", я знала, что прием - не застолье. Обычно в зале ставят два длинных стола, на каждом по два больших чайника, иногда еще кофейник посередине. Люди слоняются вокруг, попивают чай из маленьких чашечек и болтают друг с другом. План был таким: я запускаю свой сверхдлинный

ноготь (с него очень удобно нюхать кокаин), в карман, подцепляю шестьсот микрограммов чистейшей порошковой кислоты и, приветливо улыбаясь, стряхиваю ее в чашку Хитрого Дика. Если у меня не получается, пробует Эбби. Мы знали, что не получим удовольствия от созерцания Никсона под кайфом (ЛСД действует не сразу), но мы приходили в восторг от мысли, что чуть позже он уже будет ползать на четвереньках по Белому дому, разговаривать с портретами, рассматривать растекающиеся стены и думать, что стал бульдогом!

Хотя в тот день шел дождь, оставляя грязные пятна на многочисленных туфлях от Гуччи, охрана проверяла каждого, внимательно изучая документы и оглядывая со все сторон.

- Извините, можно посмотреть ваше приглашение? - спросил один из охранников. - И документы...

Он забрал мое приглашение на имя Грейс Уинг и водительские права, ушел в караульное помещение и, вернувшись, сообщил:

- Извините, мисс Уинг, но вам отказано в посещении.

- Но у меня же приглашение!

- Послушайте, мы знаем, что вы - Грейс Слик, являетесь персоной повышенного внимания с нашей стороны и находитесь в списке подозреваемых ФБР... - Я не знала за собой ничего серьезного, наверное, все-таки это за стихи... И кто знает, что они раскопали на Эбби...

В конце концов, мне разрешили войти, но одной. Эбби должен был оставаться снаружи. Я объяснила, что я никуда не пойду без *своего* телохранителя, а Эбби добавил: "Я не разрешу мисс Слик пойти туда в одиночестве. Я знаю, эти лопухи теряют президентов каждые три года! Это опасное место!"

Мы с Эбби уехали, а г-жа Басби не заполучила на чай революционеров. Но, к всеобщему удивлению, секретарь по социальной политике сказала: "Вернитесь и найдите их. Г-жа Никсон и Триша очень хотят с ней встретиться". К сожалению, мы уже уехали. Я читала в газетах, что Триша в интервью обмолвилась: "Мне очень жаль ее. Она приехала с телохранителем - популярность, наверное, сделала ее параноичкой!"

Да уж не такой параноичкой, как у твой папочка, когда Маккорд, Лидди и Дин опубликовали запись его телефонных разговоров[36]!

Так Никсон и не попробовал кислоты. Но мы с Эбби прочли в газете, что он неожиданно заболел и провел несколько дней в клинике Уолтера Рида, военном госпитале, где ЦРУ прятало его, пока не был поставлен диагноз. Кроме того, мы потом узнали,

что, если бы Никсон действительно ползал по Белому дому и разговаривал с портретами, никто бы все равно не заметил изменений в его поведении.

Сейчас я понимаю, что весь это номер с ЛСД был практически невыполнимым и очень опасным. Хотя... в то время мы говорили о Вьетнаме, поэтому, если "сдвиг по фазе" мог заставить стариков в правительстве посылать молодых способных ребят на смерть, то и нам решительно *все равно*, как привлечь внимание президента к проблеме. Мы надеялись, что после того, как придет в себя, Хитрый Дик поймет, что ошибался. Что, если он увидит правду и бросит политику? Мысль-то хорошая, но ему даже дозы не нужно было. Он *сам* устроил себе передозняк своим властолюбием, в конце концов и выкинувший его с высокого поста.

30. Мелкие аресты

Никсон не был единственным, кого поймали с поличным. У меня и моих друзей тоже периодически возникали проблемы с законом, нас знали полицейские по всей стране, от Флориды до Гавайев. Не знаю, почему, но каждый раз, когда я вижу полицейского, что-то во мне щелкает. Я не понимаю, чем эти придурки отличаются от всех остальных, за исключением превосходства в огневой мощи. И никакие неприятности, насилие, болезни, пожары или катастрофы не бесят меня так, как человек, наставляющий на меня "Магнум" с криком: "СТОЯТЬ!"

Когда на светофоре красный - это нормально. Но когда полицейские наставляют пистолеты на *мою* собственность (в Тибуроне), на *нашу* сцену (в Огайо) или на *моих* друзей (на Пола, в Сан-Франциско), я сразу превращаюсь в героиню вестернов.

Главная проблема с "правосудием" заключается в том, что, если у тебя есть деньги и адвокаты, тебя даже в суд не вызывают, не говоря уже об осуждении. Классический пример: дело О.Джей.Симпсона, двойное убийство[37]. Вот так и участники "Airplane" - попадали в тюрьму, иногда часто, но никогда надолго. Суд удовлетворен, залог внесен, а мы свободны - обычно, в течение двадцати четырех часов. Иногда - виновны, обычно - нет.

Вам решать.

Арест во Флориде

В разных городах "комендантский час" начинается в разное время. Во Флориде мы играли слишком долго, поэтому полиция вырубила электричество в середине концерта. Пол схватил мегафон и призвал аудиторию "не давать этим сволочам прекратить концерт". Ну, отвезли его в тюрьму, как обычно, приехал Томпсон с залогом... Но пока обсуждали, выпускать ли Пола, он всыпал лошадиную дозу ЛСД в бутылку бурбона, стоявшую на столе. Когда залог был внесен, а Пол - свободен, полицейские почувствовали настойчивое желание засадить за решетку того, кто принес кислоту...

Арест в Далласе

Я сказала слово "fuck" на сцене, а полицейские это записали. Согласитесь, хорошо, что у нас есть личности в форме, способные защитить нацию от такого рода подстрекательств к мятежу. В общем, они похвастались передо мной своей звукозаписывающей техникой, после чего отпустили, поставив условие, чтобы впредь

я следила за лексикой. Естественно, я согласилась.

Может быть, когда-нибудь...

Арест в Огайо

Они *знали*, что мы помним о событиях в Кентском университете[38]. И они не доверяли нам. Вдоль сцены стояли человек двадцать пять полицейских в полном снаряжении для разгона демонстрантов. На головах у них были пуленепробиваемые шлемы, пояса оттягивали дымовые шашки и пистолеты. Они выстроились в линию между нами и залом, как причудливая группа бронированных хористок. После концерта Чик Кэсэди увидел, как полицейские зверски избивают какого-то не сильно дисциплинированного фаната. Потом *я* увидела, как они бьют Чика, подбежала и попыталась прекратить избиение моего друга. Тогда начали бить меня. Подбежал Пол, чтобы защитить меня. Они начали бить Пола. Короче, нас троих увезли в тюрьму, где и был внесен залог, а юристы занялись своими прямыми обязанностями и разрядили ситуацию.

Еще один арест в Огайо

Ох, любят нас в этом штате. Пол, увидев, что охранник ударил кого-то из зрителей, спрыгнул со сцены и пошел выяснять, в чем дело. В процессе разборок Пол, все еще державший гитару, резко развернулся и случайно (?) задел охранника грифом. Мы продолжили играть, пообещав властям, что сами со всем разберемся после концерта, но, как только закончили, спрятали Пола в багажный отсек автобуса и уехали из штата - КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ.

Арест в Лос-Анджелесе

Патруль заметил лестницу, прислоненную к стене гостиницы "Тропикана", она же "Отель Воющего Моррисона". Что она там делала, никто так и не узнал, но выглядела она подозрительно. Они начали осматриваться и обнаружили, что ближайшее к верхнему краю лестницы окно расположено в номере, зарегистрированном на "Airplane". Мы как раз купили пару кальянов, их силуэты были замечательно видны сквозь тонкие гостиничные занавески. Так что, когда Джек Кэсэди вернулся в свой номер из студии, его встретили с наручниками и отвезли в тюрьму, обвиняя в покупке гашиша и "приспособлений для его употребления".

И еще один арест в Лос-Анджелесе

Через двадцать четыре года после инцидента с кальянами

Джек снова "влип". Сев за руль в пьяном состоянии, он въехал в забор электроподстанции. Прожектора осветили басиста с кроваво-красными глазами, от которого за версту несло спиртом, и полицейские во второй раз отвезли его навестить управление полиции западного Лос-Анджелеса.

Почти арест в Сан-Франциско

Мы с Полом ехали играть в теннис (что? - да, он клянется, что это правда, хотя я не помню, что когда-либо занималась чем-то, столь серьезно физически активным), а полицейский в штатском, да еще и в машине без опознавательных знаков, вдруг решил, что ему не нравится скорость, с которой едет Пол. Полицейский начал нас преследовать, а Пол не знал, что это полицейский, и начал удирать. После недолгой гонки с невообразимыми виражами нас загнали в тупик. Зажатый между глухой стеной и машиной преследователя, Пол вдруг увидел вдалеке черно-белый "Додж" и, открыв дверь, рванул туда, чтобы сообщить "настоящему" полицейскому, что нас преследует какой-то маньяк. Пока Пол сбивчиво излагал ситуацию, неизвестный выскочил из машины и навел пистолет на меня. Нацеленный прямо мне в голову пистолет исчез, как только из черно-белого донеслось: "Тоже мне, Коломбо[39]! Хорош дурить! Это же Пол Кэнтнер и Грейс Слик!" Отпустили.

Это произошло *до* того, как одного нашего имени стало достаточно, чтобы угодить за решетку. Полицейские лезли за наручниками, как только понимали, что остановили одного из нас.

Эх, все хорошее кончается...

Арест в Монтерее

Оусли, "народный химик-кислотник", дал Полу и Джеку лошадиную дозу наркотика под названием STP, мощного психоделика, от чего их вывернуло аж два раза - наверное, туда и обратно. Пол залез в машину и добрался домой, в Сан-Франциско, а там пара уколов торазина быстро привели его в нормальное состояние. А вот Джек имел несчастье быть застигнутым в голом виде в грязи, исполняя собственную версию роли Воющего Джима Моррисона. Он ничего не помнил, пока не обнаружил себя в голом виде в тюремной камере, причем он забрался на самый верх решетки, как обезьяна.

Да, плоховато ребята в химии разбираются...

Арест на Гавайях

Чтобы дать рекламу нашему концерту в Гонолулу, Пол

договорился об интервью местной газете. Журналист приехал в наш большой дом в испанском стиле и делал заметки об интерьере и тому подобных глупостях, пока Пол курил траву. Когда в газетной статье, где был, в частности, указан наш адрес, появилась информация об употреблении Полом наркотиков, полицейские сразу начали готовить массовый арест. Они же не могли пропустить замечательную возможность арестовать целую рок-группу в один присест! Они послали трех громил, чтобы те зашли в дом со стороны моря, а остальные должны были ворваться со стороны острова. Пол, валявшийся на пляже, заметил, как громилы пробираются в сторону нашего дома, они заметили, *что* он курит, и пошло веселье.

Они попытались схватить Пола, но он вырывался (благодаря маслу для загара, обильно покрывавшему тело, ему удавалось выскальзывать у них из рук). Он издал крик, перекрывший даже звук магнитофона в доме - так он пытался дать нам понять, что дела плохи и пора прятать траву. Мы получили это сообщение вовремя, *нас* им застигнуть не удалось, но Полу обвинение все-таки предъявили. Его увезли в участок, где всю ночь продержали в "обезьяннике". Соседом по камере у него был какой-то черный, у которого не было денег на выкуп, поэтому, когда с утра появились наши юристы, Пол заставил их заплатить за своего нового друга и привел его на обед в наш дом на пляже.

Еще аресты (правда, не столь значительные)

Меня арестовывали три раза за вождение машины в пьяном виде - причем, я и за рулем-то не была (поясню позже, как и про инцидент 1994 года с пистолетом). В 1969 году, я однако, *была* в состоянии опьянения - скоростью, - но ареста избежала. Я разогналась на своем "Астон Мартине" миль до ста пятидесяти - дорога была прямая, хорошая, - когда черно-белые стали останавливать меня. Я не обратила на них внимания, моя машина была значительно мощнее, им меня было не догнать... Но они передали сообщение по постам и перекрыли мне дорогу. Увидев два грузовика, развернутые поперек шоссе, я решила не прорываться. Полицейские подошли, но, к моему удивлению, абсолютно меня проигнорировали! Не в силах отвести взгляд от моей великолепной машины, один из них жалобно сказал: "Я выпишу вам талон на совсем небольшое превышение скорости, только дайте на мотор посмотреть! Пожалуйста!"

Нет проблем.

Я подняла капот, и двое полицейских склонившись над ним, начали с жаром обсуждать достоинства этой джеймсбондовской[40] машины, легко "сделавшей" их "Додж", или

что у них тогда было. Не представляете, как хорошая машина может облегчить жизнь на дороге! Хотя, сейчас уже нет - цены падают, шумиха тоже, теперь каждый может себе это позволить...

Так вот, если вы интересуетесь, что делали участники "Airplane" (помимо сидения в тюрьме) со своими новыми спортивными машинами, крутыми женщинами, крутыми наркотиками, золотыми дисками и золотыми кредитными карточками, ответ будет прост:

Йорма и Джек запаслись стимуляторами и уехали в Финляндию кататься на коньках.

Марти ушел из группы, чтобы быть "честным" артистом - создавать искусство, которое ему нравилось.

Спенсер был уволен за постоянные жалобы.

А Грейс и Пол переехали в маленький домик в хипповой коммуне в Болинас, Калифорния.

31. Чайна

Будучи в Нью-Йорке, мы с Полом как-то остановились в "Шератоне" (хотя Пол везде и всюду утверждает, что это было в другом месте). Именно в этот вечер я решила, что хочу иметь ребенка. Шестидесятые заканчивались, начинались семидесятые, и музыка занимала все меньше места в моих мыслях, в отличие от все возрастающей тяги к покупкам. Мы с Полом жили в нашем новом доме в прибрежной зоне и обзаводились все новыми и новыми безделушками: бассейном, геодезической вышкой, золотым "Мерседесом", черным "Порше", маленькой студией в подвале... Самое время завести ребенка.

Я считала, что сочетание генов Пола с моими будет весьма интересным, поскольку оба мы были сильными и несносными. Так и случилось, наша дочь, Чайна, *обладает* теми же качествами (вот только не знаю, хорошо это или плохо). Когда мы решили заняться любовью той ночью в Нью-Йорке, я сказала Полу: "Мне очень хочется ребенка от тебя. Не обязательно на мне жениться или брать на себя воспитание ребенка, я могу все это сделать сама".

Пол только улыбнулся самыми уголками губ. Ему понравились мои слова - он очень любил детей. Не знаю, забеременела ли я в ту ночь, но осознание того, что мы собираемся иметь ребенка, сделало секс очень возбуждающим. Позже, когда я произвела кое-какие подсчеты, выяснилось, что это вполне могло случиться в *ту* ночь.

Мне было очень приятно заниматься сексом во время беременности; я рассматривала это еще и как кормление. Знаете, сперма - очень здоровое питание. Чистый белок. Зачем закрывать на это глаза? Ведь женщины очень логично устроены! Я видела фотографии ребенка, сидящего в животе, и представляю, что, если не пихать этот шланг в ненужные дырки, все будет нормально.

Итак, забеременев и продолжая обустраивать наш дом в Болинас, я прикупила детскую кроватку в дополнение к старинной деревянной люльке (подарок от Билла Грэма). Розовая комнатка была уже доверху забита всевозможными детскими вещами и подарками от родственников и фанатов. Это было спокойное время, и мы пытались создать "идеальную" атмосферу. Ребенок вот-вот должен был родиться.

Еще я купила маленький домик на той же улице, что и наш, чтобы поселить там няню, Пэт Дуган. Это была замечательная,

легкая на подъем женщина, которую порекомендовал нам Билл Грэм. Сам он нанял ее заниматься буфетом в "Филлморе". Она была именно такой, как нам было нужно: очень любила детей (у нее самой было четверо), а готовить умела так, что самые дорогие рестораны казались дешевыми закусочными в неудачный день. За исключением необычного желания *не* учиться водить машину, она была одной из самых нормальных женщин, которых я когда-либо встречала. Она до сих пор так ни разу и не села за руль, предпочитая пользоваться помощью друзей или общественным транспортом - редкая для Калифорнии привычка.

За время беременности я написала несколько песен, но большая часть моей энергии сконцентрировалась на том, чтобы быть *нетипичной* матерью. *Этот* ребенок увидит все, пообещала я себе. У нее будет образование и свобода узнать *все* формы культуры. Перед ней не возникнет никаких религиозных или социальных запретов. И никаких инструкций, как правильно выращивать арбузы - если, конечно, она не *захочет* этим заняться. И я буду интересоваться у нее: "Что *тебе* нравится? Чем ты хочешь *заниматься*, когда вырастешь?" - а не: "За кого ты хочешь выйти замуж и сколько иметь детей?" Она будет путешествовать и познавать мир, любить и смеяться, жить в большой семье Художников, способных показать ей, что возможно все...

До рождения дочери я успела съездить в два турне, пытаясь своими песнями заставить кое-кого из "правых" задуматься о том, что происходит. В то время я серьезно думала (надеялась?), что Республиканская партия распадется, а ее влияние на умы исчезнет.

Юношеский оптимизм и решительность.

Весело (а иногда и навеселе) я жила в шестидесятых, как в романтической сказке. Пол и Грейс, неженатые романтические предвестники начинающейся "Эры Водолея", давали концерты, называли вещи своими именами и ожидали ребенка. Многие считали гастроли во время беременности дурацкой затеей, но я считала, что все отлично. Я даже не могла себе представить, что можно *по-другому*.

Поскольку концерты были частью моей основной профессии, я не собиралась останавливаться. Я носила свободную арабскую одежду, чтобы дать простор увеличившемуся животу, ела за двоих, щеголяла своим откровенно незамужним состоянием и разрешала мужчинам носить мои покупки. Увидев беременную, люди сразу становятся вежливыми и предупредительными. Скорее откроем все двери, взорвем все нефтяные вышки и засеем всю Землю цветами!

24 января 1971 года, часов в 10 вечера, мы с Полом

принимали у себя знакомого кокаинового дилера с супругой (нет, я кокаин во время беременности *не* принимала!), и вдруг я сказала: "Пол, седлай ослика, пора ехать в Иерусалим!" Время пришло. За сорок пять минут мы доехали из Болинас до Французской больницы в Сан-Франциско, где меня отвезли в палату. Когда они предложили мне принять миллиграмма три валиума, я с трудом удержалась от смеха. На такую, как я, которая буквально купалась во всевозможных наркотиках, три миллиграмма *чего угодно* не могли оказать никакого действия. А это было последнее обезболивающее за весь вечер, и не по моей воле.

Я заранее договорилась со своим врачом, что, когда придет время рожать, мне предоставят анестезиолога, который вколет мне все обезболивающее, имеющееся в наличии. Но анестезиолог так и не появился. В перерывах между схватками, превратившими меня в горгулью с широко открытой пастью, я намекнула, что неплохо было бы вколоть мне обезболивающее.

"Ах, конечно, конечно, сейчас он придет," - говорили мне всевозможные медсестры. Они повторяли это всю ночь. Я не ходила на занятия по методике "Ля Мейз" или "Ля Модж", или как там ее. Все равно, как дышать - главное, что нечто размером с дыню выходит из тебя через отверстие размером с мелкую монетку.

А это, знаете ли, БОЛЬНО!

Я успокаивала себя, что женщины проделывают эту штуку, называемую "рождение ребенка", постоянно, с момента возникновения человечества. Не стоит волноваться, думала я. Всего лишь несколько часов жутких криков - и у тебя есть новый любимый человечек. Поэтому я родила нормально (чего совершенно не предполагала).

Я была готова к тому, что новорожденные совершенно не похожи на пухлых крепышей из рекламы. Мне сказали, что "оно" будет орущим синюшным морщинистым комочком в кровоподтеках, и я ожидала увидеть маленького уродца. Но она оказалась красивым чистеньким розовым созданием, тихо лежавшим, свернувшись калачиком, и позволявшим мне быть ее матерью.

25 января, как только я впервые взяла ребенка на руки, в палату зашла медсестра-испанка. Я думала, она несет подгузники и антисептики, но у нее в руках было только свидетельство о рождении, больше похожее на университетский диплом. Она сообщила: "Мы выдаем это всем матерям. Видите, здесь написано, когда она родилась, в какое время и как ее зовут. Кстати, как вы собираетесь назвать девочку?"

Я заметила распятие у нее на шее и неожиданно для себя самой сказала: "бог. Мы пишем это имя с маленькой *б* - хотим, чтобы она выросла скромной".

Я только что родила, новорожденное чудо лежало в моих руках - а я уже морочила кому-то голову. Сестра переспросила, решив, что ослышалась. Я повторила свою фразу. На этот раз, поняв, что совершается богохульство, она быстро внесла в документ "бог" и убежала, наверное, замаливать свое участие в этом богопротивном деле. Однако, она успела еще добежать до телефона и позвонить Хербу Кану, тому самому журналисту "San Francisco Chronicle", благодаря которому я уехала из Флориды. Он написал в своей заметке о рождении ребенка и том, что имя, которое мы с Полом выбрали, не даст моей дочери жить спокойно.

На самом-то деле мы придумали другое имя - Чайна (Китай). В Сан-Франциско были целые районы, населенные выходцами из Восточной Азии. И мне, и Полу нравились китайские учения, казавшиеся нам значительно более спокойными, нежели иудейско-христианские верования, основанные на страхе и чувстве вины. За тысячи лет до того, как Библия была написана, переписана, сожжена и заново написана инквизиторами, на Востоке заметили, что инь / ян, противоположные стороны создания, приносят в мир больше согласия и самоконтроля. Для нас это было самой лучшей заменой варианту, когда виноваты все, грешившие и нет, как это принято в западной цивилизации. И, кстати, Чайна - имя очень нежное, похожее на фарфоровую статуэтку и на рисовые зерна...

Хорошее сочетание.

Поскольку я никогда не следила за семьями других знаменитостей, я не знала, что Мишель Филлипс[41], другая мамаша из мира рок-н-ролла, назвала свою дочь Чинна. Я вообще не знала, что у Мишель *есть* ребенок! Через несколько лет после рождения моей дочери кто-то спросил меня, специально ли я изменила имя ребенка, чтобы оно не совпадало с именем дочери Мишель. Естественно, я ответила "нет". Я хотела, чтобы у моего ребенка было уникальное имя, и, если бы я знала, что Чинна уже существует, я бы, наверное, назвала свою дочь Эксплоди (Взрыва)... Надо же - в рок-мире шестидесятых было не так много пар, которые играли и любили вместе. И вдруг две из них дали почти одинаковые имена своим дочерям...

Это же один шанс на миллион!

32. Хромированная монашка

Была и другая причина, по которой нам с Полом нравился восточный стиль жизни. Как-то мы посмотрели фильм "Входит Дракон" и были очарованы легкостью движений и спокойной самоуверенностью, с которой Брюс Ли демонстрировал искусство кун-фу. Мощный, но красивый вид боевого искусства, кун-фу использует все тело и основан на работе мозга, в отличие от бокса. Опять же, чтобы воспринимать мир единым, китайский боец должен научиться целительству.

Баланс.

Ученики школы Белого Журавля, направления, которое выбрали мы с Полом, обучались *и* технике ведения боя, *и* приемам врачевания. Инь и ян. Черное и белое в одном круге. К сожалению, в постоянных разъездах бывает трудно выполнять сложнейшие упражнения адепта боевых искусств. Тренировки должны были стать стилем жизни, а я, боюсь, никогда не ставила их на первое место в списке ежедневных дел. Мне больше нравилось *наблюдать* за тяжелыми упражнениями тела и ума, нежели проделывать их самой.

Рон Донг, наш друг и учитель, иногда ездил с нами. Он проделывал сложнейшие движения с большими мечами, вращая их в воздухе со скоростью молнии. Он также оказывал кое-какие медицинские услуги, доставая свои иголочки и "волшебным" образом снимая проблемы, слишком сложные для традиционной западной медицины. Сейчас иглоукалывание является одной из общепринятых форм медицины, но, когда в начале семидесятых мы посещали студию Мастера Лонга в Сан-Франциско, западные люди все еще считали его шарлатанством.

Бьенг Ю, еще один мастер с Востока, учил нас другой форме боевых искусств, называемой таэквондо, более контактной форме карате с упором на удары ногами. Одна из песен Пола, "Ride the Tiger" ("Скакать на тигре"), воссоздает разговор с г-ном Ю о различиях между Востоком и Западом:

It's like a tear in the hands of the Western man,
He'll tell you about slat, carbon, and water,
But a tear, to an Oriental man,
He'll tell you about sadness and sorrow or the love of a man and a woman

(Так слеза в руках человека Запада
Расскажет о соли, угле и воде,
Но в руках человека Востока
Она скажет о грусти, скорби и любви мужчины и женщины)

Я не думаю, что Бьенг Ю считал всех нас хладнокровными инженерами-химиками, но глубокое влияние технологии на сознание людей его сильно беспокоило. Конечно, корейские и китайские политики не придавали большого значения духовным учениям. Может быть, именно поэтому Мастер Лонг, Рон Донг и Бьенг Ю были *здесь* - они надеялись, что произойдет соприкосновение двух культур, и каждая из них от этого только выиграет.

Когда я оглядываюсь назад, вспоминая то время, мне кажется интересным, что, пока многие из наших современников сосредоточенно медитировали в позе лотоса у ног восточных гуру, мы с Полом склонялись к более агрессивным физическим тренировкам. Хотя различные учения все равно вели в одном направлении. У всех была одна цель - баланс.

Мне было легко совмещать роль молодой матери и популярного музыканта - первые полгода после рождения Чайны мы не ездили в турне. Пока мы с Полом "дуэтом" записывали альбом "Sunfighter", на обложке которого была изображена пухленькая Чайна, я занималась дочерью весь день, а Пэт проводила с ней ночи.

Океанский прибой, маленький городок, маленький ребенок, визиты к бабушке, новые записи... Никаких наркотиков и никакого давления...

Но это должно было кончиться. Когда я прекратила кормить ребенка грудью, молоко как будто стало впитываться в *мою* кровь. Мне помогали и с ребенком, и с работой, поэтому я могла проводить все свободное время в лучших рок-н-ролльных традициях. ("Рок-н-ролльные традиции" - звучит как-то по-идиотски, но знаете, сколько идиотов в рок-н-ролльном мире?) К тому времени, как мы с Полом начали записывать второй "дуэтный" проект, "Baron Von Tollbooth and the Chrome Nun" ("Барон фон Колокольнен и Хромированная монашка"), я уже вернулась к нормальной жизни.

Название альбома было составлено из наших прозвищ, придуманных Дэвидом Кросби. "Барон фон Колокольнен" намекал

на гордость Пола своими немецкими предками, а "Хромированная монашка" выражала мое стремление всегда и везде защищать свои догмы. Своим поведением мы постоянно подтверждали эти прозвища, так что неприятия не возникало.

У Дэвида был замечательный "деревянный кораблик"[42] под названием "Майя", на котором он уплывал в пустынное райское местечко - тропическую лагуну милях в тридцати от побережья Флориды. Когда "Airplane" отыграли в Майами, мы с Полом сели в гидросамолет и направились туда, где Дэвид и его загорелые страстные блондинки отдыхали в своем морском раю. Гитары, фрукты, марихуана, обнаженность - мне нравилось все, кроме последнего пункта. Черт возьми, я была там единственной темноволосой, плоскогрудой, тощей дурой, белой до отвращения! Короче, Хромированная монашка была там единственной одетой - тоже мне, фиговый листок!

Я до сих пор такая. Если в Лос-Анджелесе 35 градусов, я буду единственной, кто не наденет шорты. Если вы хотите, чтобы *ваши* пятидесятилетние целлюлитные ляжки болтались по ветру, это *ваше* дело. Мне это кажется наглостью. Я не хочу смотреть на ваши ляжки, и не дам вам смотреть на мои.

Сохраняйте красоту нашего города - носите широкие штаны!

Надо сказать, правда, что мне проще с блондинками - я знаю, чего от них ждать; за свою жизнь я уже привыкла, что им достается все самое лучшее. Вот, например, глядя на фотографию Андреа Каган, соавтора этой книги, я вижу типичную блондинку, одну из тех, что портили мне жизнь в течение сорока восьми лет... Как ни странно, именно такие ослепительно красивые нимфы и становились моими лучшими подругами.

А иногда и *больше*, чем подругами...

В конце концов, Небесный художник сжалился надо мной - моя дочь родилась блондинкой и осталась ей, даже когда выросла...

Что еще нужно матери?

33. Фанаты и фанатики

У меня не было телохранителей, даже когда Чайна была совсем маленькой. На гастролях меня постоянно окружали мужчины, а в Сан-Франциско люди очень дружелюбные, но навязываться не будут. Были, правда, и неприятные исключения...

Нас доставал один ди-джей местного радио, постоянно пытавшийся пробраться в наш дом в Болинас. Иногда мы находили его на заднем дворе, иногда он даже проникал в дом. Естественно, Полу это надоело. В очередной раз застав его у нас в доме, Пол попытался выгнать его, угрожая пистолетом. Но пистолет не испугал этого психа, и он пошел прямо на нас. Тогда Пол всадил пять пуль в пол перед этим идиотом. Тот побледнел и прошептал: "Тут какое-то недоразумение... Вы меня не так поняли..."

Ну, вот. Такой вот безмозглый храбрец...

Двое других (независимо друг от друга) решили, что Чайна - их дочь. Первый залез на девятнадцатый этаж по стене нью-йоркского отеля, забрался в окно, включил телевизор и расположился на *моей* кровати, дожидаясь, пока я вернусь с концерта. Может быть, конечно, он вошел в дверь, но для "Airplane" зарезервировали целый этаж, а коридорный никого не видел. Пол и Билл Лауднер проводили меня до номера (я по-прежнему предпочитала жить отдельно), а там лежал этот парень.

"Привет, Грейс! Я бы хотел увидеть свою дочь!" - сказал он, ничуть не смутившись присутствием Пола. Ребята обалдели; он выглядел настолько по-дурацки, что его никто не принял всерьез - кроме *меня*. Я хотела, чтобы он убрался ко всем чертям из моей комнаты. Его "проводили" к выходу и увезли в участок.

Другой сталкер, влезший на скалу, нависавшую над заливом Сан-Франциско рядом с нашим домом, тоже хотел, чтобы я признала его отцом Чайны, а в противном случае обещал спрыгнуть вниз. Какая-то часть меня была за то, чтобы дать ему прыгнуть, но жалость пересилила. Мы вызвали пожарных, они привезли сети и поймали этого человека.

Это не были самоубийцы, просто пара идиотов - к счастью для меня. Я бы, наверное, отнеслась у этому серьезнее, если бы рядом не было столько людей - а так эти случаи меня развлекли.

Вообще, я должна была, скорее, обижаться - обычно такого рода люди преследуют *самих* знаменитостей, а не членов их семей. Означало ли это, что я не настолько интересна, чтобы меня преследовать? Или эти ребята, назвавшись отцами Чайны,

хотели сказать, что трахнули рок-звезду? Я получаю много писем от своих поклонников из тюрем и сумасшедших домов. Гораздо проще понять того, кто хочет переписываться с человеком, кажется, обладающим большой духовной свободой, нежели ребят, рискующих жизнью из-за никому не нужных заявлений. (Потом, они бы все равно не прошли генетический тест... наверное...)

С другой стороны, у меня было два очень приятных в общении фаната, почти близнецы, хотя они ничего не знали друг о друге. Первый, Винсент Марчилелло, как-то раз, зайдя за кулисы, подарил мне старинную куклу - в результате я увлеклась куклами настолько, что мой дом выглядит теперь, как магазин игрушек (дорогое удовольствие, скажу по секрету). Винс - красивый парень итальянского типа, очень вежливый; хотя он - настоящий фанат, ему бы и в голову никогда не пришло нас преследовать.

Другого парня тоже звали Винсент - Винсент Марино (или Винни, как зову его я). Он тоже был красавчиком, и тоже итальянского типа. Его страстью было посылать мне все статьи, открытки, журналы и прочие безделушки с изображением панды. С ним мы даже подружились.

Мораль такова: некоторые фанаты просто ужасны, но кое-кто может стать близким другом.

В начале шестидесятых, только начиная свой путь, я не слышала о людях, преследующих знаменитостей, и о "желтой" прессе. Если бульварные газетенки и писали о ком-то, это обычно был человек из мира кино, пытавшийся сделать себе имя на скандале. Рок-музыканты почти не обращали внимания на то, что их застали со спущенными штанами - поэтому для прессы мы не были интересны. Но теперь все изменилось. Постоянные вмешательства в частную жизнь сводят с ума не только артистов, но и людей, известных в других областях общественной жизни. Я лично считаю, что у папарацци должно быть письменное разрешение на каждый снимок!

Я знаю о первой поправке к Конституции, но ее писали люди, не подозревавшие, что фотоаппараты, если их использовать не по назначению, могут *изувечить* свободу. Современная фототехника и дальнобойные объективы стали доступны любому идиоту, увеличивая и так безграничную "свободу самовыражения". Начавшееся с "организованного хаоса" шестидесятых-семидесятых и *не* закончившееся смертью Принцессы Дианы в девяностые преследование знаменитостей и обсуждение их личной жизни принимает поистине угрожающие размеры.

А то, что мы все это читаем, только подстегивает их.

Моя собственная реакция на одного из этих фотографов была

значительно более *нетрадиционной*, чем он предполагал. На одном из концертов в шестидесятых я зашла в туалет пописать, когда кто-то спросил: "Можно мне сделать пару кадров, когда ты пойдешь на сцену?" Ну, так *я уже* пошла! Я открыла дверь, стянула рубашку с плеча, открыв одну грудь, и крикнула ему: "Вперед! Левая красивее правой, так что снимай ее!" Он нажал на спуск, а фотография появилась в рок-журнале "Creem".

Конечно, быть знаменитым весело, но, когда приходится пользоваться услугами телохранителей, служебных собак, бронированных автомобилей и Форт-Нокса[43], это достает. Сейчас мой дом расположен так, что добраться к нему, минуя дистанционно открываемые ворота, невозможно. А если вошедшие выглядят подозрительно, я нажимаю на кнопку и пускаю ток, дотронешься - и ты хорошо прожарен. Мило и дружелюбно... Понимаете, мой хорошо защищенный дом в Милл-Вэлли три раза грабили. На этот раз я сказала себе: все, никаких воров, посторонних, папарацци или психов (кроме меня, конечно).

Добро пожаловать в современный мир!

34. Серебряный кубок

Представим себе, что "Jefferson Airplane" - серебряный кубок. В начале семидесятых серебро начало тускнеть. Но хозяева не обращали на это внимания, не интересуясь красотой обстановки. Да и показывали его не часто... Он так и стоял на полке, собирая пыль, ожидая, пока о нем вспомнят, а слуги в доме считали, что протирать его - не их обязанность.

Семьдесят второй был годом трещин в стене и уничтожаемых документов. Хитрый Дик был отправлен в отставку, а Джи. Гордон Лидди - в тюрьму за лжесвидетельство[44]. Те из рок-н-роллного мира, кто еще писал и пел песни, выражавшие политические взгляды, не могли поверить - президента отправляют в отставку! С нашей точки зрения, на его место годился *любой* демократ, поднявшийся против Дика Вейдера[45]. Одним из самых многообещающих был Джордж Макговерн.

Пытаясь сломать стену между поколениями, старина Джордж позвонил нам с просьбой встретиться в холле отеля в каком-то городке, где мы играли. Все мы согласились его послушать, только Йорма был категорически против. Подозревая, что он просто мучается похмельем после ночи, проведенной в баре, я решила попрактиковаться в лести и уговорить его пойти. На самом деле, я хотела пойти с ним в постель, а не на встречу с сенатором, но пристрелить двух зайцев тоже было бы неплохо. Я начала разговор о Макговерне, пока мы пробовали один наркотик за другим, но вскоре забыла обо *всех* кандидатах... по крайней мере, на эту ночь. Насколько я помню, в бар, чтобы послушать человека-который-не-станет-королем, серьезно рассказывавшего нам о своих планах объединения нации, спустились *все*.

Это был единственный раз, когда мы спали с Йормой, но однажды, после очередной записи, мы с ним решили доставить друг другу удовольствие другим способом, погоняв на машинах наперегонки по Дойл-драйв. Некоторые люди (вроде меня) считают, что широкая прямая дорога - не только хорошее место для превышения скорости, но и замечательный шанс увеличить число автокатастроф. К несчастью, я быстро поняла - довольно неприятным образом - что эта дорога не случайно зовется Смертельной Дойл-драйв.

В общем, я разогналась прямиком в больницу.

Сочетание дождя и пролитого масла привело к тому, что моя машина влетела в цементную стену на скорости около 80 миль в час. Удар отбросил меня на пассажирское сидение, и я

порадовалась, что не пристегнулась: если бы меня держал ремень, я бы разбилась насмерть, потому что от водительского места ничего не осталось. Наверное, у Йормы дрожали поджилки, когда он подходил к машине, гадая, насколько мелкими кусочками меня нарезало.

Помню, лежа в реанимационном отделении с пробитой головой и рассеченной губой, я просила медсестер дать мне немного кокаина, естественно, "чтобы не так болело". Они только покачали головами (некоторые твердолобые никогда не сдаются) и вкололи мне что-то настолько сильное, что следующую неделю я просто не помню. Им хотелось, чтобы я вела себя *очень* тихо, а они могли провести обследование и немного подлечить мою голову.

Если не обращать внимания на головную боль, то общаться с Йормой мне было очень приятно - я же любила его. В общем-то, я любила всех в "Airplane" - и со всеми занималась любовью. Ну, со всеми из старого состава... Кроме Марти. Почему мы с ним этого не делали, до сих пор не пойму. Иногда я думала, что секс придал бы больше искренности нашим дуэтам, но Марти четко придерживался принципа "Не спи, где работаешь". Наверное, он считал меня шлюхой. В любом случае, мы держались на расстоянии и считали, что совместного пения вполне достаточно.

Мне до сих пор очень нравится петь вместе с ним, я в восторге от его музыки... Я считаю, что "Today" и "Comin' Back to Me" - лучшие лирические песни в мире.

I saw you - comin' back to me,
Through an open window, where no curtain hung,
I saw you - comin' back to me

(Я увидел тебя - ты возвращалась ко мне
Через распахнутое окно, не прикрытое шторой
Я увидел тебя - ты возвращалась ко мне)

Желание любить сквозило во всех песнях Марти. И еще там была *музыка*. Каждый участник группы - наверное, любой группы - создавал что-то, *связывавшее* нас. Если кому-то нравились ситар или волынка, старинные английские баллады или панк, это слушали все, пытаясь лучше узнать друг друга. А потом - когда

мы пели вместе, мы на некоторое время становились совершенными.

Жаль, что всего лишь на некоторое время.

Группа распадалась на глазах. Мы стали делиться на небольшие группы - Джек и Йорма, Грейс и Пол - или уходить поодиночке: Марти - в собственный мир, Спенсер - в отношения с любимой женщиной.

Мы вступали в новое десятилетие, в котором стиль нашего кубка уже считался старомодным и был вытеснен более четкими и материальными звуками диско. "Airplane" исчерпал себя. Или, вернее, все произошло, как в нормальных человеческих отношениях - наступило время, когда страсть исчезла, новизна отношений притупилась, а внимание переключилось на другие, еще неисследованные области. Мы хотели новой игры, новой работы, нового правительства, нового мужа, новой любовницы и новых форм искусства.

Хотя мы и не говорили этого вслух, мысли у всех были одинаковыми - без "Airplane" нам откроется больше возможностей для дальнейших действий.

Джек и Йорма, как "Hot Tuna"[46], могут...

Грейс и Пол, записываясь вместе, могут...

Марти, работая сольно, может...

И так далее.

Телега наткнулась на камень. Все считали, что в сольной работе они будут свободнее.

Следующие два альбома, "Bark" и "Long John Silver", мы записывали в "подвешенном" состоянии. В 1967 году, во время записи "After Bathing At Baxter's", Йорма катался на мотоцикле по студии (Джек все это записывал) и махал рукой сидевшим на полу людям, кайфовавшим вокруг баллончика с веселящим газом. Но в начале семидесятых из студии исчезло даже веселье. Мы не получали удовольствия, мы потеряли интерес к происходящему. Желание сделать все как можно лучше уступило место коммерческим соображениям. Мы перестали записываться совместно - каждый работал над собственным материалом и старался как можно меньше времени уделять работе других.

Наш новый барабанщик, Джоуи Ковингтон, был краснощеким блондинистым деревенским простофилей, он не заражал остальных своим энтузиазмом от участия в известной группе. Мы считали его молодым и безнадежно наивным. Йорма же дал понять не только нам, но и всем, кто покупал наши пластинки, что он разочарован в нынешнем "Airplane", записав песню "Third Week in the Chelsea" ("Третья неделю в "Челси"[47]).

So we go on moving trying to make this image real
Straining every nerve not knowing what we really feel
Straining every nerve and making everybody see
That what they read in the Rolling Stone has really come to be
And trying to avoid a taste of that reality:

All my friends keep telling me that it would be a shame
To break up such a grand success and tear apart a name
But all I know is what I feel whenever I'm not playin'
Emptiness ain't where it's at and neither's feeling pain

(А мы все суетимся, пытаясь все вернуть назад
Бьемся изо всех сил, но хоть себя бы нам понять
Бьемся изо всех сил, но видно всем вокруг
Что в "Rolling Stone" пишут правду, а музыканты врут
Мы даже ненавидим творенья наших рук...

Друзья твердят мне каждый день, что это просто стыд -
Позабыть про свой успех, презреть свой внешний вид
Но я знаю только, что, когда я вновь начну играть,
В моей душе будет пустота и боль придет опять)

От правды не уйдешь. Я помню, что, когда в 1970 году, еще до записи двух последних студийных альбомов "Airplane", Пол записал "сольник" под названием "Blows against the Empire", это был незабываемый опыт. Джерри Гарсия, Грэм Нэш, Микки Харт, Джек Кэсэди, Дэвид Кросби и другие музыканты из местных групп объединились, чтобы создать странную сагу о жизни в движущемся космическом городе. Каждый привносил что-то свое, а талант музыкантов сделал процесс записи очень приятным, а саму запись - уникальной.

Spillin' out of the steel glass
Gravity gone from the cage
A million pounds gone from your heavy mass
All the years gone from your age...

The light in the night is the sun
And it can carry you around the planetary ground...

And the people you see will leave you be
more than the ones you've known before

Hey - rollin' on
We come and go like a comet
We are wanderers
Are you anymore?

(Мы взлетаем из стального леса
Тяжесть исчезла, ее больше нет
Сброшены тысячи фунтов веса
И миллионы прожитых лет...

Свет в ночи - это же Солнце
Оно понесет нас вокруг Земли с ветерком...
Люди вокруг любят тебя
В отличие от тех, с кем ты был знаком

Эй - поехали
Мы летим кометой
Мы - странники
А ты - разве уже нет?)

- песня "Starship" с альбома "Blows against the Empire"

Скучность и вымученность последних альбомов "Airplane" была очевидна. Когда мы говорили о том, что делали Джек и Йорма, или Марти, или мы с Полом вне группы, энтузиазма всегда было больше, чем когда мы говорили о группе. Но нельзя игнорировать контракт; "RCA" запросто может прислать на Западное побережье питбулей с Уголовным кодексом в зубах, чтобы те приготовили жаркое из рок-звезды. Хотя их было легко уговорить. Когда все поняли, что старый кубок никому не нужен, "RCA" в течение нескольких лет делала неплохие деньги на наших сборниках и сольных альбомах участников "Airplane", даже разрешив нам создать для этого собственный лейбл, "Grunt".

Для нас это было смутное время; даже студия в Сан-Франциско, где мы писали "Bark" и "Long John Silver", нагоняла тоску. Она была расположена в трущобах, вокруг три бара и клиника для наркоманов. Веселенькое местечко! Однажды Пол приехал туда на своем микроавтобусе "Фольксваген", зашел в

студию, чтобы что-то забрать (минут на пять, не больше), а когда вернулся, автобуса уже не было...

Я никак не могла удержать группу от распада, поэтому тихо залезла в свою бутылку и спряталась. Похмелье я лечила кокаином. После долгих дней и ночей в студии, наполненных наркотиками, я стала выглядеть толстой и неряшливой. Запись часто заканчивалась только тогда, когда рассвет приносил с собой полный упадок сил и несыгранность. Я прошла путь, предсказанный нашему поколению - и чуть не умерла в тридцать лет.

Спасло меня то, что тело отказывалось выдерживать такие перегрузки. После ночи, полной наркотиков и алкоголя, мне нужно было (да и хотелось) отдохнуть. Мне не нравилось напиваться каждый день, но быть единственной трезвой тоже было не слишком интересно. Поэтому я напивалась, но ровно настолько, чтобы самостоятельно держаться на ногах. Из-за этого я позабывала все на свете, даже не помню, как мы записывали альбомы, не помню концертов тех лет... Хорошо еще, что новая группа, которую мы собрали, состояла из уже знакомых музыкантов, игравших на "сольнике" Пола или наших "дуэтах"...

Сейчас хорошо видно, что распад "Jefferson Airplane" произошел не по *чьей-то* вине, просто закончилась эпоха. Мне жаль, что мы не могли незаметно перейти в следующую фазу, но, как известно, некоторым еще больше не повезло с переменами (например, Марии-Антуанетте или Николаю II)... Никто не умер, просто нас как следует долбануло - и следующий шаг каждому пришлось делать в соответствии со своими возможностями.

Мы все были испуганы. Ведь это же конец! Но я восприняла распад несколько спокойнее, чем остальные участники группы. Некоторые сразу распознают свой страх и начинают бороться с ним. У меня было хорошее воспитание, я заранее знала, как реагировать на страх, боль или грусть; просто это были *неправильные* реакции. Когда я чувствую что-нибудь подобное, то, не раздумывая, наношу ответный удар. А через пару дней до меня доходит, что я объявила войну Новой Зеландии, обозлившись на Германию. Такая вот мисс Направленная агрессия.

Итак, конец пути. Кто-то свернул в сторону, обиженно ворча, кто-то отстал по дороге, а остальные сидят за праздничным столом; я выпиваю свой бокал до дна и прочищаю горло, чтобы сказать следующий тост.

Часть третья

35. Скала над морем

Ежедневно проводить два часа на разбитых дорогах между Болинас и Сан-Франциско довольно утомительно. Расстояние до города, в сочетании с тем, что в округе был всего один врач, превращало нашу идиллию в доме на побережье в опасную экстравагантную выходку, отнимающую, к тому же, уйму времени. Пол присмотрел нам дом в Сан-Франциско, в районе скалы, нависающей над морем, с отличным видом на залив и мост Золотых ворот. Поэтому мы собрались, взяли няню, Пэт Дуган, ее детей, нашу дочь, собаку, двух кошек - и переехали в место, приглянувшееся Полу.

Это было впечатляющее сооружение, больше походившее на посольство какой-нибудь Дании, чем на дом для нашей семьи. С улицы он казался чистеньким одноэтажным деревянным особнячком в скандинавско-японском стиле (если такой вообще существует), удивительно удачно вписыванным в окружающий ландшафт и закатную панораму моста и Тихого океана. На самом деле это был пятиэтажный дом с двадцатиметровыми колоннами, предназначенными уберечь его от печально известных сан-францисских землетрясений.

Такой дом давал иллюзию защищенности, особенно если добавить к толстым стенам трех-четырех до зубов вооруженных черных охранников, всю ночь сменявших друг друга на посту напротив дома. Окрестные дома были собственностью одного из мусульманских лидеров, которого мы никогда не видели, хотя и жили совсем рядом. Иногда, возвращаясь под утро домой после записи, особенно если была пьяна или под кайфом, я останавливалась поболтать немного с "телохранителями" - это успокаивает нервы. Охранники были отличными ребятами и всегда с удовольствием отвечали на мои вопросы о своей религии и своей "артиллерии". Когда я, наконец, уходила, они, без сомнения, перемывали косточки "этой пьяной шлюхе", но ни разу не дали мне понять, что мое присутствие нежелательно или неприятно.

Гостиная нашего нового дома стала репетиционной базой новой группы, которую решили назвать "Jefferson Starship". Из шестиметровых окон открывался замечательный вид на залив и мост, казалось бы, живи и работай в свое удовольствие - но мне было неуютно. Дом был слишком большим, и в нем постоянно находилось слишком много людей. Чтобы побыть в одиночестве или избежать навязываемой мне (как я считала) роли

"приветливой хозяйки особняка", приходилось уходить из дома. На самом деле, конечно, ничего подобного не было. Все были настолько озабочены собственной жизнью, что не замечали, что и как я делаю, мое присутствие вообще не требовалось. И все-таки я чувствовала себя неуютно.

Пол гнездился на первом этаже. Он писал там песни, смотрел телевизор, играл с Чайной - и все это, не сходя с своей любимой кровати Короля Калифорнии. Иногда мы вместе выходили куда-нибудь - поужинать или сходить в какой-нибудь клуб, - но обычно я гуляла одна. Я забиралась в свой джеймсбондовский "Астон Мартин" (купленный в 1967 году) и нарезала круги, пока не находила что-нибудь интересное. Я не могу молча сидеть, уставившись в потолок, как Пол; мне нужно завести машину, проехаться до Японского центра, сходить в кино, посидеть в ресторанах Марин Каунти или найти интересного собеседника.

Как-то вечером мы с Полом и нашим другом Брауном по кличке "Плохие новости" (крутой мужик - несколькими месяцами раньше он *самостоятельно* добрался до больницы после пулевого ранения в грудь), поехали погулять на Норд-бич. Когда Полу надоело ходить по клубам, он решил вернуться домой и попросил "Плохие новости" присмотреть за мной. Человек, получивший свинцового перца в грудь и продолжавший ходить, бесспорно, хороший телохранитель, но, когда я сказала, что хочу побыть одна, "Плохие новости" подобрал свой пуленепробиваемый живот и свалил.

Мы сидели в каком-то баре, и, когда он ушел, я заметила, что за соседним столиком сидит компания китайского типа людей, разговаривавших на азиатском языке, которого я раньше никогда не слышала. Одетые в дорогие шелковые костюмы с огромными запонками, они чрезвычайно серьезно обсуждали что-то - никакого смеха, много длинных пауз, а затем быстрый диалог. Я наблюдала за ними минут пятнадцать, а потом решила вмешаться и спросила: "А на каком языке вы говорите?"

Они заулыбались, пригласили меня присесть к ним за столик, спросили, кто я и сколько мне лет, а затем продолжили свой разговор, так и не сказав, на каком языке он ведется. Заинтригованная, я тем не менее пыталась изображать тихую и скромную восточную женщину и посидела с ними еще минут пятнадцать, ничего не говоря, но всем своим видом выражая удовольствие от пребывания в мужском обществе.

Это так похоже на меня...

Неожиданно они поднялись из-за стола и предложили мне пойти с ними. Поскольку они знали, что я не поняла ни слова из их разговора, то могли не волноваться, приглашая меня. Уверена,

я казалась им очередной симпатичной американской пустышкой. Мы прошли пару кварталов, зашли в другой, более уединенный ресторанчик. Хозяин провел нас в пустую комнату, посреди которой стоял круглый стол, буквально заваленный оружием. Мы уселись вокруг стола, за которым уже сидели четверо мужчин, с интересом взглянувших на моих "компаньонов".

Торговля оружием!

Неожиданно я поняла, что наблюдаю за "шопингом" китайской банды. Когда они договорились, один из них посадил меня в машину и отвез в гостиницу. Мы поднялись в номер вместе, но я поняла, что что-то не так. Я удивилась, когда он поклонился и вышел. Ту ночь я провела в отеле, боясь вернуться домой и рассказать Полу, что я видела. Он бы все равно не поверил - чтобы я, да никого из них не трахнула? - поэтому я всем рассказывала, что всю ночь пила со своей подругой Салли.

Если я не помогала странным азиатам покупать оружие, то пропадала в Японском центре. Мне нравилась чистота и тихое самоуважение этого восточного рынка. Обычно я заходила там в кинотеатр; я посмотрела всю серию японских фильмов под названием "Слепой детектив" - там снимался коренастый мужик, который, несмотря на отсутствие зрения, сражался с "плохими парнями" при помощи, например, детской коляски с пулеметом на борту. Притворяясь стариком, гуляющим с внуком, он поджидал группу наемных убийц и расправлялся с ними, поливая свинцовым дождем. Так же, как чуть позже американцы от "Рокки", японцы были без ума от своей саги. Для меня же самым интересным было то, что японская цензура все еще была либеральнее пуританской западной. Например, подружка детектива, абсолютно голая, занималась с ним сексом, сидя в сплетенной из прутьев корзине без дна, подвешенной к потолку. А наш герой, глубоко вонзившись в девицу, периодически раскручивал корзину вместе с ней.

Все фильмы были с английскими субтитрами, но я обычно была единственной белой в зале. После сеанса я шла в небольшой ресторанчик за углом, где заказывала яки удон[48] и саке[49]. Мне нравилось уважение, которое японцы проявляли к моему уединению, и я могла просиживать там часами, читая или сочиняя песни.

Как-то вечером я проделывала все вышеперечисленное, когда столкнулась на улице с барабанщиком "The Grateful Dead" Микки Хартом. В отличие от меня, вечной дилетантки, у Микки был черный пояс по карате, и я воспользовалась случаем, чтобы выяснить кое-какие подробности об интересовавших меня ударах. Но, как только мы решили попробовать кое-какие из них прямо

посреди дороги, откуда ни возьмись появилась группа парней, бросившихся помогать мне. Решив, что Микки применил ко мне одну из разновидностей боевых искусств, они уже готовились показать, что четверо подростков могут сделать с тридцатилетним "стариком" напавшим на невинную "даму". Я улыбнулась и помахала им рукой, чтобы дать понять, что все в порядке. Японский район значительно безопаснее, чем кажется; Микки был одним из тех людей, которых полезно "иметь при себе", он всегда был готов защитить меня (хотя случай так и не подвернулся).

Я купила несколько самурайских мечей, чтобы использовать их на сцене и вне ее. Во время одного из туров я с ног до головы оделась в костюм для айкидо, хотя это никак не было связано с текстами песен - просто мне очень нравились восточные вещи, они создавали совершенно особую атмосферу... Питер Кауконен, бывший тогда нашим соло-гитаристом, пестро разоделся в тот вечер, поэтому публика, наверное, решила, что мы ограбили Дэвида Боуи. Но потом, увидев меня в форме лос-анджелесской полиции, платье герлскаута, индийском кафтане, гитлеровских усиках, банных простынях (а как-то и совсем без одежды - на открытом концерте в Нью-Йорке лил дождь, и я сняла блузку, чтобы она не промокла), они не удивлялись и костюму самурайской принцессы.

36. Jefferson Starship

Пол собирал "новую" группу. Джоуи Ковингтона заменил Джон Барбата, бывший барабанщик "The Turtles". На клавиши пришел Пит Сирз, на бас - Дэвид Фриберг, Грейс взяла бутылку "Грустной монашки"[50], Пол - двенадцатиструнную гитару... Папа Джон Крич добавлял кое-где эффектных импровизаций, а еще - вернулся Марти Бэйлин! Марти был в своем любимом романтическом настроении и даже написал несколько хитов (среди них "Miracles", "Caroline" и "With Your Love"), вернувших нас на первые строчки хит-парадов.

В первом же турне "Jefferson Starship" случилось нечто, серьезно повлиявшее на всю мою дальнейшую жизнь. Когда мы возвращались с одного из концертов, нас остановила удивительно красивая темноволосая женщина. Она спросила, можно ли ей поговорить со мной и Полом. Мы пригласили ее в номер, потрепались полчаса, потом она собралась и ушла. Я знала, что половина нашей "команды" торчит сейчас в холле, поэтому тихонько выглянула за дверь, интересуясь, кому из них достанется такая красотка. Она шла, сопровождаемая летевшими со всех сторон приглашениями, сквозь строй рок-н-рольщиков, затем вдруг остановилась и скрылась в чьей-то комнате. "Победителем" стал человек, которого я раньше никогда не видела - наш новый светорежиссер, Скип Джонсон.

Когда утром мы собирались в аэропорт, я решила присмотреться к "мастеру соблазнения" получше. Было нетрудно понять, почему именно он взял верх над соперниками: Скип был темноволосым и зеленоглазым, с огромными ресницами. Ростом он был около 185 сантиметров, поэтому мог себе позволить смотреть на всех немного свысока. Когда я увидела его, я снова почувствовала себя на вечеринке у Джуди Левитас, где познакомилась с Аланом Маккенной. Скипу было двадцать два, мне - тридцать четыре. Опять ирландский мальчик-католик поймал меня в сети...

На следующий день, в Фениксе, Аризона, вся группа выбралась на лужайку за отелем и коротала время за обычным рок-н-рольным трепом и поеданием дрянной пиццы. Там были вся команда, кроме Пола, улетевшего в Лос-Анджелес обсуждать наши дела с людьми из "RCA". Ребята, усевшись возле прыжковой вышки на краю бассейна, обсуждали, как бы подкатиться к девицам, сидевшим напротив, когда Скип встал и, приветливо помахав им рукой, крикнул: "Девчонки, идите сюда! Трахаться

будете?"

Другие постояльцы отеля были шокированы, мы покатывались со смеху, но, черт возьми, девушки улыбнулись, подошли к нам и сели рядом с этим нахалом!

Я решила присоединиться к ним.

Через несколько часов мы с Крейгом Чакуико, нашим новым соло-гитаристом, собирались давать интервью, поэтому Скип предложил подбросить нас в город. К тому времени, когда мы втроем вернулись в отель, я решила, что проведу ночь с этим дружелюбным парнем, который вел себя так естественно и плевал на мою славу. Он уже успел поработать с "The Who" и другими серьезными группами, "Starship" был для него просто еще одной строчкой в резюме. Мы *настолько* не произвели на него впечатления, что однажды он даже посмел сказать мне: "Ты слишком старая, слишком толстая и слишком пьяная. Но я тебя люблю!" Самый замечательный комплимент, который я когда-либо слышала!

Ну, а что дальше? Я жила с Полом, у меня была красавица-дочь, а моя группа снова была на вершине успеха... Но я снова попала в страну любви, где нет никаких обязанностей, ограничений или сожалений. Есть старый афоризм: "Сожалеешь не о том, что *сделал*, а о том, чего *не* сделал". Значит, так и надо поступать.

Я так и поступила. Поскольку все видели, что я не смогла удержаться, стало ясно, что дуэт Грейс и Пола переживает не лучшие времена. Поскольку Пол считал Скипа "голубым", мне было нетрудно проводить с ним время без объяснения причин. Почему Пол думал, что Скип - "голубой"? Наверное, потому, что на свой двадцать третий день рождения, который мы отмечали в баре очередного отеля 28 апреля 1975 года, он надел коротенькое красное платьице (позаимствованное у вашей покорной слуги), шерстяные носки, цилиндр, плюс усы и волосатые ноги...

Зная, в какой восторг приходят жители Среднего Запада при виде такой вот "крутой девчонки из большого города", мы пользовались их гостеприимством и праздновали, не обращая особого внимания на прикид нашей "цыпочки". Пол, однако, решил, что ни один гетеросексуал до *такого* не опустится. Почему? Мой отец, например, проделывал такие номера ежегодно, на вечеринке сан-францискских банкиров: все не только переодевались женщинами - репетировались танцы, ставились целые мюзиклы, где мужчины исполняли партии девушек-хористок. Такие вот "гомосексуальные" переодевания... Но Пол не понял юмора. Как, наверное, и большая часть собравшихся в баре в тот вечер...

В то время рок-н-ролл был оккупирован гетеросексуальными мужчинами. Конечно, падение нравов доводило кое-кого до экспериментов в постели, но различия между полами и нестандартная ориентация не были предметом разговоров. Да и я как-то раз... Мы с моей подругой Салли как-то напились и дурачились, пока не вернулся Пол. Мы прослушали несколько дисков Дэвида Боуи и начали обсуждать его бисексуальность: как приятно, наверное, прийти на вечеринку и иметь в своем распоряжении *всех* присутствующих, а не только половину... Ну, и решили попробовать "расширить возможности": понравится - отлично, не понравится - не страшно. Мы выпили еще немного шампанского, поцеловались, потрогали друг у друга соски... и рассмеялись.

"Давай серьезно," - говорили мы друг другу, пытаясь представить, как число наших партнеров увеличивается вдвое... Но через пять минут мы снова рассмеялись, и уже не могли остановиться. В конце концов, решили мы, сорока или пятидесяти процентов приглашенных на вечеринку нам вполне хватит. Я никогда не пробовала повторить этот опыт, понимая, что, если ничего не получилось с Салли, которую я очень люблю, то не выйдет и ни с кем другим. То есть с женщиной, как вы понимаете...

На самом деле, я не в восторге от вагин. Поскольку это всего лишь слизистая оболочка, горячая и мокрая, на которой может быть куча бактерий, то прижаться лицом к чьей-нибудь "киске" для меня - вариант ада. Немного легче, если она чистая и аккуратная, но, в любом случае, это не мое. Я не осуждаю лесбиянок и не утверждаю, что все, что с этим связано - грязь и грех. Мне просто нравятся мужчины: можно *увидеть*, как они возбуждены, все на виду. А у женщин все внутри, и мужчинам трудно понять, насколько сильно наше возбуждение. Приходится либо разжевывать им каждую мелочь, либо просто расслабиться и пытаться получать удовольствие.

Такие вот у Грейс лесбийские замашки... Скип был для меня более реальной фантазией - и более опасной. Когда турне закончилось, и мы вернулись в Сан-Франциско, Пол нанял нового пресс-агента для "Starship", Синтию Боуман. Когда мужчина встречает женщину, которая ему нравится, на его лице явно проступает удовольствие. Я помню, как выглядел Пол, впервые увидев Синтию. Я поняла, что длинноногая блондинистая девица (бывшая модель, кстати) не будет терять времени даром - по крайней мере, именно так я заполучила Скипа. Но Пол тяжеловат на подъем - прошло пять лет, прежде чем у Чайны появился младший сводный брат, Александр. Таким образом, у Пола стало

двое внебрачных детей (о которых он знает) - сын от Синтии и дочь от меня.

Мы с Синтией до сих пор подруги, вместе подшучиваем над Полом и детьми на Рождество. Я также перезваниваюсь с Салли Манн, живущей в Техасе, и с Дарлин Ермакофф, живущей в Малибу. Любовь к одному мужчине часто объединяет женщин сильнее, чем что-либо другое. Ревновать бессмысленно. Учитывая, что вы все-таки любите его, у вас много общего, так почему бы не подружиться и не забыть старые обиды?

37. Коньячные близняшки

В 1974 году, за год до встречи со Скипом, я, как и Йорма в "Chelsea", попыталась сказать о том, что чувствую себя в группе связанной по рукам и ногам. В испаноязычной части моей песни "Manhole" с одноименного альбома, настойчиво повторяются слова "*escapar*" (вырваться) и "*libertad*" (свобода).

Look up - the roof is gone
Amd the long hand moves right on by the hour
Look up - the roof is gone
La musica de Espana es para mi como la libertad...
Convenir resuena para escapar.

(Взгляни - крышка снята
И руки кукловода удаляются ввысь
Взгляни - крышка снята
Испанская мелодия ведет меня к свободе
И шепчет мне: "Прорвись, прорвись!")

Название "Manhole" ("Люк") было выбрано нарочно, чтобы позлить феминисток[51]. А испанский текст был написан для *меня*. Песня была записана в "Olympic Studios" в Лондоне; мы пригласили симфонический оркестр и волынщиков в килтах - крутизна! Главный волынщик, типичнейший шотландец с густой окладистой бородой, сразу же достал бутылочку виски - он пил его с утра до вечера и не напивался! Было весело; альбом оказался творческим успехом, но провалился коммерчески.

Спустя год я все еще не знала, чем заняться, что дало Полу возможность объединить меня с другими такими же неудачниками в "Jefferson Starship" - как оказалось, машинку для штампования "золотых" дисков. Аномальные наркотические грезы песен "Airplane" как-то незаметно переросли в вялые стенания, типа "мальчик с девочкой дружил" - пост-хипповые годы были богаты на такого рода поп-продукцию. Марти оказался в своей стихии, а я... Я обратила свою страсть на нашего молодого

светорежиссера.

Почему-то Джону Барбате приспичило рассказать Полу, что Скип не только гетеросексуал, но "взаимодействует" с вашей покорной слугой не только как с "коллегой". Я думаю, Пол старался не замечать очевидных вещей, но слова Джонни отрезвили его. Он, понятно, спохватился - и уволил Скипа. Пока искали замену (не так-то просто найти светорежиссера, знающего все ваши песни и хорошо умеющего обращаться с сотнями ламп и прожекторов одновременно), я металась по стране за Скипом. Ночь в Детройте (концерт), на следующий день лететь в Чикаго (там Скип ставит кому-то свет), потом быстро в Нью-Йорк (снова концерт) и в Вашингтон (к Скипу)... За три месяца я потратила на перелеты больше, чем за весь предыдущий год!

В одном из гостиничных номеров я как-то присела на край кровати и задумалась: до каких же пор я смогу продержаться в таком ритме, пока не взорвусь?

Когда наше турне закончилось, "Jefferson Starship" вернулись в Сан-Франциско. Скип в это время работал с группой Стивена Стиллза, и мы с моей подругой Салли решили слетать на Аляску, где они выступали. Старушка Салли, как оказалось, интересовалась Стивеном *и* его клавишником, Джерри Айелло. Полу мы сказали, что собираемся пару дней провести в Кармеле, в мотеле "Кабанья голова", которым владел Клинт Иствуд[52]. Никто из нас не был знаком с Клинтом, так что я не знаю, почему мы решили придумать именно это. Но - сработало! Проблема - или самое веселое, как посмотреть - заключалась в том, что для того, чтобы добраться до Анкориджа, нам пришлось четыре раза пересаживаться с самолета на самолет *пяти* различных авиакомпаний (вот уж не знаю, как это получается, разбирайтесь сами). Поудобнее усаживаясь в салоне очередного лайнера, мы с Салли первым делом проверяли их запасы выпивки, поэтому еле доползли до отеля.

Когда мы добрались, наконец, до комнаты и позвонили Скипу, наше состояние его ничуть не встревожило. Он ворвался к нам в комнату в пожарном шлеме с мигалкой! Хотя мы с Салли иногда напивались до зеленых чертей, Скип, все-таки, был ветераном. Он же работал с чемпионами!

Когда Скип занял должность исполнительного директора "The Who", вся группа напилась и решила устроить ему "прописку" - они потребовали, чтобы он достал огнетушитель и с помощью его струи вынес из гостиничного номера в коридор диван! Скип принял вызов и даже пошел за огнетушителем, но, едва он разбил стекло ящика, где лежал огнетушитель, сработала сигнализация. Охрана прибыла прежде, чем Скип успел переместить диван...

Приехав на Аляску, мы с Салли были готовы "встряхнуть" тундру, но Скипу *нужно* было работать. Пока он руководил подготовкой сцены и прочими предконцертными делами, Джоуи Лала (барабанщик Стивена), Салли и я вышли на двадцатиградусный мороз посмотреть, где разворачивалось действие "Зова предков"[53]. Мы шли по заснеженным улицам, и вдруг прямо перед нами приземлился лицом в снег огромный детина. Еще более здоровенный вышибала с посмотрел на него с отвращением и вытер руки, как будто выбросил из бара мешок, полный крыс. Я пробормотала: "А вдруг он тут насмерть замерзнет?" Но Джоуи заметил, что здесь до сих пор царят "суровые законы границы". Кроме того, принятая доза алкоголя спасет его от посинения, по крайней мере, до тех пор, пока он не доберется до следующего бара.

Скип же подтвердил свою способность заниматься тремя проблемами одновременно. Во-первых, ему нужно было заботиться о Коньячных близняшках (Салли и Грейс), во-вторых, у него были концертные дела (тур-менеджер куда-то исчез). Кроме того, в Сиэтле, на обратной дороге, он успел спасти одного из музыкантов от самоубийства, схватив его, уже выпадавшего с балкона, за штаны. Все это, плюс работа светорежиссера - впечатляет!

Мы с Салли вернулись домой под Рождество, как раз успев немного побыть "хорошими мамочками" для Джесси (сына Салли от Спенсера) и Чайны. Джесси был ровесником моей дочери, а мы с Салли были в возрасте Бивиса и Батт-хеда. Мы любили своих детей, но и сами еще не наигрались.

Некоторое время я скрывала нашу со Скипом связь, но в конце концов решила, что это попросту нечестно. Решив, что дальше все будет по-честному, я нашла себе домик в Сосалито, позвонила штатному водителю "Jefferson Starship" Майку Фишеру и попросила подъехать в наш дом на Скале. Потом я поговорила с Полом. Я сказала, что дальше так жить не могу и уезжаю отсюда в течение дня.

Грустно, конечно. Но сожалений не было.

Хотя все это было неприятно Полу, я уверена, что он и сам подумывал о таком развитии событий; ведь виноваты-то всегда оба. Кое-кто из психологов, конечно, с этим не согласен, но я считаю, что оставаться вместе "ради ребенка" не стоит: это создает крайне неприятную атмосферу в доме, детская психика страдает, а семья все-таки разваливается. Я очень рада, что мы с Полом не дрались из-за Чайны, каждый уделял ей столько внимания, сколько мог.

Мы с Салли въехали в новый дом, который она назвала

"Дворец сочетаний". Скип жил там, когда не ездил на гастроли. Так продолжалось до тех пор, пока его снова не взяли в команду "Jefferson Starship". Это решение было естественным - ведь он же был лучшим, другого такого профессионала найти так и не удалось. Теперь, уже живя совместно, мы могли спокойно ездить на гастроли с группой и начать решать бытовые проблемы. Во всех гостиницах я по-прежнему селилась отдельно, тщательно охраняя собственную свободу и предпочитая выть на луну и, буквально, ходить по краю в одиночку.

Опасные эксперименты с собственной жизнью вовсе не означают, что человеку плохо или что он ненавидит собственное тело. Может быть, он, самым примитивным способом, пытается стать частью космоса, изменить себя изнутри - или просто повысить уровень адреналина в крови. "Прыжки Тарзана", автогонки, астронавтика, работа до обмороков, прием наркотиков, форсирование Ла-Манша - все это придумано людьми, пытающимися выйти за так называемые "границы". Иногда это приводит к открытиям, навсегда меняющим облик культуры. А иногда так и остается очередной попыткой хвастливого индивидуалиста вписать свое имя в историю.

Кто знает, что получится...

Когда мы были где-то на Среднем Западе, разразилась гроза, страшнее которой я никогда не видела. Небо постоянно освещалось сполохами. Серые, синие, черные и белые облака прорезались вспышками молний. А над всей этой высоковольтной иллюминацией царили мощные раскаты грома.

Мне хотелось стать частью этой величественной картины - моя обычная реакция. Я открыла окно, скинула с себя всю одежду, залезла на подоконник и стала кричать, как обезумевший болельщик на стадионе, наблюдая за битвой титанов. Обнаженным телом я чувствовала дождь и ветер, грохот заставлял трепетать мою грудь, волосы разметались, закрывая лицо, мой крик с трудом прорывался сквозь громовые раскаты... На несколько мгновений я стала частью постановки *настоящего* хореографа...

Это было фантастично - до тех пор, пока я не услышала сухой голос разума.

Он говорил тем тоном, который обычно используют стражи порядка, разговаривая с беснующейся толпой: "Грейс, это я, твой барабанщик, Джон Барбата... Пожалуйста, вернись в комнату!" Не знаю, может быть, он решил, что я собираюсь спрыгнуть вниз, или уже подумывал, где найти новую вокалистку, но мои действия ему не нравились. Оно и понятно: я не гимнастка, и он сомневался в моей способности удержать равновесие.

Короче, я слезла с подоконника и могу теперь рассказать эту историю. Я не так уж люблю природу, но иногда так трудно удержаться...

38. Пропускать везде!

В 1976 году я вернулась в Чикаго, город, в котором родилась, - как выяснилось, чтобы принять предложение, от которого невозможно отказаться. В один из вечеров нашего гастрольного тура, когда мы со Скипом наслаждались друг другом в постели, он вдруг предложил мне выйти за него замуж. Мой брак с Джерри Сликом сложился сам собой, а с Полом мы отношений не оформляли, поэтому такое *предложение* было для меня в новинку. Мне было очень приятно. Но Скип был так молод, плюс мы оба себя не очень хорошо контролировали (по понятным причинам), поэтому я сказала: "Послушай, я тоже тебя люблю, но уже поздно, мы выпили... Может быть, это просто минутный порыв - давай, ты с утра спросишь меня снова (если захочешь). А если не спросишь, я пойму, что ты просто погорячился".

Скип должен был рано вставать; когда я проснулась, он уже ушел, но на подушке я нашла записку: "Ты выйдешь за меня замуж?" Похоже, этот парень не шутил.

ДА, я хотела жить с ним. И, что важно, я знала, что Чайне он нравится. Скип был молодым и энергичным, так что он мог предложить ей больше, чем просто "Ты поиграй, а я посмотрю..." (как обычно делают отцы). Так что он пришелся по вкусу и маме, и дочке.

Группа всегда заканчивала турне на Гавайях, чтобы можно было отдохнуть и расслабиться. Как-то на Оаху Пэт Дуган, Чайна и я сидели в номере Пэт, расположенном на девятом этаже. Вдруг она взглянула в окно и взвизгнула, увидев лицо Скипа, взобравшегося по наружной стене здания. Перекинув ногу через перила балкона, он улыбнулся и сказал: "Добрый день, дамы!" Чайна захлопала в ладоши, я буркнула: "Ну, здравствуй, Робин Гуд хренов!", - а Пэт набросилась на Скипа, заорав: "Ты, сволочь, меня до инфаркта доведешь!"

В тот вечер вся команда ужинала в фантастическом ресторане "Мишель". Высокие окна огромного зала выходили на пляж, ребенок мог вылезти поиграть в песке. Скип и Чайна воспользовались ситуацией. Они приплясывали у самой кромки воды, а розово-красный закат и темно-синие волны оттеняли их силуэты - именно эту картину я вспоминаю время от времени, когда пытаюсь осознать место, которое оба занимают в моей жизни.

Скип родился в Филадельфии, а будучи светорежиссером, он буквально освещал меня, поэтому мне до сих пор доставляет

массу удовольствия старая песенка Элтона Джона:

Shine a light,
Shine a light,
Philadelhia freedom,
I love you.

(Освети меня,
Освети меня,
Свобода из Филадельфии,
Я люблю тебя.)

От чистильщика туалетов в Филадельфии до исполнительного директора "The Who" за три года! Скип был одним из тех счастливчиков (вроде меня), которые, увидев и захотев какую-то вещь, легко ее получают, как будто им выдали документ с надписью "Пропускать везде!"

Наркотики, "группи", лимузины, пятизвездочные отели - у нас было все, о чем мечтаешь, протирая стойки в дешевых забегаловках. Кое-кто, конечно, скажет, что счастья за деньги не купишь, но, как сказал Дэвид Ли Рот[54]: "Зато можно купить огромнейшую, мать ее, яхту, чтобы попытаться доплыть до него".

Иногда, бесспорно, я грустила о чем-то, но я скорее соглашусь потерять все деньги, чем испытать *настоящую* скорбь. Деньги - ерунда, хорошее настроение - вот главное в жизни. Хотя, может быть, все зависит от конкретного человека: я знаю людей, которые вообще не улыбаются. А я, наоборот, помню, что даже в дерьмовейшей дыре с крысами в подвале, в которой мы жили с Джерри, мне было очень хорошо. Думаю, я похожа на неунывающих героев диснеевских мультиков - что бы ни происходило, моя жизнь все равно напоминала разноцветную сказку с оглушительным звуком и бесконечными титрами.

Мы поженились в ноябре 1976 года, по японскому обычаю, в открытой беседке гостиницы "Ла Хайна" на Мауи. Я чуть не опоздала - мы с матерью украшали орхидеями мое свадебное платье. Боясь, что мы не успеем закончить, я нюхнула кокаину "для нервов", а потом "запила" его ликером, "чтобы хорошо пахнуть". В общем, все пошло наперекосяк, поэтому я решила - в следующий раз никаких наркотиков, никакого алкоголя, даже

есть не буду.

Замечательные мысли для новобрачной, не правда ли?

Мы со Скипом стояли, обнявшись, в лучах удивительного гавайского заката, рядом стояла Чайна с венком на голове. Нашими свидетелями были Синтия Боуман и брат Скипа, Билли, а погулять на свадьбе пришла все участники группы со своими семьями. Все были так счастливы за нас, что вскоре уже поливали друг друга шампанским и нюхали сахар, принимая его за кокаин. Пол отсутствовал по делам группы, но Марти тоже не было. Почему? Кто знает... Он так и остался для меня загадкой. Присутствовали все, включая жен, подруг и детей, но Марти, наверное, витал в тот день в своих собственных облаках.

39. Уволена по собственному желанию

Иногда, проезжая по Береговому шоссе в Малибу, я вижу, как океанские волны накатываются на берег, залитый солнечными лучами, и мне становится так хорошо, что слезы сами текут из глаз. Сейчас ощущение совершенства окружающей природы приходит часто - без влияния наркотиков, без каких-либо причин, просто внезапная реакция на открывающуюся красоту. Но в конце семидесятых я видела все в черном свете.

В 1978 году "Jefferson Starship" предстоял тур по Европе. Давайте возьмем с собой жен! Родителей! Детей! Ура!

Р-р-р. Адское наслаждение.

К этому времени все в группе уже могли играть, совсем не репетируя, концерты шли "на автомате", но в отношениях между людьми все было не так просто. Это была комедия ошибок и недоразумений, вскоре мне уже стало неуютно. Мне не нравилось это "большое семейное путешествие", мне надоел дух непрекращающейся рок-н-ролльной вечеринки.

Представьте: полсотни людей усаживаются в поезд. Чей-то ребенок тут же начинает драться с другим ребенком, родители, естественно, встают на сторону *своего* сына. Чья-то подружка включила фен, и все ждут, пока она закончит и можно будет поспать спокойно. Поскольку мы вязли с собой Чайну, с нами была также Пэт Дуган, ведь и я, и Пол, и Скип работали. Интересно, сколько страховых компаний, банков, издательских домов и тому подобной фигни было задействовано, чтобы этот цирк тронулся с места? Я предпочитаю заниматься чем-нибудь *одним*, поэтому мне было трудно разрываться между бывшим любовником, нынешним мужем, дочерью и окружающей местностью, не говоря уже о собственно путешествии и концертах. У меня от всего этого болела голова.

В 1957 году, когда я была в Европе с родителями, я всю дорогу мучилась рвотой и поносом (вот что значит пить сырую воду). Когда табор "Starship" прибыл в немецкий город Лорелей, я все это вспомнила. Приходилось бегать в туалет с интервалом от трех до пяти минут - представляете, после каждой песни пулей бежать со сцены к унитазу!

Когда я сказал ребятам, что врач запретил мне выходить на сцену в этот вечер, Пол решил, что *без* меня группа играть не будет.

- Почему? - с удивлением спросила я, пробегая в туалет.

- А как ты думаешь, "The Rolling Stones" будут играть без Мика Джаггера?

- Конечно, нет. Но у них *один* вокалист, а у нас *двое*. Марти справится...

В общем-то, все хиты и так пел Марти. Но Пол был непреклонен. Пока мы спорили, играть или нет, в зале пронесся слух, что мы собираемся отменить концерт. Время поджимало. Когда Пол уже почти согласился выйти на сцену, американские солдаты с близлежащей военной базы, расстроенные тем, что "петь не будут", решили все за нас - и полностью разнесли аппаратуру. Теперь концерт *пришлось* отменить. Но нам удалось починить большую часть оборудования, ребята собрались, и к следующему концерту мы были уже в боевой готовности.

Франкфурт...

В аэропорту я зашла в один из маленьких магазинчиков для доверчивых туристов и купила изящную юбку в складочку и жилетку с белыми рукавами-"фонариками" - костюм "истинной арийки", подчеркивающий мое нелестное мнение о роли немцев во Второй Мировой войне. Я хотела надеть этот костюм на концерт, но потом решила, что роль милашки - не для Германии. В ход пошли черная рубашка, черные брюки и черные сапоги. Опустошив содержимое минибара (для храбрости), я решила *принять* образ "врага".

Вот и пришло время засунуть пальцы в нос парню в первом ряду. Я понимала, что происходит; в отличие от своего обычного бессознательного состояния, в этот раз я сама создала себе неприятности. Алкоголь обострил мой слух, и пара заложенных ноздрей в первом ряду мешала мне петь. К ним почему-то оказался приделан какой-то немец, он был очень удивлен, когда я подошла к нему с явным намерением поковыряться у него в носу. Не то, чтобы он был сильно против - а, может быть, просто остолбенел, - но он не издал ни звука.

Закончив, я поняла, что проблема не в нем. Мне не нравились эти нацистские выродки, не нравился "перестроенный" "Airplane" и не нравилось *самой* принимать в этом участие. Мне хотелось, чтобы немцы с отвращением смотрели на себя в зеркало. Мне хотелось, чтобы группа увидела, какое я бесконтрольное чудовище. Когда на следующий день я "уволилась", *никто* не сделал попытки меня удержать.

Настоящий американский панк.

По правде говоря, я устала от всех (кроме Чайны и Скипа). Поскольку Скип был на моей стороне в споре с Полом, могу ли я петь и блевать одновременно, он тоже был готов уйти. Мы оба

улетели домой на следующий же день, и турне продолжалось без нас. На оставшихся концертах Марти пел один.

40. В состоянии опьянения

"Как я могу тебя потерять, если ты от меня не уйдешь?" - название песни Дэна Хикса.

После этого злополучного тура Марти снова покинул группу. Грейс тоже была вне досягаемости, и "Starship" начали искать нового вокалиста. Пока перетряхивался состав, я "осела" дома, чтобы начать работу над сольным альбомом "Dreams" и свести с ума все дорожные патрули штата.

Кое-кто, напившись, плачется на свою тяжелую жизнь, ищет виноватых. Мне же *необходимо* было сесть за руль. Просто счастье, что я никого не угробила: в руках пьяницы автомобиль - страшное оружие. В семидесятых меня *трижды* останавливали за вождение в состоянии опьянения, но *все* три раза я даже в машине-то не была!

Как это? Очень просто. Это называлось "вождение в состоянии опьянения", но, в моем случае, правильнее было сказать "разговорчики в состоянии опьянения".

Перед первым арестом мы с Полом выпили по паре бокалов белого вина (в ресторане "Ванесси" в Сан-Франциско *такие* бокалы!), после чего поехали домой, причем машину вела я. Мы громко спорили, размахивали руками... Когда Пол устал спорить, он попросту выдернул ключи из зажигания и выбросил их в окно, прямо лужайку перед чьим-то особняком, после чего выскочил из машины и зашагал в сторону нашего дома. Я тоже вышла из машины и, встав на четвереньки, попыталась найти ключи. После десяти минут бесплодного ползания в грязи послышались тихие шаги - кто-то подошел и остановился справа от меня. Повернув голову, я увидела *очень крупный* план черных сапог. "Закон и порядок" - ага, полицейский из Сан-Франциско. Вот он, во всей своей красе: темно-синяя форма, значок, руки в боки, на лице написано: "Так, что здесь происходит?"

Когда он *произнес* эти слова, я расхохоталась - мне вдруг пришла в голову мысль, что сейчас я отправлюсь прямо в полицейский участок на Брайант-стрит. Я поднялась с колен, и он повторил: "Так что здесь происходит?" Теперь мне стало *ясно*, что участка не избежать: я продолжала смеяться. Полицейские не любят, когда смеются вместо того, чтобы отвечать; им не нравится, когда их не боятся. Еще им не нравится, когда ползают

на четвереньках по газону. Так что я заработала сразу несколько минусов.

Соседку по камере сильно тошнило. Я решила попрактиковаться в карате - вдруг, поняв, что я опасна, мне предоставят одиночную камеру? К сожалению, меня посадили к пьяной девице, певшей "Band on the Run" Пола Маккартни *всю ночь напролет*. После завтрака (три неопределенной формы куска чего-то серого) адвокат внес залог, я отправилась домой, а мои родители и друзья получили мое имя на первых полосах газет в качестве добавки к *своему* завтраку.

Второй случай произошел потому, что я не проверила уровень масла в машине. 150 миль в час по скользкой дороге - чревато неприятностями. Я спускалась с холма по дороге в Марин Каунти, когда "Астон Мартин" начал дергаться, а снизу повалил дым и посыпались искры. Я быстро приткнулась к обочине и выпрыгнула к черту из готовой взорваться машины. Подождав, пока хоть кто-нибудь проедет мимо (знаете ли, в 3 часа утра движение не слишком оживленное), я остановила "Фольксваген". Парень спросил: "Может, вызвать дорожный патруль?"

"Конечно," - ответила я.

Минут через пять появились черно-белые. Я уже готова была сыграть роль несчастной женщины, попавшей в беду, но полицейский, под два метра ростом, скрестив руки на пивном животе, сказал: "Так, что здесь происходит?" Его ошибка. Мои проблемы.

"Вот, устроила себе, блин, вечеринку с танцами в три часа утра на этом гребаном шоссе," - с удивлением услышала я собственный голос. - "Собственно, и все".

Мы сразу невзлюбили друг друга: мне не понравился его тон, ему - мой ответ. Мне было предъявлено обвинение в "вождении в состоянии опьянения", и я провела ночь в местной тюрьме имени Фрэнка Ллойда Райта.

Последний случай произошел из-за того, что я решила почитать Омара Хайама. Мне захотелось взять немного хлеба, кувшинчик вина, книжку стихов и отправиться на заброшенную полянку где-нибудь в Милл-Вэлли. Я приехала туда, устроилась поудобнее, поела, почитала и немного выпила. Вдруг, резко контрастируя с окружающей зеленью, из-за поворота вынырнул черно-белый. Некто в форме вылез из машины, остановился и посмотрел на меня. Мне и без него было неплохо, но все-таки он захотел узнать, что я здесь делаю, и произнес роковую фразу.

- Ну, и что тут происходит? - спросил он.

- А тебе какое дело?

Ответ неправильный. Мне надо было присесть в реверансе и

прошептать: "Я просто решила перекусить на лоне природы...", но форма, вино и эта дурацкая фраза превратили меня в волчицу-оборотня.

Офицер Крупке сообщил:

- Вы арестованы за пьянство в общественном месте!

- Общественное место? Сосны, сурки и ты - это ОБЩЕСТВО?

А вот и моя любимая комнатка в тюрьме Марин Каунти, где я так люблю проводить вечера... Скип с адвокатом вызволили меня к утру.

Вы можете сказать, что я слишком пренебрежительно относилась к людям. На самом деле, мне их жаль. Адвокаты заплатят залог и будут отстаивать вашу честь в суде - это их *работа*. Но мне немного стыдно, что моим друзьям приходилось бросать свои дела только потому, что "эта дура опять нахамила полицейскому" или "опять надо доставать Грейс из тюряги". Я знаю, у них есть и другие занятия, кроме как выручать меня. Но что-то во мне противится спокойной жизни.

Может, виноваты гены? Или окружение? Или просто черствость? А, может, и все вместе, плюс невоздержанность на язык. Но я не виню Большого Небесного Шеф-повара - похоже, у меня свой собственный суп.

41. Излишества

В конце концов дорожной полиции надоело видеть меня каждый день. Они сообщили, что, если я не буду в течение шести месяцев посещать собрания "Общества Анонимных Алкоголиков", у меня отберут водительские права. Не хотелось терять свободу передвижений, но "Анонимные Алкоголики" представлялись мне этакой моралистской конторой с неизменными проповедями и бесплатной едой.

Я сказала судье:

- Ваша честь, вы не понимаете... Я *могу* сама заплатить за свой ужин. Может, лучше общественные работы?

- Нет, - сказала она. - Это *вы* не понимаете. "Анонимные Алкоголики" - не благотворительная организация. Там люди просто помогают друг другу удерживаться от пьянства.

Ох...

Я начала посещать эти собрания, и, что удивительно, мне там понравилось. Никаких пророков в смешных рясах, никакой дискриминации по расовому, культурному или половому признаку, никакой Библии, Талмуда или Корана - и, что самое главное, никаких проповедей, типа: "Ты будешь гореть в аду, если не..." Просто учат, как не остановиться в духовном развитии. Пока я ходила на собрания и не пила (ровно настолько, чтобы законники не суетились, а семья успокоилась), я научилась слушать - в основном, это были истории людей разных социальных слоев. Я также внесла "все пройдет" в список моих девизов. А еще - завела новых друзей.

Но я не могла представить, что больше никогда в жизни не буду "употреблять". Меня впечатлила коллективная сила духа, мне была интересна самокритика этих людей, поэтому я продолжала ходить на собрания, даже когда представители закона потеряли ко мне интерес. Но в отношении наркотиков или алкоголя я сформулировала собственные правила: после выпитой бутылки стоит, конечно, держаться подальше от руля, но быть трезвой все время совершенно не обязательно.

Где-то в это же в время между мной и Скипом пробежала черная кошка. Я предпочитала выпивку, Скип - опиаты; мы как будто прилетели с разных планет... Но я, в отличие от Скипа, любившего уединение, появлялась в пьяном виде на людях - поэтому именно *мне* нужно было следить за собой. Люди типа моего отца или Скипа, большую часть времени кайфующие тихо, умеют, по крайней мере, не разрушить ненароком весь город.

Было решено, что я отправлюсь в реабилитационный центр Даффи, расположенный в самом центре винодельческих хозяйств Калифорнии.

Смешно.

Посреди ночи кто-то дотащил меня, пьяную, в комнату на верхнем этаже, и проснулась я в раю - везде, насколько хватало взгляда, спелые виноградные грозди... Джину Даффи, хозяину "заведения", нравилось расположение этой "Фермы параноиков", он вообще был человек с юмором. Первое, что я от него услышала, было: "Доброе утро, задница!" Мне понравилось такое начало - ведь он был прав: никто не приезжает к Даффи, пока не окажется в полнейшей заднице.

Я быстро нашла знакомых - кое-кто из них находился здесь уже довольно долго. У одного из "посетителей" так тряслись руки, что ему приходилось делать перевязь из полотенца и класть на нее руку, чтобы донести до рта стакан апельсинового сока, не расплескав его. Кое-кому приходилось весь день сидеть в кресле, обдумывая дальнейшую жизнь - подняться они не могли. Даже те из нас, кому не было сорока, казались старыми развалинами.

Через пару недель на "Ферме параноиков" тем, кто подавал надежду на "прогресс", разрешали прогуляться до ближайшего городка, которым оказалась Калистога. Я воспользовалась этим "глотком свободы" и съездила на дегустацию вин, которыми славится эта местность. По возвращении, казалось, никто не заметил, что я "слегка" нарушила правила. Тогда у Даффи не было анализов на содержание разной дряни в организме, поэтому после обычного трехнедельного курса лечения я вернулась в Сан-Франциско, клятвенно пообещав продолжать посещать "Анонимных Алкоголиков".

Мне нравится быть трезвой и нравится напиваться. Жаль только, что мое поведение так сильно влияет на близких мне людей.

У меня есть несколько поводов (не оправданий, а именно поводов) для таких излишеств в области выпивки, еды и наркотиков:

При росте 168 сантиметров и весе 65 килограммов я считаю, что мне необходимо сбросить килограммов пять и подрасти сантиметров на семь. Я понимаю, что несколько полновата, но позволяю себе раз в неделю оторваться и есть только то, что *люблю*. Если мне не нравится, что я набираю вес, мне ничего не стоит его сбросить. Если *кому-то еще* не нравятся лишние пять килограммов моего веса, это их личное дело - с тем же успехом им могут не нравиться и остальные шестьдесят. Почему я на диете все время, за исключением одного дня в неделю? Просто я

очень ленивая, и мне не нравится таскать лишний вес. Но иногда... Ах, как вкусно...

Говоря со мной о наркотиках, люди постоянно спрашивают: "Разве тебе не нравится твое естественное состояние?"

Да. Мне нравится мое "естественное состояние". Еще я люблю спагетти - но не три раза в день. Я предпочитаю сочетать то, что приятно вкусовым рецепторам, с тем, что полезно организму. За свою жизнь я принимала наркотики по разным причинам: чтобы "расширить сознание", не спать, "видеть цветные галлюцинации" (так никогда ни одной и не увидела), успокоить нервы, снизить уровень холестерола, утихомирить базарных торговок в голове, стать полнейшей дурой, снять воспаление и так далее.

Список легальных и нелегальных наркотиков, которые я пробовала, растянется, наверное, на километры. Но худшим из них был *прописанный* врачом препарат под названием "Зомакс". Как оказалось, эти противовоспалительные таблетки замечательно действовали на крыс - с людьми же почему-то не сочетались. Я приняла этот "Зомакс", чтобы облегчить боль в сведенной мышце. Но через полчаса после того, как я проглотила один из этих цилиндриков (выписанных, надо сказать, Скипу), меня уже везли в больницу - с судорогами, рвотой и сыпью по всему телу. Санитарам пришлось пропихивать мне в горло мокрые полотенца - иначе я не могла дышать (гортань ссохлась и не пропускала воздух). Когда я рассказала врачу, *что* приняла, он спокойно сказал: "Вообще-то его уже сняли с производства - слишком много народу отравилось..."

Какая жалость - а меня даже не зацепило...

42. Соло

Пока знакомые, друзья и представители закона боролись с моими алкогольными проблемами, я работала над сольным альбомом "Dreams". В него вошли песни, написанные во время курса терапии у "Анонимных Алкоголиков". Хотя мне много лет нравилось играть в группе и ездить на гастроли с разными составами "Airplane" и "Starship", *писать* песни я предпочитала в одиночку, сконцентрировавшись на собственных ощущениях. Пол Кэнтнер, напротив, любил сотрудничать с кем-нибудь; ему казалось правильным разделять авторство песни, даже если он написал ее целиком. Иногда, когда мы обсуждали что-нибудь, он слышал от меня фразу, которая ему нравилась, использовал ее в своей песне - и я появлялась на обложке альбома в качестве соавтора.

Но мне нравилось описывать собственные мысли - и именно тогда, когда *мне* этого хотелось. Наверное, я люблю работать в одиночку потому, что в детстве много времени проводила одна. Когда я выросла, продолжая самостоятельно развивать *свои* идеи *своими* методами, надеяться на *себя* стало уже трудноискоренимой привычкой. Я нормально отношусь к сотрудничеству; когда двое или трое людей действительно *объединяются*, чтобы создать нечто, возникает духовная общность, и все работают с удовольствием. Но в моем случае такое случалось крайне редко; я не люблю танцевать под чужую дудку и испытываю неудобство, навязывая кому-то свою точку зрения.

В случае с Йормой Кауконеном в "Airplane" я пару раз написала стихи на уже готовую музыку, но это было не столько совместным творчеством, сколько результатом сложения двух независимых величин. Есть много знаменитых неразрывных тандемов композитора и поэта: Роджерс и Хаммерстайн, Джордж и Айра Гершвины, Элтон Джон и Берни Топин, Лернер и Лоув, Роджерс и Харт. Я почти добавила в этот список Леннона и Маккартни, но они скорее исключение из правил, поскольку совместно писали и слова, и музыку.

Пол Маккартни зашел как-то к нам на настройку в Филлмор - потусоваться и посмотреть, как играет Джек. Я помню это чувство - казалось, нас благословил сам Далай Лама. Хотя наш альбом "Surrealistic Pillow" и оставался в хит-параде "Billboard" больше года, но с "The Beatles" нас, конечно, нельзя было сравнивать. Пол был проповедником, а мы - паствой.

Но и такой вариант совместной работы, как у Леннона и Маккартни, мне не подходил. Я *любила* создавать песни в одиночку, и при записи "Dreams" мне *пришлось* это делать. Я ушла из группы, устав от озлобленности и посредственности творчества, и теперь не знала, смогу ли вообще продолжать заниматься музыкой. Как? Сольно? С помощью студийных музыкантов? Что я могу сказать своими стихами? Достаточно ли я компетентна в организации процесса, составлении контрактов, общении с прессой, наборе музыкантов, написании песен, гастролях, чтобы заниматься этим самостоятельно? И, главное, зачем? Ради аплодисментов? Ради денег? По привычке?

Я писала песни, рассказы и стихи с раннего детства. Я не собиралась с ними что-либо *делать*. Это было для меня развлечением - посмотреть, смогу ли я создать что-то, понятное людям. Иногда я показывала написанное родителям или друзьям, но "профессионально" никогда этим не занималась. После ухода из "Starship", разочарованная в себе и во всем музыкальном мире, я все-таки продолжала писать, выдавая "на-гора" строчки и ритмические куски. К моменту, когда я осталась одна, у меня на руках уже были шесть или семь песен, и Скип решил, что я просто *обязана* сделать что-либо с ними. "У тебя песен на целый альбом, так почему бы его не записать?" - говорил он.

И действительно, почему бы и нет?

Конечно, в этом были и свои недостатки. Для меня мои сольные альбомы были пустышками. Естественно, лейбл оказывал мне всестороннюю поддержку, я же была "звездой" - но я страдала от одиночества. Если что-то шло не так, это была *моя* ошибка. Если шло обсуждение, люди принимали *мое* предложение, даже если оно было абсолютно бездарным. Если *я* не приезжала в студию с утра, никто не мог сесть и записать *свою* песню. Труднее всего было во время собственно записи. Писать песни я предпочитаю в одиночестве, но, когда приходит время воплотить замыслы, важен вклад каждого музыканта - только так можно сделать запись по-настоящему интересной.

Для сохранения свежести звука необходимо каждый раз приглашать новых музыкантов и продюсеров, каждый раз начинать все заново. Это меня многому научило. Мы со Скипом пригласили Рона Фрагипана на место продюсера, взяли несколько старых песен, добавили парочку новых - и выпустили "Dreams". Хотя это и была сольная работа, но в текстах впервые появилась любовь к группе, к окружающим людям. Я не вопила "ты", как бывало в прошлом - в песнях было "я". Хотя я и заменяла его на более нейтральное "она", было ясно, что текст написан от моего имени. Вот, например, одна из этих песен, "Do It the Hard

Way" ("Выбери трудный путь"):

She said I've got to make 'em allthink I'm winning so I'll just tell 'em lies
That way can make sure no one ever knows just exactly what I mean
Then I can beat the drums and yell it to the skies
I'm the queen of the nuthouse, I'm the queen

And I can justify myself - say I've been cheated
I'm the only one in this game who knows how to play
And if it weren't for time - I'd never be defeated
But people, places and things - they get in my way
And I don't like what they say

She's gonna keep on doing it till she proves that they're all wrong
She's got to let 'em know she's exception to the rule
She's got no friends 'cause she thinks she's so damn strong
But she's the only one who doesn't know that she's the fool

(Она говорит: "Я заставлю их верить, что я на коне - надо просто соврать
Никто не поймет даже, где право, где лево
И можно бить в барабан и громко кричать:
Я - королева дурдома, я - королева!

Я знаю, что права - их так легко дурить
Ведь правила игры знаю только я одна
И, кроме как на время, меня не победить
Но люди, места и вещи - все мне наперекор
И мне не нравится наш спор"

Она расскажет им, в чем их вина
Она покажет им, как встать над толпой
Ей не нужно друзей - она все может сделать одна
Но никому не понять, как можно быть такой тупой)

Мне всегда было трудно говорить о боли и страхе. Мне все эти плачи "жертв" казались такими патетическими, что в

собственных опытах я сознательно уходила в лингвистические дебри, пытаясь избавиться от излишней напыщенности. Я предпочитала вызывать своими стихами злость, а не скорбь. Со-чувствие - да. Со-страдание - нет. Но в "Dreams" границы между этими понятиями почти стерлись.

Хорошо ли продавались мои сольные альбомы? Нет, конечно. Если бы я занялась их рекламой, поехала на гастроли - глядишь, получила бы больше. Тогда я не понимала (а сейчас уже поздновато): ни один нормальный человек не выпускает альбомов без следующего за ними концертного тура. Наверное, единственным исключением были "Steely Dan" - им удалось выжить без работы "живьем". Но, кажется, даже *они* на закате своей карьеры дали несколько клубных концертов. Кроме того, в добавление к уже имевшимся сложностям, меня посетила грандиозная идея, что каждая песня должна исполняться отдельно, с антрактами между ними - чтобы подчеркнуть значимость текста. Это не только невозможно физически, это еще и нереально с финансовой точки зрения. Но я отказывалась выходить на сцену и петь песни "Airplane" для того, чтобы продавались *мои* записи.

Честно говоря, сольная работа меня ужасно пугала; создание музыки перестало быть развлечением, появилась нервозность. Для человека, не способного выпить чашку кофе без валокордина, такое напряжение сродни прыжку с пятидесятиметрового трамплина. Все-таки я предпочитаю писать песни и отдавать их группе людей, которые вместе сделают из них *нечто*.

Не так много людей смогли преуспеть в сольной деятельности после ухода из популярной группы. Вспоминаются разве что Стинг, Питер Гэбриэл, Дайана Росс, Фил Коллинз и Майкл Джексон. Большинство же настолько эгоистично, что их буквально распирает от собственной значимости, они бросают группу - и тут же понимают, что в одиночку все не так-то просто.

Из четырех моих сольников лучшим я считаю "Dreams", а самым интересным - "Manhole". Когда не вкладываешься в проект целиком, слушатель легко распознает фальшь. За все недочеты моих альбомов ответственен только один человек - я. Например, когда мне нужно было перевести несколько строк на испанский для "Manhole", я не пошла к профессиональным переводчикам, решив, что *мой* метод проще. Накачавшись кокаином, я просидела в студии до пяти утра, ожидая уборщика-мексиканца. Мы вместе выпили бутылку вина, и он перевел мне текст. Мы *так* намешали языки, что получился учебник "неправильнописания". Если не знать испанского, можно ничего не заметить. Но латиноамериканец долго будет гадать, сколько текилы выпили

эти гринго. Конечно, приятно было посидеть с хорошим человеком, но для альбома результат получился не лучшим.

От моих сольников остается впечатление недособранной головоломки: в них угадывается общая картина, но кусочки не стыкуются между собой. Скип делал все, что мог, но даже "Феррари" не поедет без бензина. Все люди, работавшие со мной, обладали безусловным талантом, но, только записав четыре альбома, я поняла, что для успеха нужна постоянная группа, а не случайные, пусть и профессионально подготовленные люди. Верните меня в стаю, и я добьюсь чего угодно. Посадите в одиночную камеру - буду тихо сосать палец. Мастурбация - это замечательно, но старое доброе танго в постели - лучше.

Хотя я и занималась музыкой, но вела себя по-прежнему буйно, и это беспокоило Скипа и Чайну. Я все понимала, но ничего не могла поделать. У меня было слишком много вопросов, на которые никто не мог дать ответа. Я чувствовала себя канатоходцем, идущим по проволоке без балансира, и уже с трудом удерживала равновесие, понимая, что страховочной сетки внизу нет. Во мне было слишком много цинизма, чтобы продолжать держаться за всю эту цветочную ахинею, а для игры в злобную пьяную панк-рокершу я была старовата... Я казалась себе Королевой дурдома, воображая, что люди вокруг шепчутся: "Смотрите, вон Грейс, опять шляется по барам и соблазняет коридорных в гостиницах..."

Тяжелая болезнь Скипа, подстегнувшая его пристрастие к наркотикам, только углубила мое мрачное состояние. Его тело не *могло*, а мой разум не *хотел* работать. Но что-то - карма, судьба или просто удача, сопутствующая всем дуракам - помогла фениксу подняться из пепла. Или, по крайней мере, оторваться от стакана.

43. С ветерком

В 1979 году, пока мы со Скипом продолжали нашу тихую (а, иногда, и не очень тихую) борьбу с "веществами", Пол собрал новую версию "Jefferson Starship". Минус я. Группа состояла из Эйнсли Данбера на барабанах, Крейга Чакуико на соло-гитаре, Пита Сирза на клавишных, Дэвида Фриберга на басу, Пола на ритм-гитаре и нового вокалиста, Микки Томаса (это он пел хит "Fooled Around and Fell in Love"). Новый состав выпустил очень успешный альбом "Freedom at Point Zero".

Когда обновленный "Jefferson Starship" работал над вторым альбомом, Рон Невисон, продюсер записи, после беседы с Кэнтнером позвонил мне и спросил, не смогу ли я наложить бэк-вокал к одной из песен. Запись происходила в Сосалито, в пяти минутах от нашего дома в Милл-Вэлли, так что далеко ехать не пришлось. Я не ощущала никакого давления: просто потусоваться, немного попеть, встретиться со старыми приятелями и познакомиться с местной студией.

Мы вступали в восьмидесятые, длинные песни о революции и хаосе были далеко в прошлом, о них помнили разве что британские панки - и "Jefferson Starship" начали приглашать авторов со стороны, не надеясь на собственный материал. Конечно, мы считали себя опытными поэтами и композиторами и предпочли бы записывать *свои* песни. Но, когда "сторонние" авторы приносили продюсерам отличную, по их мнению, песню, возможно, хит, мы старались прийти к согласию.

Примером того, как действовали - и действуют - коммерческие соображения является история песни, написанной мною для альбома воссоединенного "Jefferson Airplane" - "Harbor in Hong Kong", о зарождении и процветании торговли чаем и опиумом с коммунистическим Китаем. Хорошая песня, но для сингла этого недостаточно. Да и для альбома слишком старомодная. Так что ее отвергли. В 1968 году я все равно записала бы ее, невзирая на возражения, а тот факт, что она несколько "странная", был бы только *еще одним* поводом включить ее в окончательный вариант диска. Но времена меняются...

"Хочешь делать завернутые альбомы, откуда на сингл нельзя поместить ни одной вещи? В восьмидесятые? Грейс, за *свои* деньги - пожалуйста..."

Я не стала возражать.

Неуклонная коммерциализация начала волновать и Пола - он был против того, чтобы нас спонсировала косметическая фирма

(все остальные участники группы на это согласились). В то время рок-н-ролльные турне стоили бешеных денег: трейлеры, свет, перевозка и монтаж сцены - для этого нужен был "длинный доллар". Без спонсоров обойтись было невозможно. Не то чтобы я возражала против такой постановки вопроса, но не всякий спонсор хорош. Может быть, это мелочи, но рекламировать нефтяных магнатов не хочется. С другой стороны, у производителей зубной пасты может не быть денег на наше турне... Короче, выбор был невелик. В результате группа стареющих музыкантов берет деньги у производителей подросткового крема от прыщей.

Помимо этого, Пол страдал также и от множившейся белиберды, типа: "Детка, почему ты меня не любишь?" Ему это не нравилось, как и ограничения на длину песен. Ни о каких одиннадцатиминутных композициях речь больше не шла - радиостанции не будут их крутить. А группа хотела хитов, чтобы альбомы лучше продавались и деньги текли рекой...

Пола также бесило преобладание стандартной песенной структуры: куплет-куплет-припев-куплет-припев-соло-куплет-припев-кода; он работал по-другому. Но все его попытки делать "честную" музыку разбивались об стремление остальных к модным течениям.

Был ли он прав? Конечно - со своей точки зрения. А мы считали, что лучше озаботиться "современным звучанием". Как обычно, истина была где-то посередине. Но Пол знал, что существует и *его* истина. Разочарованный, он покинул группу - а "Jefferson Starship" продолжили играть как просто "Starship".

"RCA" было наплевать, кто пишет песни, лишь бы они приносили прибыль, и "Starship" начал попадать в хит-парады - благодаря песням "профессионалов". Многостаночник Питер Вольф (нет, не бывший муж Фэй Данэвей) вместе с Иной Вольф написал "Sara", Дайон Уоррен - "Nothing's Gonna Stop Us Now", а Берни Топин (в соавторстве с Питером Вольфом, Деннисом Ламбертом и Мартином Пейджем) - "We Built This City". Все три песни достигли вершины хит-парадов, обеспечив группе хорошие продажи альбомов и успешные концерты на протяжении всей середины восьмидесятых.

Мой вклад в две последних песни был минимальным. Между "Welcome to the Wrecking Ball" и "Software", двумя моими сольными альбомами (о них лучше забыть), я записывала дуэты с Микки Томасом в составе "Starship". Мне это нравилось, но Микки хотел греться в лучах славы в одиночку и превратить группу в свой собственный проект - мое присутствие мешало ему осуществить этот план. Поскольку два из трех мегахитов группы

были нашими дуэтами, ему было трудно возражать против моего участия в деятельности "Starship". Он не говорил об этом вслух, но легко понять, что не очень-то приятно петь на сцене вместе с какой-то старой шлюхой. Как-то не по-рок-н-ролльному.

Я думаю, Микки быстро понял, что наш дуэт не вечен; но можно было выпустить со мной еще пару альбомов - это дало бы ему возможность подзаработать денег и принесло известность. Однако Микки так не казалось. Как потом выяснилось, все мы были недовольны друг другом, но держались вместе до 1986 года.

Возникла и другая проблема: был уволен Эйнсли Данбер, и на его место взяли Донни Болдуина, одного из самых приятных людей в моей жизни, который и сыграл на всех остальных альбомах "Starship".

После ухода Пола я осталась единственной из "золотого" состава "Airplane", и мне нравилось нестись вперед с ветерком, ни о чем не заботясь. Скип, преодолев свою болезнь, снова стал нашим светорежиссером. С ним, Донни Болдуином, Питом Сирзом, продюсером Роном Невисоном и Питером Вольфом работать было просто. Я была окружена друзьями, с которыми было очень весело продолжать "путешествие", а три хита позволили каждому из нас содержать семью, детей, собак, бабушек, обзавестись домами, земельными участками...

Жизнь стала спокойнее - за исключением нескольких неприятных инцидентов, с которыми сталкиваются все сколько-либо известные люди. Как-то ночью я лежала рядом со Скипом, мучаясь бессонницей, и вдруг увидела темную фигуру в дверном проеме. Я почему-то решила, что кто-то из группы ошибся дверью, поэтому потрясла Скипа за плечо и спросила: "Ты не видишь, кто там?"

Зрение у меня хуже, чем у Скипа, я не заметила пистолета в руке у неизвестного. А Скип его увидел. Он издал жуткий крик, настолько громкий, что человек выскочил из комнаты, скатился по лестнице и смылся; его планы были нарушены звуковой атакой. Спасибо рок-н-роллу... Когда его схватила полиция, этот псих рассказал, что инопланетный трибунал послал его в дом Марии Мюльдер для установления контакта. (С пистолетом в руке?) Бедный придурок перепутал меня с Марией Мюльдер, другой темноволосой певицей, жившей в Милл-Вэлли. Я не интересовалась, не осчастливил ли он и *ее* дом своим посещением.

Моя личная жизнь тоже стабилизировалась. Чайна была очень легкой в общении, а Скип был (и остается) моей опорой и братом по духу. Мы устроили передышку в бесконечной череде вечеринок, полных наркотиков и рока. Трезвая, богатая и

улыбчивая, я неожиданно почувствовала, что превращаюсь в собственную мать - не худший образец для подражания, но не *я*. Хотя, конечно, играть в Вирджинию Уинг было лучше, чем в те смертоносные игры, которые я предпочитала раньше.

К сожалению, Пол, уйдя из группы, начал проявлять неприятные особенности своего характера. Он собирал критические статьи, в которых ругали "Starship". Когда на гастролях мы заселялись в очередной отель, наши почтовые ящики уже ломились от ксерокопий этих статей. Они ждали нас; Пол надписывал каждую отдельно, считая, что нам стоит подумать, не только о грандиозном коммерческом успехе. Хотя кое-что из посылавшегося им было по-настоящему смешным, большая часть нас расстраивала. Мы понимали, почему он это делает: ему было больно видеть, во что превратилось его детище.

Для меня "Starship" середины восьмидесятых, после ухода Пола, был полной противоположностью "Airplane" 1969 года - как будто я сменила профессию. У групп были разные цели, задачи и методы; одна была цирком, другая - торговой точкой. "Starship" был *работой*: сделать альбом, снять клип, организовать турне. Ни наркотиков, ни алкоголя, ни диких оргий, никаких гулянок с кем-либо, кроме мужа... Я возила Чайну в школу (если не уезжала на гастроли), покупала овощи в магазине и вела себя неестественно сдержанно.

Мы иногда встречались с настоящими звездами, появляясь на награждениях очередными премиями или на телевизионных шоу. Например, я как-то встретила в туалете Мег Райан - это было, когда мы участвовали в шоу "Доброе утро, Америка", обменялась комментариями по поводу кокаина с Чеви Чейзом во время "Шоу Мерва Гриффина", пару раз "засветилась" у Леттермана, сфотографировалась вместе с Джо Монтаной на "Bay Music Awards", лечилась от наркозависимости вместе с Джерри Гарсией, болтала с Джином Симмонсом из "Kiss" о его коллекции постельных снимков, встречалась со Стингом, с Филом Коллинзом... Мне нравились эти встречи, но они были столь мимолетны, что не оставили никакого следа ни в моей, ни в их жизни.

В этот период мне было *хорошо*. Я начинала думать, что это, в принципе, не так уж и страшно - быть постепенно стареющим рок-музыкантом...

Я не знала, что у времени есть углы, пока не попала в один из них... - Грейс Слик, из песни "Hyperdrive"

Я стала следить за модой - никаких больше "странных" костюмов. Постриглась, начала улыбаться в камеру, отвечать на вопросы журналистов, следить за хит-парадами, записывать синглы - и по-прежнему вытаскивать свою задницу из тюрьмы. Я не чувствовала дискомфорта от такого стиля жизни, потому что он был для меня в новинку - новое звено в цепи смены приоритетов, напоминание, кто я, кем я могу быть и кем *хочу* быть. Но конформизм остался для меня только временным явлением, как и все остальное до того. В конце концов, моя склонность к переменам всегда брала свое.

В который раз я спрашивала себя: "Это *мне* подходит?" Да? Тогда беру по максимуму. Нет? Ну и черт бы с ним. Я беру только то, чем могу пользоваться, остальное мне не нужно.

44. Уходы

В 1984 году (знаменитом благодаря Джорджу Оруэллу) от сердечного приступа умерла моя мать. Я была в концертном зале "Хайатт", в Лос-Анджелесе, и готовилась принять участие в телешоу "Solid Gold", когда позвонил отец. Я никогда не слышала такой скорби в его голосе. Он сказал, что врачи делали все возможное, но спасти ее не удалось.

Услышав это, я на время превратилась в машину, как будто включился автопилот. Я не сказала ребятам, что мама умерла, пока мы не закончили выступление. Не помню, как мы играли, какие песни исполняли... Я знала, что должна делать хоть что-то - если остановлюсь, мысли о невосполнимой потере доведут меня до истерики. Следующие несколько дней были серыми и пустыми. Скип был очень нежен, старался быть как можно ближе, сосредоточиться на моих чувствах. Через несколько лет нам пришлось снова брать себя в руки - пока мы были на гастролях, умер мой отец.

За несколько месяцев до смерти отец нанял сиделку. Я звонила ему с гастролей, посылала глупые открытки, пытаясь его подбодрить, но, думаю, отсутствие близкого человека ничем не скомпенсировать. Почему-то я всегда была *не там*, когда умирали мои друзья и близкие. Мне бы хотелось находиться рядом с моими родителями в их последние минуты. Я не уверена, что могла бы совсем отказаться от концертов (это принесло бы большие трудности "Starship"), но, чем больше я думала о этом, тем больше мне хотелось оказаться у постели отца. Мне кажется, ему очень не хватало семьи...

"Теперь *ты* - глава семьи," - напомнил Пол, вернув меня к реальности.

Какая-то часть меня кипела от злости: "Как вы могли меня оставить?" Не важно, насколько молодо выглядишь - в конце концов, все умрут. Иногда я разговариваю с родителями, надеясь, что их духи услышат меня - о любви, ошибках, желании быть хорошей матерью...

Чем старше я становлюсь, тем очевиднее становится генетическое сходство между детьми и родителями. Я стала вести себя, как моя мама, по крайней мере, на людях; а отец подарил мне лицо и фигуру - в этом я его точная копия (за исключением половых различий). Только восприятие мира у меня совсем другое, вот я и двигаюсь в другую сторону.

Я представляю это так: душа - это тот самый неизвестно

откуда берущийся фрагмент ДНК, который придает структуре, общей для всех, уникальность. Иногда внешние оболочки настолько похожи, что это пугает. Все в моем теле - волосы, форма рук, ступней, носа - напоминает отца. Даже зубы такие же - я выяснила это, сравнив слепки у зубного врача. Не просто похожие - точно такие же! Глядя на него, я видела себя - только на тридцать пять лет старше и в строгом костюме банковского служащего.

Здесь-то и проявляется роль матери. Мы с ней думали одинаково, могли одновременно высказывать одну и ту же мысль. И именно она была "участницей" моего единственного паранормального опыта. Через несколько месяцев после ее смерти я лежала в постели, читая какой-то шпионский роман, и вдруг услышала голос, позвавший меня: "Грейс?"

"*Все нормально!*" - подумала я. - "*Я разговариваю с призраком, и это призрак моей матери.*" Собравшись с силами, я проговорила: "*Да, мама?*"

Но это было все. Ни совета, ни предупреждения, ни неудачных шуток - просто мое имя вопросительным тоном. Некоторое время я приходила в себя, пытаясь снова услышать ее: "Все в порядке. Я не боюсь, ты можешь поговорить со мной - говори что угодно, только не молчи! Я тебя слышу. О чем ты хотела сказать?" Но она, наверное, не видела необходимости говорить еще что-то. Она вошла со мной в контакт - и замолчала. Не знаю, что я должна была понять - может быть, то, что существует жизнь вне телесной оболочки? Или она чувствовала, что нужна мне? Я верю, что существуют необъяснимые явления, я не требую доказательств. Это была самая короткая беседа с ней в моей жизни.

Я знаю, мои родители живут во мне. Они умерли, но остались со мной.

45. Панда

В 1985 году я увидела по телевизору черно-белый комочек меха, сидевший на весах в комнате, заполненной сверкающими прожекторами, бегающими операторами, кричащими репортерами, орущими детьми и суетящимися ветеринарами в белых халатах. Это был детеныш панды из зоопарка Уено в Японии, и над ним тряслись, как над мешком с бриллиантами. Заметив, как спокойно, даже безразлично оглядывает он окружающий хаос, я заинтересовалась: мне казалось, что находиться в окружении такого количества людей должно быть страшно. Я много раз проходила мимо ложи прессы на рок-концертах - беснующейся толпы Homo sapiens, выкрикивающих мое имя, забыв о цивилизованном поведении, присущем этому виду животных.

Панда просто сидел. Он мог попытаться спрыгнуть со стола, но ему, похоже нравились глупые людские выходки. Он научил меня тому, что все вокруг непостоянно и преходяще.

Я разбирала почту, когда мне на глаза попался конверт с нарисованной в левом верхнем углу фигуркой панды. Раньше мне не приходила в голову идея завести себе *дикое* животное: они казались мне частью природы, как цветы или деревья - красивыми, но какими-то неживыми... Этот малыш из Токио показал мне то, что я замечала раньше только в людях - *душу*.

Я вдруг осознала, что эти маленькие создания - точно такие же, как мы, только носят мех или перья вместо кожи. Впервые в жизни я поняла, что личность может проявляться в различных формах. Эти "животные" хотели того же, что и люди - еды, крыши над головой, развлечений, здоровья, мира и тому подобных вещей. Кое-кто из них умеет летать, плавать, бегать или спать лучше, чем мы, кое-кто мог бы оторвать вам голову одним быстрым движением - как, например, панда. Но в них нет злобы. Передо мной открылся неведомый мир существ, с которыми можно дружить. Для "городской девчонки", вроде меня, это было похоже на высадку на другой планете. Правда, я не так часто высаживалась на других планетах - но на свою-то смотрела...

"Хочу панду," - подумала я. Написав в ту странную организацию, приславшую письмо с картинкой, я спросила, как это устроить.

Они были так вежливы, что *не* завопили на весь мир: "Ну и дура же ты!" Наоборот, прислали мне кучу статей, книг и прочей информации, включая тот факт, что панды не могут

принадлежать никому, кроме китайского правительства, которое, кажется, иногда передает парочку-другую другим странам в качестве жеста доброй воли. Так-то. Панды почти вымерли; во всем мире их не больше тысячи. С приходом людей бамбук, их основная пища (панда может съесть до 18 килограммов бамбука в день), жестоко вырубается, и через шестьдесят лет пандам может быть совсем нечего есть.

Так и быть. У меня не будет панды. Но я могу написать о нем песню...

He can feel the night, the last sunset is in his eyes
They will carry him away, take his beauty for their prize
Ah, but hunger would have come when the bamboo forest died...

Oh Panda Bear - my gentle friend
I don't want to say goodbye
Oh Panda Bear - when will the killing end
When will we get it right?
Panda

(Он чувствует ночь, за горизонт закат уйдет
Его красоту человек ради наживы крадет
И голод придет, когда бамбуковый лес умрет...

О, панда - мой нежный друг
Я не хочу от тебя уходить
О, панда - когда же замкнется круг?
Когда ты сможешь спокойно жить?
Панда...)

В связи с проснувшимся интересом к царству зверей я вспомнила, что Скип на Рождество или День благодарения всегда относил большие миски с объедками "на задний двор, зверям".

- Каким зверям? - спрашивала я.

- Ну, знаешь, опоссумам, суркам, лисам, енотам...

Енотам? Они - родственники панды, можно сказать, двоюродные братья, даже мордочка одинаково окрашена...

Я стала выносить еду по вечерам (еноты - животные ночные) и поглядывать из окна, не появятся ли бандиты в масках, чтобы

поужинать. Ага. Они пришли в первый же день, в сопровождении друзей - лисиц, опоссумов, стервятников, сурков, оленей и нескольких бродячих собак и кошек. Шум стоял такой, что приехали даже ребята с телевидения, чтобы это заснять.

Моими любимыми гостями все равно оставались еноты - они были умными, сильными и на удивление мирными. Они приходили с детенышами - потусоваться и поиграть под солнечной батареей (на ее деревянной опоре мы паяльником выжгли надпись "Салун для енотов"). Я была поражена. Они появлялись каждую ночь и съедали два больших мешка сухого кошачьего корма, пару дюжин сырых яиц, четыре пакета печенья, виноград, арбузы, объедки - и вообще все, что лежало на земле. Казалось, что смотришь мультик про животных, изображающих людей: они валялись в шезлонгах, плавали в бассейне, ели виноград и трахались прямо на лужайке - настоящая римская оргия!

Среди енотов, живших в районе нашего дома в Марин Каунти, была мать с маленьким детенышем, приходившие к нам каждую ночь в течение месяца. Однажды, когда они взбирались на холм возле солнечной батареи, я заметила, что они двигаются медленнее, чем обычно: детеныш полз на передних лапах, а задние беспомощно волочились по земле.

Я позвонила в одно из обществ защиты природы и спросила, как лучше поймать малыша и куда его везти лечить, но они сказали, что идея плохая: по возвращении мать может не принять его обратно. Пришлось оставить их в покое и просто наблюдать. Скип придумал детенышу нежное индейское имя - Больная лапа; ночь за ночью я наблюдала, как заботливая мамаша поднимается на холм оттуда, где был их "дом", помогая своему ребенку добраться до еды. Я звала мать Расцарапанная спина - на бедре у нее были четыре царапины длиной сантиметров пять. Шрамы выглядели так, словно она сцепилась с диким котом или пумой и была сильно ранена, защищая Больную лапу - какой-то хищник явно хотел им поужинать.

Месяца через полтора я заметила, что Расцарапанная спина и Больная лапа потихоньку начинают выздоравливать. Густой мягкий мех покрыл шрамы матери, а детеныш начал бегать и играть с другими молодыми енотами, как ни в чем ни бывало. Может быть, они знали какие-то лечебные травы или корешки? А может, просто ждали, надеясь, что пройдет *само*, не думая, как люди, что требуется *вмешательство*? Может, мать вправила малышу лапу, а он зализал ей шрамы - мы никогда не узнаем. Но меня восхищали храбрость и преданность этих енотов друг другу, их внутреннее знание, что нужно выжить, что бы ни произошло.

Расцарапанная спина и Больная лапа - у учителя может быть странная форма, размер или имя...

Пусть они продолжают рыться в ваших мусорных баках - и моих.

После того, как я написала этим "Друзьям панд", мое имя было внесено в общий список "Борцов за права животных". Мне начали приходить письма. Из PETA ("Люди за этичное отношение к животным") я получила несколько фотографий, среди них - снимок разрезанного вдоль белого кролика: на них испытывают косметические средства. Это потрясло меня до глубины души, и я стала серьезно интересоваться использованием животных для тестирования и биологических исследований. (Мошенники!).

После нескольких лет (с 1987 по 1992 год) изучения отчетов Американской медицинской ассоциации, а также сотен книг и статей по практической вивисекции, я стала получать от разнообразных радиостанций, телепрограмм и журналов предложения рассказать о своих взглядах на проблему биологических исследований. В одном из споров я даже приняла сторону Джи. Гордона Лидди (с ума сойти!), который с научной (а не этической) точки зрения отказался от проведения тестов на животных. Наверное, наше странное сочетание, скорее, подрывает нашу точку зрения, нежели доказывает ее. В конце концов, Грейс Слик и Джи. Гордон Лидди, левый и правый экстремисты, не должны договариваться, это нечестно. Но наше единство демонстрирует также, что, когда необходимо, политические противники могут забыть про свои различия ради общих интересов.

Поскольку следующая часть этой главы не имеет никакого отношения к разврату шестидесятых, ее можно пропустить. Но здесь еще упоминаются три причины остерегаться фармацевтических наркотиков (ага, это те, которые официально разрешены "пиджаками"):

1. Жертв такого рода препаратов больше, чем жертв наркомании, принимающих "нелегальные" наркотики.

2. *Все* фармацевтические препараты тестируются на животных.

3. Люди сейчас более подвержены болезням, нежели до начала массового использования животных в тестах.

Дальше объяснять?

Если вам нужна научная (не этическая) информация по этой теме, мой любимый редактор, Рик Хорган, *не* будет снабжать вас ею - он не имеет медицинского диплома, у него хватает работы и без этого. Но *есть* врачи-профессионалы (не из "борцов за права",

просто хорошие люди с довольно громкими титулами и званиями), которые *обладают* полнотой информации, *не будут* вешать вам лапшу на уши, пытаться продать вам какие-нибудь препараты и *вышлют* вам материалы по данному вопросу.[55]

И последнее в этой затянувшейся лекции:

Я так подробно останавливаюсь на этом, потому что хотела, чтобы книга наполовину состояла из описания моей жизни и моей музыки, а наполовину - из рассказов о мошенничествах в сфере биологических исследований. Но, взглянув на двадцать страниц, где я развивала последнюю тему, редакторы сообщили мне, что я впадаю в менторский тон. Пойдя навстречу пожеланиям людей, которые платят мне за эту книгу (вот она, продажность!), я немного подредактировала этот кусок, заменив двадцать страниц проповеди, которая, при всей своей длине, крайне сжата, тремя - но на меньшее я не согласна.

46. Политпирог

Шестидесятые научили меня верить в способность людей *в целом* действовать осмысленно. Но к восьмидесятым мое разочарование в *политиках* достигло апогея. С ковбоем-актером в роли президента и войнами в кустах[56] все это превратилось в фарс. Иногда это было смешно, но большую часть времени походило на какую-то странную игру, типа "Монополии".

Та политическая система, которую предпочитаю я, пока не имеет названия. Она основана - *реально*, а не декларативно - на концепции "правительства народа, из народа и для народа". (Помните такой старый лозунг?) В *моем* идеальном мире правительство будет посылать каждому брошюру, в которой будет сказано, что можно сделать на уплаченные нами налоги, а мы будем выбирать, какая из этих вещей важнее.

Вот, например, вариант такого теоретического списка:

1. Что-нибудь военное
2. Что-нибудь мирное
3. Экологические манипуляции
4. Подставки под ноги для малорослых сенаторов
5. Заповедники
6. Официальное разрешение выращивания галлюциногенных растений
7. Антибиотики для жирафов в зоопарке
8. Бесплатное образование
9. Бесплатная раздача "Dr. Pepper" столетним спортсменам
10. Оформление трущоб модными художниками-монументалистами
11. Ну и так далее.

Правительство раздает всем этот список с указанием, в какую сумму обойдется то или иное действие, и мы распределяем поступающие налоги. Другими словами, выяснив, что для нас важнее, мы рисуем простенькую круговую диаграмму, делим, так сказать, пирог.

Когда компьютер закончит подсчеты, мы узнаем, чего именно хочет большинство. В данном случае, подставки под ноги получают наибольшее количество голосов, а ветеранам остается только ждать. Я считаю, что этот способ поможет сильно облегчить распределение налогов и дать возможность понять, чего на самом деле хотят граждане Соединенных Штатов. Уверена, мы быстро поймем, что демократические процессы имеют мало общего с болтовней депутатов.

Можно спросить: хоть одно правительство - США или другой страны, не так важно - предоставляло своим гражданам такую самостоятельность? Нет. Вот почему им нужно засветить пирогом в лицо - чтобы волеизъявление наконец-то стало свободным.

Неважно, примет ли официальный Вашингтон мое предложение по новой форме распределения бюджетных средств, я считаю существующую систему устаревшей. Сейчас все происходит по схеме "что лучше, кулаком по зубам или пинком под зад?" Разногласия между партиями минимальны, мало кто голосует по убеждениям. Зачем беспокоиться? С другой стороны, если представительница Техаса Энн Ричардс будет баллотироваться в президенты, я буду сидеть перед супермаркетом за сине-красно-белым столиком и призывать людей голосовать за нее.

Когда я собиралась рисовать этот пирог, мне на глаза попалась статья в "Newsweek" за 3 октября 1997 года под названием "Налоговая система изнутри: беззаконная, навязчивая и неуправляемая".

Какой, вашу мать, сюрприз! А мы и не знали... Потом я прочла книгу журналиста Хантера Томпсона "Лучше, чем секс" и познакомилась с его взглядом на политику и закат "нации мечты". Я согласна: ничего не меняется, только костюмы становятся все глупее и глупее. Поскольку обычные граждане понятия не имеют, что происходит, проверки нынешней администрации бессмысленны. Пока США топчется на месте, Япония (или любая другая страна с деньгами и амбициями) выбьется в лидеры, а мы присоединимся к компании старичков, вроде Италии, Испании и Великобритании, проигравших гонку.

Бенджамин Дизраэли как-то сказал: "В политике нет чести," однако, он помогал королеве Виктории захватить побольше заморских земель - к вящей славе Британской Империи. Я ничего не имею против жесткого капитализма - *после* того, как будут решены медицинские, образовательные и жилищные проблемы всего населения страны. Потом каждый может играть в Дональда Трампа[57], если хочет, и вкладывать деньги и энергию в подобное дерьмо.

Огорчает то, что у нас есть ресурсы для удовлетворения основных потребностей граждан, но всевозможные лоббисты тянут одеяло на себя, добиваясь финансирования своих узкоспециальных областей. Скорее всего, это когда-нибудь выйдет им боком.

Успешное взаимодействие людей (все равно, в постели или в правительстве) зависит от того, насколько *разными* они себя чувствуют. Обычно, идет разделение на *"их"* и *"наше"*. А как насчет

"ОБЩЕЕ"?

Этот вопрос я задавала в шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых. И в девяностых я продолжаю его задавать.

47. Пренебрежение

В 1987 году я плюнула на политику, распределив свое время между биомедицинскими исследованиями и "Starship". Но, как выяснилось, моя музыкальная карьера тоже подходила к концу.

Случилось это так: одна из песен на последнем альбоме "Starship" с моим участием должна была исполняться дуэтом с Микки Томасом, по крайней мере, так предполагалось на репетициях. Но, придя в студию накладывать вокал, я обнаружила, что Микки уже записал эту песню в одиночку. Он решил, что, раз его жена собирается рожать, а в песне говорится о детях, у него есть такое право. Разумно. Заодно и дуэты прекратятся...

Я была не против. Понимая желание Микки быть единоличным лидером группы и чувствуя необходимость защищать права моих четвероногих - и пернатых - друзей, я собиралась покинуть группу, как только закончится контракт. Но вмешалась болезнь - из-за полупарализованного плеча я не смогла участвовать в последнем концерте турне. Он должен был проходить совсем недалеко от моего дома, в Южной Калифорнии, но за пару недель до этого левое плечо отказалось действовать. Несколько недель я почти не могла двинуть им. У меня нет горничных, парикмахеров, гардеробщиков и вообще прислуги, а собраться, причесаться или донести сумки до машины самостоятельно я не могла. Так я опять (на этот раз, "легально") вышла из игры до окончания гастролей.

Мне предстояли шесть месяцев физиотерапии, что означало постоянное размахивание руками - а это больно! Такая процедура не была обязательной; существует специальная машина, локализующая проблему. Когда, наконец, меня обследовали с ее помощью, стало ясно, что необходимо серьезное вмешательство. "Вколите ей обезболивающее и сломайте эту чертову плечевую кость," - примерно так сказал врач.

Сработало.

Полгода я сидела дома, лечила плечо, лепила глиняных кукол и читала статьи по биологии. Скип часто ездил на гастроли с разными группами, занимаясь светом или общим контролем. Когда он приезжал, мы вместе ходили на собрания "Анонимных Алкоголиков".

Встречаясь его в аэропорту после гастролей, мы приветствовали друг друга нежно, но без особых проявлений чувств, оставляя их до дома. Но в *тот* день Скип обнимал меня

дольше и крепче, чем когда-либо раньше. Я не обратила внимания, решив, что он просто рад меня видеть - но я ошибалась. Это было проявление грусти, а не радости, потому что он кое-что скрывал. Друзья предупреждали, что он рискует получить по шее от вашей покорной слуги, но Скипу казалось, что *нужно* рассказать правду, чем бы это ни грозило.

"Другой женщине" было двадцать три года, и она выглядела, как королева школьного бала в молодежных сериалах. Я помню, что, увидев ее первый раз, подумала: эта цыпочка принесет много неприятностей какой-нибудь бедной женщине, чей муж устал от семьи. Вот только не знала, что этой женщиной окажусь *я*!

Скип признался, что встречается с ней уже шесть месяцев, но теперь все кончено, и он хочет вернуть нежность и теплоту наших отношений. Практически все наши друзья были участниками "анонимной" программы, эта женщина тоже была в "АА", и я поняла, что все вокруг знали об их интрижке - все, кроме меня. Черт, подумала я, сейчас начнется: кто на чьей стороне, кто кому давал советы - и лицемерные соболезнования бедной старушке Грейс. Я чувствовала, что меня предали, и решила напоследок устроить мелодраматическую сцену.

Вскоре после признаний Скипа мы пошли на большое собрание "Анонимных Алкоголиков", где, как я знала, будет и моя соперница. Я также знала, что, обратившись к ней там, на глазах многих людей, я получу преимущество. Привычная выступать перед огромными скоплениями народа, я встала возле кафедры и жестом пригласила ее присоединиться ко мне - и на нас уже смотрели сотни четыре зрителей, ожидавших начала собрания. Она выглядела смущенной, пока шла через зал; Скип никому не говорил, что намерен рассказать мне об их связи.

Я холодно взглянула на нее, чтобы дать понять окружающим - взрыва не будет, и спокойно сказала, что предпочла бы, чтобы они не секретничали. В конце концов, я же рассказала все Полу. Мне всегда казалось, что пары в рок-н-ролле сходятся и расходятся не так, как все люди, но довольно часто, и, хотя меня это и расстраивало, я приняла это как данность. Мне не хотелось устраивать безобразных сцен с царапаньем и выдиранием волос - "зрители" перебьются. Они поняли, что я все знаю, но не собираюсь терять все из-за какой-то девчонки, а она, определенно, не собирается "уходить в закат" вслед за Принцем Не-Таким-Уж-Обаяшкой.

Скип предложил сходить вместе с ним на сеансы семейной терапии, я согласилась, но это привело только к тому, что у него появилось еще несколько любовниц-"одноночек". Чуть позже, когда я сидела в своем гостиничном номере, попивая кофе,

листая газеты и расслабляясь, мое сердце вдруг забилось так, как будто я только что пробежала пару километров. Обычно со мной такого не бывало, и меня сковал страх. Я не могла понять, что происходит, и не знала, что делать.

- Грейс, - сказала я себе. - Тебе нужно добраться до машины и ехать в больницу. Это совсем недалеко, ты сможешь, только *встань с кресла!*

Я была в ужасе, но добралась до больницы и спросила, что со мной.

- Вас мучает синдром внезапной паники.

- Паника? Какая паника?

- Может быть, стоит показаться психиатру?

Иногда я следую советам.

После нескольких визитов (250 долларов в час) психиатр сообщил: "Кажется, у вас разбито сердце..."

У-у-у...

Он имел в виду ту историю со Скипом и его любовницей. Ну, скажи мне, чего я *еще* не знаю! Оказывается, врач говорил образно, но болезнь-то моя была *настоящей*. Я считала, что проблема в *самом* сердце, и кардиограмма это подтвердила - вышел из строя сердечный клапан, а симптомы оказались похожи на панический синдром. Так что психиатр получил тысячу долларов за трогательные байки о том, что можно увидеть на мониторе кардиографа совершенно бесплатно!

"Поосторожнее со стимуляторами," - предупредил меня кардиолог. Ну, типа кофе, который я пила в гостинице. Так что в этом *не было* вины Скипа. С детства у меня были шумы в сердце, и вот наконец вышел из строя клапан. Просто совпало.

Мы со Скипом жили вместе, как брат с сестрой, еще шесть лет; мне трудно уйти от хорошего человека только потому, что мы не трахаемся. Я знала, что мы разойдемся - в наших отношениях исчезла *страсть*, по крайней мере, с моей стороны, а для меня именно страсть была определяющим фактором. Она настолько увлекательна, что я не могу жить без нее. Собственно, если я люблю кого-то, мне настолько нравится заниматься с ним сексом, что я не могу подумать ни о чем другом. Но когда партнер проявляет больше интереса к компьютерным играм или музыкальным инструментам, чем ко мне, я сдаюсь.

К сожалению, без страсти, этого двигателя вселенной, я - всего лишь набор движущихся органов. Без мужчины, способного полностью завладеть моим вниманием, я распыляю романтическую энергию по другим областями жизни - живопись, музыка, рукоделие, треп по телефону, писание стихов и изучение биологических статей.

Идея, что отношения могут держаться на взаимном уважении и общности интересов, меня не привлекает. Я могу заслужить уважение сенбернара и иметь общие интересы со сторожем в музее, но без страсти лучше буду жить одна и ходить когда и куда *мне* вздумается.

Некоторые люди никогда не повзрослеют...

Начиная почти верить в свою исключительную сконцентрированность на данном вопросе, я вспоминаю, что большинство событий в моей жизни происходило, когда я шла напролом, не разбирая дороги.

В детстве я не собиралась стать певицей, но, увидев выступление "Jefferson Airplane" в ночном клубе, *просто* решила, что есть неплохой способ устроить свою жизнь и получить удовольствие одновременно.

Я не изучала специально политику в колледже, думая, что стану преуспевающим сенатором от либералов. Либеральный взгляд на организацию общества *просто* был мне близок.

Я никогда не думала: "Так, пора взяться за автобиографию". Мой друг, Брайан Роэн, и Морин Реган, мой агент, буквально принуждали меня поговорить с издательством, а мне *просто* понравился процесс, стоило только начать.

Многие вещи просто сами шли мне в руки в свое (или чужое) время, мне казалось, что так и должно быть, что это заложено у меня в генах. Мне нравилось это представление, но я мучилась вопросом, могу ли сделать что-либо *сама*. Иногда лучше всего было отдаться течению, надеясь на авось. Сюрпризы - приятные и не очень - поджидали меня в самых странных вещах.

Например, задолго до неприятностей с сердцем - в 1973 году, если быть точной - я почувствовала боль в груди, и врачи сказали, что стоит показаться психиатру.

Те же решения, те же ситуации - правда, смешно?

Я пошла на прием к заведующему психиатрическим отделением Калифорнийского университета. После четырех сеансов (включающих заполнение стандартной анкеты о семье, перенесенных стрессах, сексуальных предпочтениях и т.д.) он поглядел на мою сумку, стоявшую на полу.

- Тяжелая? - спросил он.

Я передала ему сумку.

- Килограммов десять. Вы же не левша, значит, носите ее на левом плече?

Я кивнула.

- Попробуйте ее немного разгрузить или поносите на правом. Не волнуйтесь, это просто перегрузки.

Я последовала его совету, и боль исчезла. Вот так. Иногда,

если у вас болит горло, можно попробовать последовать совету терапевта и засунуть в рот свою же ногу...

48. Полная гамма

В основном, я занималась своей жизнью, пытаясь не свалиться на особенно крутых поворотах, но наблюдать, как экспериментирует Чайна, было не менее захватывающе. У нее была потрясающая способность - как бы далеко ее ни заносило, она всегда могла вернуться в исходное состояние. Помимо того, что она - моя дочь, она также обладает всеми чертами характера, которые мне нравятся - живая, сосредоточенная, талантливая и не назойливая. Я не только люблю ее - к счастью, она также мне *симпатична*. Я не могла и мечтать о лучшей дочери - или лучшем друге. Мы можем вести себя по-разному - но, добиваясь одной и той же цели, можем быть агрессивными до отвращения - или соблазнительно-нежными... "Входя в роль", Чайна так же прет напролом, как ее мамочка.

Пока Чайна посещала школу в Марин Каунти, она вела себя, как "подобает девочке из хорошей семьи". Когда я забирала ее после уроков, подъезжая на своем разбитом "ДеЛорин" с перекошенными дверями, казалось, что между мной - в высоких кожаных сапогах, короткой юбке и с традиционным рок-н-ролльным стилем жизни - и другими, прилично одетыми мамашами, медленно и с достоинством подкатывавшими на "БМВ", пролегла пропасть. В результате, Чайну мучили комплексы, что ее мама - шлюха и наркоманка.

Потом вдруг произошла перемена.

Когда гормоны и магнитофон начали прививать Чайне новые интересы, мамины необычные занятия и привычки неожиданно стали "клевыми". Тринадцатилетняя Чайна не хотела больше скрывать тот факт, что ее мать почти двадцать лет варилась в кипящем котле контркультуры. Теперь она гордилась своими музыкальными родителями и даже кое в чем обогнала их, начав выглядеть по-панковски: асимметричная разноцветная прическа, десяток колечек в ухе, серебряные браслеты в десять сантиметров шириной, драные рубашки, джинсы, гены и друзья...

А затем пришло равновесие.

Когда Чайне исполнилось пятнадцать, две противоположности слились - и появилась длинноволосая калифорнийская блондинка, обожающая "Duran Duran". Летом она поработала на MTV, став самой молодой VJ - мечта любой старшеклассницы; она тусовалась в моднейших клубах Нью-Йорка, брала интервью у разных групп, ее показывали по телевидению, а в кармане завелись деньги... На панк-стадии учеба

у Чайны, естественно, хромала, но произошло чудо - и в аттестате остались только высшие баллы. Она балансировала между двумя крайностями, взяв из них лучшее и создав *свое*. Поскольку ей удавалось быстрее, чем мне, распознавать разрушительные влияния с обеих сторон, она с успехом сочетала роль *моей* дочери с ролью компанейской девчонки для *своих* друзей.

При этом она не привыкла угождать. Проявляя такую хватку, которой у меня *никогда* не было, она также способна на то, что мне недоступно: на *холодную* ярость. Как-то бывшая любовница Скипа (помните, "анонимная алкоголичка"?) написала ему письмо, а Чайна, которая любит рыться в почте еще больше, чем я, случайно учуяла запах ее духов на конверте. Поняв, что письмо от этой барышни, моя семнадцатилетняя дочь позвонила ей и оставила такое сообщение на автоответчике: "Если ты еще раз побеспокоишь мою семью, я пришлю пару громил порвать тебе задницу!"

Вот так она дружит с любовницами моих приятелей...

49. Снова в дорогу

Я знаю, это священный рок-н-ролл, но я отвергаю его!
[58]- Неизвестный

В 1988 году Пол собрал участников старого состава "Jefferson Airplane" и предложил воссоединиться на один альбом и турне. После короткого обсуждения субординации мы все согласились.

Фантастика! На этот раз "Airplane" помогали лучшие рок-администраторы из Лос-Анджелеса (в противоположность доброжелательным, но бестолковым хиппи Сан-Франциско), которые знали, как организовать серьезное предприятие. Мы были теперь достаточно взрослыми, чтобы подумать об удобствах, поэтому такой выбор менеджеров был удачным.

Поверь, Грейс, белые медведи тоже пользуются туалетами!

Но без проблем не обошлось. Старая ситуация "Грейс и Пол против Джека и Йормы" вернулась моментально. Скип, в соответствии с моими взглядами на организацию проекта, порекомендовал на роль менеджера Труди Грин из "H.K.Management". Встретившись с ней, я была приятно удивлена ее свободным поведением и деловой хваткой акулы шоу-бизнеса. Мой выбор был безоговорочным - умная блондинка из еврейского квартала Лос-Анджелеса, умеющая смеяться и рычать одновременно.

Но Джек и Йорма хотели, чтобы менеджер сочетал в себе фаната, друга и адвоката. Именно такой человек был в их группе "Hot Tuna". И этот человек боялся, что, если представители Западного побережья (т.е. Труди Грин из "H.K.Management") возьмут дела в свои руки, два его "счастливых билета" могут предпочесть распустить свою группу, выбрав местечко потеплее. Он просто не знал Джека и Йорму: им всегда нравилась более интимная обстановка, клубная сцена, и меняться они не собирались. Турне с "Airplane" только привлекло бы к ним больше внимания. Даже вернувшись к своим любимым маленьким клубам, они чувствовали бы себя значительно лучше - только, разве что, под опекой крутых профессионалов из конторы Труди.

Споры о менеджменте были лишь вершиной айсберга. На самом деле, Джека и Йорму просто нервировала обстановка зарабатывания денег.

Конечно, я не собиралась выгонять Труди из-за того, что

ребята боялись монополий с Западного побережья. Скип выступил в роли третейского судьи; Полу нравилась компетентность Труди, Марти не возражал, ребята, в конце концов, тоже согласились - и мы подписали контракт с "Sony" на запись альбома, предоставив Труди Грин разбираться с турне. Единственным отсутствующим из старого состава был сильно болевший Спенсер Драйден. На барабанах его заменил Кенни Аронофф. Остальные были в сборе, включая и блондинистого Марти Бэйлина, специально занявшегося йогой, чтобы поддержать форму.

Мы арендовали автобус, Йорма привел своего замечательного пса Марлоу, и начался старый добрый рок-тур - минус наркотики и алкоголь. Я никогда еще не получала такого удовольствия от пения вместе с Марти. Все мы выросли, и перестали соревноваться, кто кого перекричит.

Были ли у нас "группи", оргии? Нет, конечно. Все были женаты и - временно или постоянно - хранили верность своим "половинам".

Накачивались ли веществами? Тоже нет. Мы стали слишком старыми для этого. Откажет печень - и никакие "Анонимные Алкоголики" не помогут. За исключением марихуаны (Пол, все-таки, из Сан-Франциско), это были абсолютно "чистые" гастроли.

Кричали ли мы полицейским, чтобы те сдохли? Нет. Многие "представители закона" пришли на концерт, купив билеты - да и лет им было вполовину меньше, чем нам.

Кричали ли мы о тупости правительства? Опять-таки нет. Лень? Состарились? Пригрелись? Или сдались? Кто знает? Мы просто хотели напомнить, как все это *было* когда-то.

Грустно? Конечно - если смотреть на это с радикальных позиций. Но, когда люди приходят послушать музыку, она может быть любой - от польки до "два притопа, два прихлопа", это не важно. Главное - музыка, а не антураж.

Так что, за исключением лишних пяти килограммов на каждом из наших стареющих тел, "Airplane" в 1989 года везло больше, чем в 1969. У нас была великолепная аппаратура, отличные залы, трезвые (в основном) зрители, хорошие менеджеры, никаких столкновений с законом, пригашенный возрастом эгоизм и целое турне удачных концертов. А поскольку контракт был временным, мы были, скорее, старыми друзьями, которые случайно оказались музыкантами, нежели участниками "денежного проекта".

Как продавался альбом? Не знаю. Но, по-моему, никто из нас самолетов покупать не начал... Может, кто-то отложил еще немного на обучение детей или Йорма купил еще одного козла для своей фермы - нормальное вложение денег для седеющих

цыган от музыки. Неужели нам было наплевать на материальные вопросы? Ну, если я скажу, что деньги для меня ничего не значат, все решат, что я вступила в какую-нибудь секту. Мы все читали буддистские книги, где говорится, что собственность унижает человека, мы осуждаем себя за пристрастие к вещам... Но мудрецы призывали не к этому! "Любите друг друга, будьте терпеливы"!

Следовательно, я могу сказать, что, хотя тур и не был "золотой жилой", он помог каждому из нас. Мы вспомнили старую дружбу, подзарядились энергией друг от друга... Круг замкнулся.

Вот и отлично!

Часть четвертая

50. Поднимаясь вместе с солнцем

Шел 1990 год, тур "Airplane" закончился, мне было спокойно - и слегка обидно за свою невостребованность. Я знала, что могу выглядеть, действовать и думать, как "настоящая" личность; покончила с дурацкими костюмами и макияжем - холодный душ по утрам и свитер; как любой "нормальный" человек, ходила за овощами, подстригала газон, кормила енотов и трепалась со своей случайной знакомой, Пэт Монаэн. Маленькая, собранная ирландка с примесью индейской крови, Пэт была одновременно храброй и робкой, грубоватой и скромной, духовной и безграмотной, смешливой и серьезной - смесь качеств, наглядно демонстрирующих сочетание инь и ян в человеческом поведении.

Я находила (и нахожу) необъяснимую красоту в том, чтобы просто отдаваться течению жизни. Те, кто любит "действовать", наверное, не поймут меня, но я покончила со своей прежней жизнью. Мне нравится подниматься вместе с солнцем, тихо приводить себя в порядок, изучать то, что вызывает во мне интерес и сочувствие (статьи по биологии), обмениваться сплетнями о любви и лжи с умными и открытыми друзьями и заканчивать вечер ритуальным ужином для енотов, едва зайдет солнце.

Простейшее восстановление себя - каждый день.

Хотя мы со Скипом все еще были женаты, мы проводили вместе не так уж много времени. Он жил около Миннеаполиса, рядом с дворцом "Артиста, ранее известного как Принс". Скип занимался какими-то проектами Его Пурпурного Высочества, поэтому, хотя мы и разговаривали каждый день по телефону, я почти его не видела. Короче, я жила одна, а он иногда приезжал на выходные. Мы не хотели окончательно разрывать отношения.

Я не против жизни в одиночестве, но несколько странно, когда видишь работника на бензоколонке или продавца в магазине чаще, чем собственного мужа...

Конечно, я завела себе нового приятеля. Его звали Бакминстер Рэтклифф Эсквайр Третий. Каждый день я ездила в Тибурон, чтобы поменять простыни, приготовить завтрак, прибраться в квартире и поиграть с его толстым меховым телом.

Он был вежливой раскормленной лабораторной крысой.

"Баки", которого тихо и аккуратно освободили из исследовательского отделения Калифорнийского университета, жил теперь спокойной жизнью под нашим с Пэт Монаэн присмотром.

Зоомагазин Пэт, расположенный на главной улице Тибурона, был одним из уютных магазинчиков начала века, разбросанных тут и там вокруг залива. Каждый день утром, пока покупатели не заполонили все окружающее пространство, известное как Аркада, мы с Пэт приглашали Баки отведать вместе с нами шоколадного печенья за столиком посреди зала, заполненного клетками и всевозможными товарами для собак и кошек.

Как маленький Будда, способный очаровать, не двигаясь с места, он обращал в свою веру посетителей, считавших крыс порочными дьявольскими отродьями. Брюшко придавало ему приветливый вид толстячка-соседа, который так идет животным и младенцам, но неприятен у взрослых. Идеальный представитель своего вида, он жил, как впоследствии и умер - в мире с собой и окружающими.

Так что с утра у меня была крыса, а вечером - еноты. Далековато от "клубничного траха" с Джимом Моррисоном, а?

Середину дня я обычно занималась своими обязанностями в Гуманистическом обществе или на митингах протеста против строительства нового биомедицинского исследовательского комплекса под названием "Бак-Центр". Когда Берил Бак оставила несколько миллионов долларов на "помощь престарелым", адвокаты, бизнесмены, Исследовательский центр Калифорнийского университета, спонсоры и прочие аферисты увидели в этом потенциальную прибыль. Сейчас, через двадцать пять лет после начала работ, половина денег осела в карманах оргкомитета, центр существует только на бумаге, а известные архитекторы получают миллионы за свои проекты.

Место, где, возможно, *не* будет построен "Бак-центр", расположено на горе Барделл в Новато, Калифорния, прямо над одной из жертв землетрясения - хранилищем токсичных отходов. Кроме того, существует множество других исследовательских лабораторий, занятых абсолютно теми же проблемами. Гораздо полезнее было бы потратить деньги Берил Бак на строительство "Центра исследований человеческой глупости" - мы все страдаем этим заболеванием, и, если путем тестирования на крысах будет найдено лекарство, я готова пересмотреть свою позицию в этом вопросе.

Но от смерти *нет* лекарства; можно только манипулировать симптомами. Мы же сметаем все на своем пути, пытаясь избавиться от постоянного страха за свою жизнь.

Что приводит нас к следующей теме: ток-шоу. Отвлекись от жизни/смерти, продай свою продукцию, разрекламируй свой образ жизни, регулярно появляясь в ток-шоу - это стало национальным времяпровождением. Даже я, тихо живя в Марин

Каунти, один раз поддалась искушению и сыграла в "соло на заднице" для "Шоу Говарда Штерна". Я не собиралась ничего продавать, просто мне нравился Говард, и я решила, что это будет интересный опыт.

Когда я выступала с "Airplane" и "Starship", а наши альбомы не вылезали из хит-парадов, наш пресс-агент организовал для нас участие во *всех* ток-шоу. Когда-то был только Джек Паар, но его мы уже не застали. Зато мы видели: вежливых ребят, Майка Дугласа с Мервом Гриффином; треп Дины Шор; "The Smothers Brothers Comedy Hour", где можно было поприкалываться вволю; Дика Кэветта, подавлявшего интеллектом; Джеральдо "Копировальщика" Риверу; вспыльчивого Тома Снайдера; легкого на подъем Ларри Кинга; умного и обаятельного Леттермана...

Но все это было прелюдией к "соло на заднице" у Штерна.

Моя дочь, ее тогдашний приятель Келли и я играли в "поберегись, идет крутой" с "Королем Массовой Информации". Говард решил, что поклонник Чайны похож на живого мертвеца, и сказал ему об этом. Потом он решил, что я должна поиграть с ним в "соло на заднице", что мы и сделали: я легла ему на колени, а он отстучал соло на моих ягодицах (кстати, одетых). Могло быть и хуже (и, наверняка, будет, когда пойдет раскрутка этой книги). Никто не скроется от этого веселого идиота, Говарда Штерна - особенно пятидесятивосьмилетняя бабушка-рокерша.

Чтобы выжить, мне надо принести с собой кое-что из *собственных* игр. Можно прийти в отцовском костюме... или в сопровождении полиции... или привести с собой какую-нибудь из нынешних "звездулек", чтобы выяснить, кто из нас сможет принять большую дозу наркотиков...

Ну, я продержусь дольше, если не подсунут совсем уж какой-нибудь дряни!

Может, тогда народ повалит в книжные магазины в надежде немедленно поднять себе настроение, купив пару экземпляров автобиографии Грейс Слик?..

51. Огонь и страсть

Это случилось в самом конце 1993 года. Скип отдыхал на Гавайях, Чайна в Лос-Анджелесе занималась актерской карьерой, а я уже почти смирилась со своим одиноким монашеством, когда произошел ряд неприятных сюрпризов. Моя тихая жизнь в Марин Каунти была нарушена двумя страшными стихийными бедствиями: огнем и страстью.

Возвращаясь как-то днем домой, я поднималась на холм к своему дому, когда заметила две припаркованные белые машины. Ничего особенного, впрочем, за исключением того, что обе они были заляпаны чем-то оранжевым.

Черт возьми, в чем дело?

Чуть дальше по дороге творилось что-то невообразимое. Въезд на мою улицу был перекрыт полицейскими машинами, какие-то люди суетились вокруг, переговаривались по сотовым телефонам, глядя друг на друга так, как будто за ограждением творилось что-то крайне неприятное. Ну, да. Именно оно и творилось. Мою машину остановили, попросили развернуться и ехать обратно.

- Но я здесь живу! - сказала я им.

- В каком доме?

- 18 по Эскалон... что вообще здесь происходит?

Человек замолчал, потом медленно произнес:

- Один из домов в этом районе сгорел дотла.

- Какой? - спросила я. Почему-то я заранее знала ответ...

- Вообще-то, я не знаю. Разрешите, я позвоню начальнику пожарных и узнаю адрес... - он быстро набрал номер, что-то пробурчал и сообщил, - 18 по Эскалон.

Я онемела. Меня отвели туда, вокруг копошились репортеры, готовые наброситься на меня со своими дурацкими вопросами:

- Мисс Слик, мисс Слик, что Вы можете сказать о происшедшем? Что Вы собираетесь делать? Что происходит? Кто, что, где?...

- Ничего не знаю, - отвечала я. - Я еще не видела, что произошло.

Хвост из фотографов вился за мной, когда я пошла к воротам выяснять, что осталось от нашего со Скипом дома, где мы прожили семнадцать лет. Внутри меня были холод и пустота, как будто я видела стервятников, слетевшихся к умирающему другу. Мой любимый дом, моя защита; всего пару часов назад он был полон знакомых вещей и воспоминаний, теперь все это

превратилось в пепел...

К счастью, при всем моем унынии, я нашла в себе силы собраться и принялась за работу. Нужно было понять, что же случилось, вне зависимости от того, как это *выглядело*.

Дом почти полностью уничтожен, но где две кошки? Кто-то видел, как они убегали в лес. Хорошо. Еноты никогда не показываются до темноты, так что с ними тоже все в порядке. Я почувствовала облегчение, поняв, что животные не пострадали. Теперь можно было перейти к унылому занятию - рыться в пепле в поисках уцелевшего.

Я сняла номер в гостинице Ховарда Джонсона в Сосалито и, усевшись в кресло, смотрела, как горит мой дом в вечерних новостях. Я пыталась добраться до Скипа - в гостинице мне сказали, что он куда-то уехал. Я позвонила в Лос-Анджелес, пытаясь найти Чайну, но она, узнав новости, уже летела ко мне. Наконец, кто-то добрался до Скипа (не знаю, кто), но, когда он приехал, часов через шесть или семь, я уже не держалась на ногах от выпитого красного вина и была зла, как черт, что его *никогда* нет на месте, когда он нужен. Я обвиняла его в своем одиночестве, хотя виновата была сама.

Чайна и несколько ее друзей приехали, чтобы посидеть со мной, в каком бы состоянии я ни находилась. Мне было стыдно, что они видели, как моя обида превращается в злобу на Скипа. Ему-то уже приходилось наблюдать Грейс в бесцельной ярости. На следующее утро я слегка успокоилась, но, раз уж Скип все равно не был со мной духовно, я решила, что пришло время расстаться.

Страховая компания предоставила нам на выбор несколько домов для временного проживания, пока будет восстановлен старый дом или мы купим новый. Маленький коттедж, который мы выбрали, был красивым, но, поскольку наш брак подошел к концу, а дом сгорел, было трудно радоваться этому временному дому в Тибуроне, стоявшему в самом конце Енотовой аллеи, на холме, с которого были видны все окрестности Сан-Франциско.

Самое смешное, что позднее мы узнали, что пожар начался из-за халатности рабочих, устанавливавших знак "Осторожно, огнеопасно!" Почему-то они забыли посмотреть, куда летят искры от сварочного аппарата... К счастью, мы получили достаточно большую компенсацию, чтобы купить два дома, в Пенсильвании и Лос-Анджелесе.

И тут в ситуацию вмешалась еще одна стихия - страсть. Она появилась в виде Лена Кадлера, моего приятеля из Сан-Франциско, с которым мы не виделись с восемнадцатилетнего возраста. Лен жил в Южной Америке, мы иногда переписывались.

"Иногда" переросло в "регулярно" после того, как распался мой брак, а он через двадцать лет совместной жизни ушел от своей гражданской жены. Нам обоим нужен был уют, и мы наивно полагали, что можем помочь друг другу.

Лен ушел от своей жены по вполне тривиальной причине: он нашел у нее в аптечке крем от герпеса. У *него* герпеса не было, где же *она* могла его подхватить? Он сорвался, сел в самолет, не взяв с собой ничего, кроме чековой книжки и паспорта, и через двадцать четыре часа был в Сан-Франциско. Игра началась.

К тому времени, как объявился Лен, мы со Скипом официально развелись; я осталась в доме на Енотовой улице, а Скип снял небольшую квартирку в Милл-Вэлли. Не было никаких шансов на восстановление дома или брака, поэтому я обрадовалась приезду Лена. Но прошло всего несколько месяцев, и я осознала, что его проблемы не ограничивались неверностью жены.

Мы вместе побывали в Беркли, где он учился, съездили посмотреть на розовый сад, который он любил в детстве, посетили несколько ресторанчиков, памятных ему по старым временам, а потом забрались на старый пирс в районе Рыбачьей верфи, сорвали одежду и развлекались до утра. Лен говорил, что чувствует себя Рипом ван Винклем, проснувшимся после долгого сна, который нашел-таки старого друга, узнавшего его.

Катались ли мы по побережью, ходили ли за покупками в Монтерее или гуляли в лесу - его энтузиазм был неподражаем. Я купила Лену компьютер, подключила синтезатор, и он целыми днями просиживал в своей комнате, сочиняя красивейшую инструментальную музыку... А его *ум* - он бы кладезем информации, мог говорить на любые темы, разобраться в любом вопросе... Только собственной психической болезни не мог осознать.

Это случилось в начале 1994 года. Днем мы погуляли по пустынному пляжу, затем поехали в бар "Дом на утесе" поужинать, выпить (в чем слегка переусердствовали) и потрепаться с замечательным барменом по имени Медведь. Вернувшись в Тибурон, мы решили немного потренироваться в стрельбе по пустым бутылкам, выстроив их в ряд на заднем дворе. Через некоторое время я решила, что пора прекращать стрельбу - соседи вполне могли вызвать полицию. Но Лен хотел продолжить веселье. Я мешала ему, и он начал кричать: "Ты все время делаешь только то, что хочешь, тебе наплевать, чего хотят другие! Думаешь, если тебя все знают, так можно на всех плевать?"

Мы начали спорить, и он обезумел: начал толкать меня, ломать дверные ручки, смахивать со столов лампы и вопить,

какая я сука. Я не отвечала, и он ушел в дом. Успокаиваться? Спать? Я не знала, но боялась выяснять.

Часа в два или три ночи раздался звонок в дверь. Лен спустился в холл, а я побежала в спальню за пистолетом - меня три раза грабили в Милл-Вэлли, и повторения этих неприятных случаев я не хотела. Правда, какой дурак будет при этом звонить в дверь? Крепко сжимая в руке пистолет, я побежала вниз и увидела, что Лен стоит на коленях, в наручниках, и вопит окружающим его полицейским: "Стреляйте, гады!".

"Боже, что здесь происходит?" - теперь была *моя* очередь задать этот вечный вопрос. Я не знала, что, пока Лен был в своей комнате, он позвонил в полицию, сообщив, что *я* сошла с ума и не даю ему выйти из дома. Но что-то в его голосе насторожило полицейских, и они приехали защищать *меня*.

Увидев меня с пистолетом в руке, они слегка опешили, потом один из них произнес: "Положите пистолет, Грейс".

"Сначала объясните, что происходит," - настаивала я.

Уступать никто из нас не хотел. Наконец, один из "людей в форме" эффектным движением (за которое позже был награжден), по-футбольному, сбил меня с ног. Откуда-то появилась еще пара наручников, и Лен отправился в местную психушку, а я - в вытрезвитель. С утра меня, конечно, отпустили, и я освободила Лена.

Мы вернулись домой *до* того, как появились репортеры - но они появились. Они были повсюду, стучали в дверь, слонялись вокруг дома, звонили по телефону - все, как обычно. Мы опустили жалюзи и не отвечали на звонки двое суток, пока не появился мой адвокат.

Мне казалось, что, если пойду по магазинам или попытаюсь заправить машину, мне обеспечены косые взгляды и презрение соседей, прослышавших о ночном столкновении с силами охраны порядка. Но, едва я выглянула, меня ошеломила реакция людей: мужчины подходили, пожимали мне руку, восклицая: "И правильно!", а женщины говорили: "Если бы эти сволочи ворвались в *мой* дом без ордера на обыск, я бы тоже их выставила!"

Я не могла поверить своим ушам! Вежливые, добропорядочные жители Марин Каунти вели себя, как герои старых вестернов: "Не шути со мной, крошка!" - а я-то думала, я одна такая! Но роль Бабушки Йоакум из комиксов про М'лыша Абнера кажется смешной, пока речь не идет о твоей семье. Скип и Чайна были поражены.

Конечно, сейчас я понимаю, что, забрав Лена из психиатрической клиники, должна была отвезти его прямиком в

аэропорт и отправить обратно в Южную Америку. Но я считала, что причиной его поведения был алкоголь - он был худшим пьяницей из всех, кого я знала, включая меня. Но он пообещал, что никогда не будет пить, находясь рядом со мной - и я поверила, решив, что справлюсь с такой пустяковой проблемой.

Глупо с моей стороны.

Поскольку Чайна жила в Лос-Анджелесе, а оставаться в Тибуроне я не хотела, мы решили купить дом в Лорел Каньоне. Там, насколько я знала по разговорам с друзьями-музыкантами, жизнь была вполне приемлемой, если не сказать замечательной. Старина Псих (не сильно уважительное, но точное прозвище, которое я придумала Лену) поехал со мной - и началась серия событий, подтвердивших мою прозорливость. Его "проблемы" проявлялись все чаще.

Мы подъезжали к супермаркету и уже собирались припарковаться, когда какая-то женщина завопила: "Вы заняли мое место!" Я вежливо указала ей, что она *въезжала* на стоянку через *выезд*, но она, продолжая орать, начала кидать в нас банановыми шкурками. Я вышла из машины и подошла к ней со словами: "Заткнись, твою мать!.." Тогда она схватила баллончик с какой-то жидкостью и начала поливать ею нашу машину. В этот момент Лен вдруг потерял над собой контроль - на этот раз, не выпив ни капли. Он выскочил из машины, подбежал к орущей женщине и начал методично хлопать водительской дверью ее машины. Она завопила еще громче. Мне удалось остановить неожиданный припадок у Лена, только позвав охранников из супермаркета.

Итак, проблемой Лена был не алкоголь. Мне по-прежнему нравился его ум, поэтому я решила, что все это - просто случайность. "Он так легко возбудим," - решила я, - "а при его росте и весе ему не составит проблем попросту пристукнуть меня в порыве ярости, так что стоит попридержать язык..." Я не хотела признаться себе, что этому парню помощь была нужна значительно больше, чем мне.

Вскоре, возвращаясь из поездки в Долину смерти, Лен использовал мою машину в качестве писсуара, разозлившись, что я не собиралась провести весь следующий год в поисках бумажника, оставшегося где-то посреди песчаных дюн. "Я не выйду из машины - ты уедешь без меня," - так он объяснил свое поведение. Вернувшись домой, я позвонила в гостиницу, где мы останавливались - и, конечно, бумажник был именно там, где Лен его оставил.

В следующий раз Лен сбежал из дома. Это было во время процесса по делу О. Джей. Симпсона. Обругав последними

словами адвоката Роберта Шапиро, Лен вылетел из дома и умчался в неизвестном направлении. Вернувшись через восемь часов, разгоряченный, тяжело дышащий, он ввалился в дверь и выдохнул: "Кто здесь? Здесь точно кто-то есть! Где они?"

"Здесь никого нет, успокойся..." - уговаривала я его. Ну, да, никого, если не считать еще девяти его разных личностей...

Последней каплей стал другой случай. Я пошла спать, оставив его "остывать" возле компьютера. Лежа в темноте, я услышала шаги. Желая уснуть, я отвернулась к стене и не смотрела, что происходит, но услышала шорох, как будто кто-то мял бумагу. Примерно через минуту я услышала: "А ну-ка, что у нас тут?"

Я повернулась и увидела на его лице удовлетворенную усмешку. Край постели был в огне. Я бросилась в кухню, чтобы принести воды, а он только молча стоял и смотрел на разгоравшееся пламя. Потушив пожар, я вернулась в кухню и позвонила в службу спасения. Приехавшие полицейские спросили меня, не оставляла ли я случайно где-нибудь горящую сигарету.

"Нет," - сказала я. - "Мне ни разу не удалось сжечь хоть что-нибудь с помощью сигареты. Как вы думаете, я бы вызвала службу спасения из-за *такого* пустяка?" Они спросили, хочу ли я написать заявление. Это было неплохой идеей, но Лен напомнил мне, что я все еще отбывала испытательный срок за тот инцидент с пистолетом и не слишком умно было бы нарываться снова.

Логично.

Тут я вспомнила, что когда-то он сказал: "Не знаю, может быть, у меня психоз..." Тогда я не придала этому значения, но теперь решила проверить. Чтобы узнать о симптомах психоза, я пошла и купила книгу по этому вопросу. Ага, так и есть, необъяснимые перепады настроения, причем такие резкие, что некоторые из них *требуют* вмешательства медиков... Я позвонила бывшей гражданской жене Лена, и она рассказала мне, что *ее* психиатр утверждает, что у Лена не только психоз, но и маниакально-депрессивный синдром.

Замечательно, только этого мне не хватало - стать единственным зрителем театра абсурда, в котором Лен ставил свой "Полет над гнездом кукушки".

Как можно мягче, чтобы не дать моему сожителю что-либо заподозрить, я обратилась к нему: "Слушай, может быть, нам стоит расстаться? Твоя дочь скучает по тебе, твоя жена одинока, так, может, тебе лучше вернуться в Рио?"

Ага, и вышвырнуть отсюда свои распадающиеся мозги!

Я серьезно любила этого человека, но я знала по собственному опыту, что, если твое состояние постоянно

причиняет людям неприятности, стоит измениться - или уйти.

Лен был моим последним "увлечением". Сейчас я живу одна, в вынужденном целибате, как старая ведьма. Мне нравится мужская энергия, но я предпочитаю не ввязываться в мелодраматические истории, связанные с отношениями между мужчиной и женщиной. Мои друзья, Винни Марино, Рон Нейман и Джастин Дэвис, стараются уберечь меня от неприятностей и рассмешить до слез. Я считаю, что, после музыкантов и комиков, у гомосексуалистов лучше всех с чувством юмора. И, кстати, они лучше воспринимают всевозможные странности в поведении других людей, нежели люди с традиционной сексуальной ориентацией.

Кстати, воздержание не всегда так уж неприятно. Когда я снова влюбляюсь, меня все так же охватывает восторг, но теперь я осознала, что одиночество дает свободу действий. Гасить свет в три часа ночи, являться домой, когда вздумается, слушать музыку весь день или всю ночь - от этого вполне можно получать удовольствие!

Уж не выгляжу ли я фригидной теткой, презирающей секс? Нет! Если я когда-либо решу повторить всю эту романтику, придется отказаться от спортивных костюмов - молоденькие мальчики так их не любят... Я знаю, что обязательно начнутся споры с очередным партнером, кто вынесет мусор, и глупые вопросы, типа: "А когда ты сегодня вернешься?"... "Почему ты со мной не разговариваешь?"... "Почему она не отпускает меня попить пива с друзьями?"... ну, и так далее. Мне это надо? Вот я и говорю "нет" прямо сейчас. (Конечно, я могу изменить свое мнение, если подвернется случай - ведь бывают и исключения...)

Как *часто* я смогу сочувствовать кому-то, кто постоянно рыдает о своей никчемности? Раз в неделю? В месяц? Никогда? Я способна на все, но не *постоянно* - это для меня *слишком часто*. Статистика говорит сама за себя - больше половины браков распадаются. Может быть, это происходит потому, что каждый считает, что ему-то подстраиваться под партнера незачем... Постоянно быть вместе - вот то самое "*слишком*" часто. Может быть, если иногда давать друг другу пожить немного в одиночестве, трения уменьшатся? Или из-за несовершенства человеческой души мы вынуждены повторять свои ошибки снова и снова?

Все эти вопросы я задумывала, скорее, как риторические. Но, может быть, у кого-то из вас есть свои соображения по этому вопросу? Можете присылать их моему редактору, Рику Хоргану, по тому же адресу, что и гипсовые члены.

52. Рок-н-ролл и старость

Иногда меня спрашивают: "Почему ты больше не поешь?" То есть? Я пою все время. Просто сейчас я не стараюсь привлечь зрителей. Я пела своим родителям - теперь я пою себе, енотам, кухонному столу, своей машине, стенам спальни... Для меня петь - все равно, что дышать: пою, потому что живу. Мне не хотелось бы каждый вечер выходить на сцену, чтобы спеть все тот же репертуар. Согласитесь, совсем не петь старых песен было бы нечестно по отношению к зрителям - они хотят то, что знают и любят, а я выхожу и объявляю: "Не буду я петь это старье, вам придется слушать новый материал!"

Нет, ты *действительно* самовлюбленная ДУРА!

Когда пару лет назад этим придуркам вздумалось повторить Вудсток, меня тоже позвали. Я отказалась, потому что верю в нерушимость некоторых вещей. В первый раз все вышло замечательно, но повторить такое невозможно - не стоит и пытаться. Я считаю, что именно это стало главной проблемой Альтамонта. Я не смотрела этот Вудсток, но почему-то не могу поверить, что получилось что-то хорошее. Понятно, что, когда только завоевываешь популярность, приходится петь одно и то же каждый вечер. Но через двадцать пять лет это становится несколько навязчивым... Это, однако, не означает, что я перестала любить эти песни.

Мне нравится все в музыке - от фестивалей типа "Band-Aid" до боли и муки, выплескивающейся на бумагу, до обмороков на сцене. Где-то между этими крайностями - бальзам на душу: студийная работа, в которой мысль обретает (с помощью техники, конечно) свое воплощение.

Я могу прожить без концертов, альбомов, рекламы - мне нравится сам процесс *создания* песни. А в студии я могу довести ее до совершенства, чего бы это ни стоило. Я приглашаю продюсеров, музыкантов, звукоинженеров, умеющих обращаться со звуком профессионально - и мои мысли, иногда довольно бессвязные, превращаются в нечто реальное, ощутимое. Я вхожу в студию в листом бумаги, на котором написаны несколько строчек и пара аккордов - и через несколько часов у меня есть красивейшая музыка, которую услышат миллионы людей (никак не меньше).

Сейчас мне нравится все - рисовать, вязать, переставлять мебель, писать песни, играть на пианино (для собственного удовольствия), участвовать в серьезных беседах о философии и

духовности, наконец, просто валяться на диване... Поскольку профессиональные занятия музыкой для меня, видимо, остались в прошлом, я теперь выражаю свои мысли и чувства с помощью цвета - пастелью. Я никогда не переделываю рисунки, поэтому каждый из них выражает мое настроение.

Мне наплевать на постоянные самоповторы, если они необходимы. Но я всегда считала рок-н-ролл игрой для молодых. Быть старой дурой, постоянно подтягивающей свою дряблую кожу, чтобы казаться молодой - не для меня. Даже смотреть на таких не хочу. Есть стили, где старики смешны - например, хард-рок.

Для классических музыкантов возраст не так важен. Пожилым людям сидеть проще, чем стоять - а для классической музыки такое исполнение естественно. Но хард-рок... Трудно представить, что в шестьдесят у человека хватит на это сил.

Это не значит, что все, кому за тридцать, должны уйти; просто я воспринимаю ситуацию именно так. Если вы не против старческого рока, замечательно! Приходите на концерты, зовите друзей - и у Грейс Слик будет домик в Сан-Тропе... Заодно послушаете, как пятидесятивосьмилетняя тетка вопит: "Up against the wall, *motherfucker*!"[59]

Все это было неплохо в 1969 году. Но нужно ли это *сейчас*? Может быть, я буду первой из рокеров, кому понадобится специальный техник, обслуживающий "утку", и кислородная подушка в паузах между песнями...

Давайте, отдадим рок-н-ролл детям, а сами займемся ненавязчивыми инструментальными композициями для кино! Вот мое мнение относительно стариков, занимающихся рок-музыкой.

А как насчет *слушать*? В 1990 году, когда я завершила карьеру рок-звезды, мне было трудно, включив радио, удержаться от комментариев: "А вот бас бы погромче... в гармонию не попадают... надо наложить эхо на голос... и в конце потише..."

Я не могла просто *слушать*. Но потом оказалось, что это легко - получать удовольствие, не высказывая своего "профессионального суждения". Сейчас я включаю радио, потому что, в противном случае, я *этого* никогда не услышу - ведь я предпочитаю совсем другую музыку. Дайте мне волю - и "Gypsy Kings" будут играть круглосуточно! Радио не дает мне зацикливаться на этом. Но, если бы я была, допустим, Биллом Гейтсом, я наняла бы мальчика, чтобы тот ходил за мной везде и всегда, играя на гитаре фламенко. "*Espana locura me*" ("Я просто без ума от Испании").

Я не говорю музыке "до свидания". Мне вообще трудно прощаться, но, если я снова соберусь выступать, это будет не так,

как раньше. Может быть, тихий вечер встреч в доме престарелых? Мы с Мартой Стюарт споем колыбельную Сида Вишеса - просто вокал, акапелла, да еще постучим ложками по столу...

Запросто.

Поясню. Представьте, что вы - женщина за пятьдесят, никогда не пользовавшаяся пластической хирургией. Положите на пол большое зеркало, снимите с себя всю одежду и встаньте на четвереньки. Посмотрите на себя в зеркало - именно такая картина открывается вашему партнеру в позиции "женщина сверху". Ужасно! Дряблая кожа висит складками, как у шарпея, фигура расплылась... А эго твердит: "Это не я, это не я!" Конечно, с какой-то точки зрения, этот кусок мяса - *не* вы. Но у нас же *есть* глаза, и от отражения в зеркале не скроешься...

Черный юмор: ты становишься тем уродливее, чем умнее. Люди, пытающиеся быть вежливыми или просто отказывающиеся замечать возраст, могут сказать: "Да, конечно, она изменилась - но это ей к лицу". Счастливая бабуля выглядит лучше, чем старая карга - но уродство остается уродством.

Не одобряю, не осуждаю, просто констатирую факт.

Кое-кто из "всемирных гуру" может рассказать много хорошего о жизни, но выглядят они обычно дерьмово. Все вы видели этих беззубых дегенератов, престарелых толстых отшельников со смирением на лицах. Мы любим их? Конечно! Их *тела* привлекательны? Нет!

И еще - почему только мы с Шер предпочитаем не ломать комедию и открыто говорим о неприятии стареющих рок-музыкантов? Это, конечно, не повод для самоубийства, но ведь можно стараться выглядеть привлекательно! Я же не ношу дурацкие платья в цветочек, как большинство женщин моего возраста! (Правда, пирсинга тоже не делаю...)

Трудность заключается еще и в том, что в семьдесят человек обычно выглядит значительно привлекательнее, чем в шестьдесят. В семьдесят уже позволено все, можно быть эксцентричным, не боясь показаться сумасшедшим. Представьте любую свою знакомую в возрасте пятидесяти пяти лет - разве она может вести себя странно или необычно? Данная возрастная группа (к которой сейчас принадлежу и я) является наиболее консервативной, неспособной преодолеть собственную косность. Мы ходим друг к другу в гости, носим костюмы спокойных тонов и обсуждаем детей - короче, стали похожи на своих родителей. Этого ли нам хотелось?

Лично я, поняв, что никаких операций, маскирующих возраст, производить не хочу, начала носить спортивные костюмы - удобно и в глаза не бросается. Так что, встретив меня в

супермаркете, люди проходят мимо - подумаешь, еще одна пожилая тетка, покупающая шесть пакетов сухого корма... Одеваться, как Джоан Коллинз - на это нужно слишком много времени, а я не хочу часами просиживать перед зеркалом или мучиться выбором, что надеть. Оно того не стоит; я уверена, реакция людей на Джоан ограничивается фразами: "А она неплохо выглядит - *для своего возраста*..." Мне этого недостаточно. Я могу привлечь мужика, просто поиграв кредитными карточками. А если он не клюнет - не больно-то и хотелось. Все, что остается пожилым женщинам - сравнивать себя с ровесницами ("А мое платье от Шанель лучше, чем твое от Донны Каран!"). Но мужчинам наплевать, что надето на шестидесятилетней тетке. От этого можно сойти с ума!

Буддисты делят жизнь на несколько больших периодов, каждому из которых свойственна своя модель поведения:

первый - с рождения до двадцати лет - время учебы, когда старшие разъясняют нам значение социальных и логических символов окружающего мира;

второй - между двадцатью и сорока - время действий. Мы заводим *своих* детей и устраиваем *свою* жизнь, заботимся о младших и пожилых;

третий - между сорока и шестьюдесятью - время исследований. Мы копим информацию, необходимую нам в следующей фазе;

четвертый - после шестидесяти - время самодостаточности, когда мы учимся смеяться над собой и слушать голоса природы.

Рам Дасс, мой духовный учитель, ухаживал за своим умирающим отцом. В больницу приходили родственники, улыбались старику, потом выходили в холл и шушукались: "Он совсем на себя не похож, такой спокойный - просто сидит себе тихонечко и смотрит в окно..." Они ожидали увидеть взбалмошного, агрессивного человека, каким он *был* раньше. "Но," - говорил Рам Дасс, - "я никогда не был настолько близок с отцом. Я ухаживал за ним, а потом мы просто молча сидели рядом, наслаждаясь обществом друг друга. Этого никогда не произошло бы, не случись его болезни. Мудрость, как ни жаль, приходит только с годами и с несчастьями..." Его отец, как и многие другие, прозрел лишь незадолго до смерти.

Мне бы, наверное, понравилось заснуть и не проснуться. (Хотя, некоторые теологи утверждают, что именно в этом случае мы впервые по-настоящему "проснемся"...) Не хотелось бы покидать этот свет прямо сейчас, но лучше *согласиться* с потерей, чем пытаться бороться с ней.

Лучше время для размышлений - сразу после поражения.

Ничто не отвлекает - можно просто сесть и медитировать, плавно переводя силы из физической оболочки в дух. Это кажется трудно выполнимым, если думать только о *себе*. Но у нас *есть* выбор: свихнуться от того, что не можешь больше играть в боулинг и пьянствовать - или, расслабившись в тишине, открывать в себе новые стороны, до которых невозможно добраться, пока не отбросишь материальную сторону жизни. Я предпочитаю второй путь, путь совершенства.

53. Отбросить тело

Только призраки могут смело сказать, что *их* диета принесла стопроцентный результат. Сейчас предпочитают ничего не говорить прямо, придумывая миллионы замен простому слову из четырех букв: "УМЕР" - "ушел", "стал прахом", "отошел в мир иной"...

Может быть, вся эта языковая эквилибристика происходит из-за того, что мы ничего не знаем о смерти и боимся почувствовать ее реальность. Часто мы не хотим верить, что великие люди тоже могут умереть.

Билл Грэм - один из таких людей. Он был гигантской фигурой, способной объединять и участвовать, развлекать и слушать, идти вперед методом проб и ошибок - и все это благодаря своей немыслимой энергии. На его похоронах в 1993 году в храме витал дух скорби, но скорби семейной: здесь собрались люди, гордые, что были знакомы с этим человеком, в равной степени отдававшим себя обществу, друзьям и гневу. Я не очень люблю похороны, но в этот раз атмосфера была, скорее, умиротворенной. Не было ни одной из формальных процедур, превращающих прощание в балаган.

Когда кто-нибудь умирает, окружающие обычно говорят: "Он еще столько мог сделать в жизни..." Но это напоминает нам также и о нашей собственной смертности - самому большому в жизни *страху* и самой большой в жизни *тайне*. Во всех религиях есть "потом". Только атеисты считают, что смерть есть *окончание* всего. Но большинство верующих просто не знают, что и думать - им трудно представить, *что* будет потом (за исключением того, что им это, скорее всего, *не* понравится). Мы надеемся прожить подольше, а медики считают смерть человека своей неудачей.

У французов есть выражение "*petit mort*", означающее "маленькая смерть". Оно применяется для описания посторгазмической слабости. Лично я ничего подобного не чувствую, наоборот, ощущаю прилив сил. Но мне нравится использовать его для чувств и эмоций, не касающихся духовной стороны человека. Когда люди врут вам, это "маленькая смерть" - смерть веры. Когда вы не можете чего-то достичь, вы тоже чувствуете "*petit mort*". Когда уходит любимый человек, когда выгоняют с работы, когда остаешься без крыши над головой, когда дружба становится злобой - приходит "маленькая смерть", и маленькие частички вашей души начинают медленно падать в могилу грусти. Потери либо учат нас, что нужно сплотиться перед

лицом боли, либо превращают в циников - чаще понемногу того и другого.

Я не боюсь смерти. У меня было несколько случаев "deja vu", поэтому я верю в реинкарнацию. Мне нравится все испанское настолько, что иногда кажется, что вся моя жизнь прошла в Калифорнии прошлого века, когда она была под испанским владычеством. Фламенко, испанская гитара, "Gypsy Kings" - эта музыка заводит меня сильнее, чем любая другая. Но это не сознательный выбор, я не считаю, что испанское лучше всего остального, просто оно внутри меня.

Один пример моей таинственной связи с Испанией: как-то я смотрела фильм, где была сцена снятая на берегу океана. Когда на экране показалась церковь, я заплакала, потому что знала, что это храм Сан Хуан Капистрано, задолго до того, как это название было произнесено. Я никогда там не была. Это не было слезами грусти; просто вдруг откуда-то пришло ощущение глубокой связи с этим местом на берегу, когда-то принадлежавшим Испании.

Я никогда не вступала ни в какие секты или странные группы (за исключением рок-групп): не в моих привычках позволять вешать себе лапшу на уши. Но я обращаю внимание на вещи, постоянно появляющиеся в моей жизни. Мне все равно, что думают об этом люди, я никого ни за что не агитирую, просто констатирую факты - или, хотя бы, предположения, - странностей, сыгравших огромную роль в моей жизни.

В спорах о душе безопаснее всего быть агностиком. Вселенная настолько велика и неизведанна, мы знаем только ее малую часть. Поэтому, когда люди говорят, что знают, "как это было, есть и будет", я им не верю. У меня тоже есть мысли по этому поводу, но кто может их подтвердить или опровергнуть? Как узнать, кто создал все это, или почему вселенная именно такова? Но кое в чем можно быть уверенным:

"Все происходит именно так, как должно. В противном случае все было бы по-другому," - Сэнди Харпер, 1978 год.

Сэнди - обычный парень, который произнес эти слова, передавая мне несколько записей лекций Рам Дасса. Оба они - личности, и обоих вполне устраивает "то, что есть".

Я боюсь физической *боли* умирания больше, чем самой смерти. Кроме того, у меня есть определенная гордость - я не хочу, чтобы однажды утром пришедший почтальон обнаружил на полу мой хладный труп с застывшей гримасой боли. Неплохо было бы тихо заснуть, как спящая красавица, но для меня это уже поздновато, поэтому я придумала другой способ.

Внимание! Прошу не рассматривать нижеследующее как руководство к действию!

Мне нравится жить, но, когда придет время, мне хотелось бы умереть...

ВЗОРВАВШИСЬ - прямо на белые стены!

Я приму маленькую таблетку (к сожалению, ее еще не изобрели, но, я надеюсь, что это - вопрос времени). Секунд через пятнадцать (чтобы успеть подумать, но не слишком долго) эта штука взорвется, я распадусь на миллионы мельчайших кусочков, и опознать меня будет невозможно. Я буду повсюду - на стенах, на полу, на потолке, на мебели... И кусочки будут настолько маленькими, что невозможно будет отличить мозг от сердца, печени или легких - только красные, синие, желтые оттенки. Цвета тела.

Потом можно будет покрыть комнату лаком и превратить в единственное в своем роде произведение искусства. Жаль, Энди Уорхол умер - ему бы понравилось.

Последний идиотский взнос в копилку человечества.

Единственное, что меня останавливает - таблетка. Кому-то надо ее изобрести. Если кто-нибудь читает эти строки и желает поучаствовать в этом проекте, вы знаете, к кому обращаться. Конечно же, к старине Рику.

А пока я буду жить в согласии с природой, рисовать и писать, потому что это заставляет меня чувствовать себя счастливой - и *живой*. В этом, 1997 году, пока мы с Андреа заканчиваем книгу, за каких-то два месяца, август и сентябрь, умерло очень много людей, пытавшихся дать этому миру чуть-чуть счастья... Возможно, теперь я пересмотрю свои взгляды, постараюсь больше смеяться, помогать людям, наслаждаться жизнью - пока еще могу. Один из величайших духовных учителей, Стивен Левин, как-то сказал: "Живите так, как будто сегодня - последний день вашей жизни".

54. Несколько слов на прощание

Я вижу свою жизнь, как серию написанных мной портретов, бесконечное число картинок, которыми мы меняемся, как дети - вкладышами от жевательной резинки. Если вы посчитаете, что факты в моей интерпретации слегка отличаются от реального положения дел, я могу признать свои ошибки, переступив через гордость - или предложить вам кислоты, чтобы вы могли оценить все самостоятельно.

Не противоречу ли я сама себе? Конечно! Когда это становится ясно всем вокруг, я сооружаю еще один готовый рухнуть карточный домик, переходя к следующему вопросу. А что мне делать? Пытаться удержать эти кусочки покрытой пластиком бумаги?

А что будете делать *вы*, если *вас* поставить перед чистым холстом? *Я* неплохо потрудилась над *своим*, но работа не закончена, все еще можно изменить - что я и собираюсь делать постоянно.

Смотреть в будущее или прошлое значительно легче, чем в зеркало, отражающее происходящее *сейчас*. Изображение заслоняют тени прошлого и образы будущего. Единственное, что я сейчас могу сказать с полной уверенностью - я живу в Малибу, восхищаюсь красотой этого кусочка природы, расположенного возле моря, рисую, думаю о жизни и смерти, слежу, как время чертит линии на моем лице и руках, часами разговариваю по телефону со своими друзьями, разбросанными по всей стране, грею воду в бассейне для моих тонкокожих приятелей, все лучше и лучше узнаю своего соавтора, жалею, что мама с папой не могут увидеть мой дом, надеюсь, что моей дочери нравится это "путешествие" и жду очередной подачи Главного Разыгрывающего.

Вернусь ли я в музыкальный бизнес? Нет - до тех пор, пока кто-нибудь не позвонит и не скажет, что для новой песни ему нужна певица с диапазоном, как у четырехтонной лягушки.

Собираюсь ли я снова замуж? Нет, я все еще замужем за Скипом. Кроме того, Тимоти Лири уже умер...

Мне нравится, что перемены все еще способны меня удивлять и что у нас все еще достаточно красок, чтобы нарисовать себе свой собственный мир...

Жизнь - это череда расставаний.

Есть ли у меня, что сказать на прощание?

ДА!

notes

1

Женская организация правого толка, членство в которой возможно только для прямых потомков видных участников американской революции.

2

MGM ("Metro-Goldwin-Mayer") - одна из крупнейших американских кинокомпаний.

3

Выдающийся американский сатирик, выступавший с памфлетами, "оскорблявшими общественную нравственность," за что неоднократно привлекался к суду. Умер, как сказано в официальном заключении, от передозировки наркотиков (подозревали, что это - работа спецслужб). О его жизни снят фильм режиссера Боба Фосса "Ленни," где роль Брюса сыграл Дастин Хоффман. Брюсу посвящена также песня группы "The Great Society" под названием "Father Bruce".

4

Растение с листьями, похожими на дубовые, и крайне ядовитой пыльцой.

5

Одна из крупнейших фирм, распространяющих товары, собираемые по принципу конструктора (теперь и в России, блин).

6

Имеется в виду американский футбол.

7

Привилегированный женский колледж.

8

"Seagram's" - известная марка алкогольных напитков.

9

Первое поселение англичан на территории Северной Америки. Основано колонистами, прибывшими на корабле "Мэйфлауэр" ("Mayflower").

10

Барбара Роуз (Barbara Rowes), автор книги "Grace Slick: The Biography".

11

Здесь и далее перевод стихов скорее смысловой и интуитивный, нежели прямой. Мне хотелось сохранить скорее *дух*, нежели *букву*.

12

Известный американский актер, сценарист и режиссер, прославившийся фильмами "Мальтийский сокол," "Моби Дик," "Неприкаянные," "Честь семьи Прицци," отец актрисы Анджелики Хьюстон, режиссера Дэнни Хьюстона и сценариста Тони Хьюстона.

13

"Too much cold Norvegian blood" - цитата из песни "Eskimo Blue Day" (альбом "Jefferson Airplane" "Volunteers," '69). Дед Грейс был выходцем из Норвегии.

14

Правая молодежная организация, выступающая за "традиционные американские ценности".

15

Голливудский актер (сыграл в фильмах "Бен Гур," "Планета Обезьян," "Аэропорт"), ушедший в политику, известен своими правыми взглядами.

16

Марка виски, которую предпочитала Джанис Джоплин. В знак признательности "за бесплатную рекламу" своей продукции компания "Southern Comfort" подарила ей шубу.

17

Гибрид слов "future" (будущее), "farther" (дальше) и "tour" (поездка, турне).

18

Автор культовых книг "Страх и ненависть в Лас-Вегасе" и "Лучше, чем секс".

19

Гитарист и вокалист "The Mamas and the Papas," один из организаторов фестиваля.

20

Стенли Оусли, изобретатель "психоделического светового шоу" (когда изображение проецируется на музыкантов) и выдающийся химик, производил ЛСД кустарным способом, но в огромных количествах.

21

Гимн Соединенных Штатов.

22

Барабанщик "The Who".

23

"Suite: Judy Blue Eyes" - песня группы "Crosby, Stills & Nash," написанная Стивеном Стиллзом.

24

Американский актер с амплуа героя-любовника, снимался в фильмах "Капитан Блад," "Принц и нищий," "Приключения Робина Гуда," "Морской ястреб". Вел крайне распущенный образ жизни.

25

Биограф "The Doors".

26

Персонажи культовых фильмов, мультфильмов и комиксов в жанре "черной комедии," семейка вампиров.

В Штатах это очень просто, лицензию можно даже получить по почте.

28

Американский актер и режиссер, снявший фильм "Анатомия убийства" и киноверсию оперы "Порги и Бесс".

29

Американский дирижер, пианист и композитор, автор "Вестсайдской истории".

30

"And the band played on:" - цитата из песни "Hot Tuna" "Sunrise Dance with the Devil" (альбом "Yellow Fever," '75)

31

"One American Movie". Название фильма было позже сокращено до "One A.M.," что можно также перевести как "Первый час ночи". В процессе производства Годар бросил фильм, и он был окончательно смонтирован Д.А.Пеннебейкером, который был одним из операторов. Пеннебейкер известен также как кинорежиссер-документалист, основатель направления "жизненного документализма," он снял фильмы о музыкальных фестивалях в Монтерее и Торонто, а также о Бобе Дилане, Дэвиде Боуи, Джейн Фонде.

Rip - рвать, драть *(англ.)*

33

"American Telephone & Telegraph" - компания, производящая телекоммуникационное оборудование, в частности, телефоны.

34

Кадровое агентство в Сан-Франциско, занимающееся подбором актеров и персонала для киносъемок. Короче, ищут пожарные, ищет милиция...

35

За выход на демонстрацию в майке, сшитой из американского флага, Эбби Хоффман был осужден и приговорен к нескольким месяцам тюрьмы условно и денежному штрафу.

С этого начался скандал, названный "Уотергейт," в результате которого Никсон был вынужден уйти в отставку.

37

Известный спортсмен подозревался в убийстве жены и ее любовника, но был отпущен, несмотря на веские доказательства его вины.

38

В Кентском университете была расстреляна студенческая демонстрация.

39

Детектив, персонаж популярного телесериала.

40

Джеймс Бонд, агент 007, в нескольких фильмах ездил на "Астон Мартине".

41

Вокалистка группы "The Mamas and the Papas".

42

"Wooden Ships" ("Деревянные кораблики") - песня, написанная Полом Кэнтнером, Дэвидом Кросби и Стивеном Стиллзом, вошла в репертуар "Jefferson Airplane" и "Crosby, Stills & Nash".

43

Место, где хранится золотой запас США.

Имеется в виду Уотергейтский скандал.

45

Гибрид Дика Никсона и Дарта Вейдера - мрачного отрицательного персонажа из фильма "Звездные войны".

46

Группа, созданная Йормой и Джеком параллельно с "Airplane," изначально называлась "Hot Shit" ("Горячее дерьмо"), но под давлением звукозаписывающей компании была переименована.

47

Отель в Нью-Йорке.

48

Лапша с мясом.

49

Рисовая водка.

50

Марка калифорнийского вина. Обыгрывается прозвище Грейс - "Хромированная монашка".

51

Название альбома можно разбить на два слова "Man Hole" и перевести как "Мужская задница".

52

Иствуд некоторое время был даже *мэром* города Кармель в Калифорнии.

53

Роман Джека Лондона.

54

Вокалист группы "Van Halen," известный разгульным образом жизни.

Далее Грейс приводит адреса организаций, занимающихся защитой животных и проблемами биологических тестов.

56

Рональд Рейган, 40-й президент США, до начала политической карьеры был актером. Фамилия Джорджа Буша (Bush), 41-го президента США, переводится как "куст".

57

Мультимиллионер, известный своими дорогостоящими проектами.

58

"I know it's holy rock and roll, but I spike it!" - перефразированная цитата из песни "The Rolling Stones" "It's Only Rock'n'Roll": "I know it's only rock'n'roll, but I like it!" ("Я знаю, это всего лишь рок-н-ролл, но он мне нравится!")

59

Строчка из песни "We Can Be Together" (альбом "Jefferson Airplane" "Volunteers," '69).